

**ЮРИЙ
АЛКИН**

**ЦЕНА
ПОЗНАНИЯ**

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Юрий Алкин

Цена познания

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	4
Глава первая.....	4
Глава вторая.....	14
Глава третья.....	25
Глава четвертая.....	41
Глава пятая.....	51
Глава шестая.....	70
Глава седьмая.....	79
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	100
Глава восьмая.....	100
Глава девятая.....	119
Глава десятая.....	136
Глава одиннадцатая.....	154
Глава двенадцатая.....	179
Глава тринадцатая.....	202
Глава четырнадцатая.....	224
Эпилог.....	251

To be or not to be?

Shakespeare

- Кто ты?
- Я – Пятый.
- Откуда ты появился?
- Меня родила женщина.
- А меня тоже родила женщина?
- Да.
- Любая женщина может родить?
- Почти любая.
- Кто не может?
- Старушка не может.

Дальнейшего вопроса не следует. Профессор умолкает и с негодованием смотрит на меня. Я понимаю, что опять не прошел экзамен. В пятнадцатый раз. А может, это и двадцать восьмой. Не знаю. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я сбился со счета. То, что около полугода назад выглядело ерундой, оказалось непосильной задачей.

Профессор возмущенно пыхтит.

- Пятый, вы понимаете свою ошибку?
- Да.
- Ну и в чем же она состоит?
- Я сказал, что старушка не может родить.

– Не играйте словами! Вы отлично знаете, что нарушили запрет. Вы свободны. Если вы не сдадите экзамен до конца месяца, можете забыть о контракте.

Я выхожу из класса и бреду к себе в комнату. Все это мне ужасно надоело. Но сумма в обещанном контракте настолько внушительна, что я продолжаю пытаться сдать этот ненормальный экзамен.

В комнате меня как всегда охватывает еще большее уныние и злость. Обстановка напоминает номер приличной гостиницы и сама по себе совсем

неплоха. Но отсутствие окон, книг и газет нагоняет тоску. Автоматически включаю телевизор, но река, лениво текущая на экране, напоминает о том, что, кроме природы, здесь ничего не показывают. Зато выбор огромен – двадцать программ с различными пейзажами. Наверное, какое-то светило доказало, что такое телевидение умиротворяет и помогает концентрироваться. У меня оно. на данный момент вызывает только желание запустить в телевизор чем-нибудь тяжелым. Борюсь с этим желанием, выключаю реку и беру гантели. Хоть это мне не запрещают в моем сумасшедшем доме.

Гантели, душ, ужин. И снова учеба. Глупая, непонятная и раздражающая своей непонятностью. С отвращением сажусь за компьютер и запускаю обучающую программу.

Выберите предмет.

Так, что у нас есть – история, литература, технологии, живопись, развлечения... Займемся-ка мы сегодня историей. Два месяца назад я бы еще мысленно сказал: «Посмеемся». Сейчас я добавляю: «Поплачем».

Дикая помесь Библии с арифметикой. «Бог сотворил Адама и Еву. Адам познал Еву, и она родила Каина... Шинав родил Первого и Вторую... Адад родил Третьего. Третий взял в жены Вторую и родил Четвертого и Пятого...» Бред. Но мне его надо знать наизусть. Потому что согласно контракту я и есть тот самый Пятый.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Я не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как я переступил порог этого дома. Но я помню, как это все началось. Окончив литературный факультет, я начал искать работу. У меня было твердое убеждение в том, что незаурядные литературные способности и общительный характер помогут мне быстро найти должность журналиста в одной из многочисленных парижских газет. К сожалению, реальность оказалась не такой радужной. В Париже было явно больше амбициозных молодых людей, стремящихся стать журналистами, чем вакантных мест в редакциях. Спустя три месяца после окончания университета я

все еще не имел постоянной работы и жил на более чем скромные гонорары от случайных газетных репортажей.

Однажды утром я довольно безнадежно просматривал газеты в поисках работы. Рядом лежала внушительная стопка неоплаченных счетов, сурово напоминая своим видом о необходимости немедленного заработка. Однако, судя по газетам, услуги талантливого молодого журналиста никому не требовались. Я перевернул очередной лист. Не то... не то... и это не то... Этим занимайтесь сами, до такого я еще не докатился... Не то... Это интересно, но несерьезно. Хотя... Я поставил чашку с кофе и внимательно перечитал странное объявление. Для участия в социологическом исследовании требовались молодые мужчины в возрасте от двадцати трех до двадцати шести лет. Плата за участие была весьма щедрой и обещала решить мои финансовые проблемы по крайней мере на месяц. Единственным условием являлся возраст. Делать мне было все равно нечего, и я пошел.

В большом сером вестибюле стояла длинная очередь. Извиваясь, словно змея, она упиралась в стол, за которым располагался угрюмый бритоголовый мужчина. Когда я вошел, мужчина пристально всматривался в лицо очередному кандидату. Кандидат, высокий блондин лет двадцати пяти, заметно смущался под этим строгим взглядом. Он демонстрировал на лице натянутую улыбку, переступал с ноги на ногу, пытался что-то невнятно бормотать, в общем, представлял собой достаточно жалкое зрелище. Наконец экзаменатор принял решение и что-то отрывисто сказал блондину. Парень развернулся и пошел к выходу. На лице у него было написано явное облегчение. Видимо, разговор с человеком за столом сделал для него обещанную сумму менее привлекательной. Следующему кандидату повезло больше: поговорив с ним несколько минут, бритоголовый дал ему какую-то бумагу и небрежно указал на дверь слева от себя.

Часа через два подошла моя очередь. Если бы не количество обещанных денег, я бы давно ушел отсюда – настолько не нравилась мне самоуверенность, с которой эта квадратная личность управлялась с кандидатами. Некоторых он отправлял восвояси, не сказав и двух слов.

Из-за стола на меня нацелились странные глаза – водянистые, бледно-серые, почти бесцветные. Вблизи бритоголовый больше всего походил на классического зверюгу-сержанта. Для полного сходства оставалось только одеть

его в хаки. Он посмотрел на меня в упор, затем бесцеремонно оглядел с головы до пояса, насколько ему позволял стол. Видимо, что-то ему во мне понравилось, так как он одобрительно хмыкнул. Затем хрипло спросил:

– Ваше имя?

– Андре Рокруа.

Услышав мой голос, он откинулся на стуле и, склонив голову, опять принялся меня молча разглядывать. Мне это стало порядком надоедать. Но тут он снова заговорил:

– Род занятий?

– Журналист.

– Расскажите, как вы провели вчерашний день.

Вопрос был довольно странный, но я решил не удивляться. И кратко рассказал ему, что делал вчера. Рассказывая, я не мог избавиться от неприятного впечатления, что он совсем не слушает меня. Когда я закончил, он взял из стопки на столе скрепленную пачку бумаги и, сильно нажимая на фломастер, вывел жирную единицу в правом верхнем углу. Затем протянул мне эти листы и сказал:

– Идите в дверь налево. Там заполните анкету, сдадите ее и будете ждать, пока вас позвуют.

Строя догадки о том, что обозначает единица, я прошел в следующую комнату. В отличие от приемной, здесь было совсем немного людей. Одни усердно корпели над анкетами, другие просто сидели и ждали.

Напротив, рядом со второй дверью, располагался небольшой столик, на котором стоял черный ящик с лаконичной надписью «Заполненные анкеты». Там же лежали пластиковые планшеты и ручки. Вооружившись этими принадлежностями, я выбрал место и принялся за работу.

Анкета оказалась под стать тому, что я видел и слышал в этом месте до сих пор. Первый лист был достаточно стандартным – имя, дата рождения, адрес, телефон, семейное положение, образование и прочие атрибуты солидного вопросника. Впрочем, для солидного вопросника тут не хватало одной немаловажной детали, а именно – названия заведения, для которого эта информация предоставляется. Начиная со второго листа, документ стал напоминать анкету, заполняемую на первом приеме у врача. Причем у очень дотошного врача весьма широкого профиля. Перенесенные операции,

хронические заболевания, история болезней в семье, принимаемые лекарства, аллергии, потребление алкоголя, курение, употребление наркотиков... Чем дальше я продвигался, тем более странные вещи интересовали моих загадочных работодателей. На восьмой странице меня спросили о наличии больших родимых пятен и шрамов. На десятой – о сексуальной ориентации. На одиннадцатой – о видах спорта, которыми мне приходилось заниматься. Затем пошла психология. «Ваш тип темперамента? Склонны ли вы к спорам? Подвержены ли вы вспышкам гнева? Способны ли вы затеять драку? Если да, то как часто вам приходилось это делать? Легко ли вы адаптируетесь в новом коллективе? Посещаете ли вы предсказателей будущего?» Еще через несколько страниц вопросы стали совсем уже странными:

- «1. Просыпаетесь ли вы по ночам? Если да, то как часто?
2. Снятся ли вам кошмары? Если да, то как часто?
3. Обращались ли вы когда-либо за помощью к психоаналитику?
4. Бойтесь ли вы темноты?
5. Бывают ли у вас приступы беспричинного страха?
6. Участвовали ли вы в войнах?
7. Бойтесь ли вы замкнутого пространства?
8. Умер ли кто-либо из ваших близких в то время, когда вы были младше пятнадцати лет?
9. Появлялось ли у вас когда-либо желание совершить самоубийство?»

Пока я добросовестно отвечал «нет» на все вопросы, у меня стало возникать впечатление, что я добровольно стараюсь попасть в Иностранный легион. Я отмел эту мысль как полнейший абсурд, но чем дальше я продвигался, тем невероятнее становились мои версии. Под конец я даже стал подозревать, что заполнение этой анкеты и является моим участием в исследовании. Но было маловероятно, чтобы хоть один здравомыслящий человек стал бы платить такие деньги за столь простую, хотя и загадочную работу. Последний вопрос выглядел особенно странно:

«Как часто вы думаете о смерти?»

1. Почти непрерывно.
2. Несколько раз в день.
3. Примерно один раз в день.
4. Примерно один раз в неделю.
5. Примерно один раз в месяц.
6. Только когда вы узнаете о чьей-то смерти.
7. Никогда».

После пяти минут размышлений я обвел цифру 4. По-моему, только полный идиот мог бы честно выбрать номер 7.

Заполнив анкету, я положил ее в ящик, вернулся на свое место и стал ждать. Через некоторое время из двери вышел невысокий человек, молча оглядел всех присутствующих и, забрав ящик, ушел. Еще через минуту он принес обратно пустой ящик и опять удалился. Я огляделся. Большинство кандидатов, заполнивших анкеты, откровенно скучали. Некоторые тихо переговаривались между собой. Осматривая комнату, я случайно встретился глазами со своим соседом – смуглым черноволосым пареньком с зализанными волосами. Заметив мой взгляд, он вдруг пододвинулся ко мне и, кивнув головой в сторону двери, спросил:

– Знаешь, что это за контора?

– Нет. А ты? – в свою очередь спросил я.

– И я не знаю, – ответил он. И, оглядевшись, прибавил с хитрой улыбкой: – Но догадываюсь. Про такую организацию – ДВБ, слышал?

Я кивнул. Кто же не слышал о Дирекции Внешней Безопасности? Парень ухмыльнулся.

– Знаем мы эти социологические исследования. Поэтому и вопросы такие – без железных нервов там делать нечего.

Он вдруг хихикнул и толкнул меня локтем в бок.

– А платят-то они неплохо. Да и научат многому. Только бы попасть.

Я вспомнил квадратную челюсть бритоголового и нашел эту версию не менее правдоподобной, чем свои собственные. Я уже собирался поделиться с ним своими соображениями, но в этот момент отворилась дверь, и невысокий

человек, высунув голову, позвал:

– Франсуа Саваж.

Мой сосед поднялся и, заговорщицки подмигнув мне, скрылся за дверью. Я остался один и с тоской подумал о том, что мог бы взять с собой книжку. В течение следующего часа вызвали еще несколько человек. Группа кандидатов редела. Обратного не возвращался никто, приток новых людей почему-то закончился. Я продолжал строить различные теории и изнывать от скуки. Наконец прозвучало мое имя, и вслед за невысоким человечком я прошел в дверь.

Картина, представившаяся мне в соседней комнате, сильно напоминала сцену из какого-то фильма. За длинным столом восседала комиссия: двое мужчин и одна женщина. Сбоку, склонившись над стопкой исписанных анкет, пристроился мой низенький провожатый. Перед столом одиноко стоял железный стул, видимо, предназначенный для кандидатов. Сидевший в центре бородатый мужчина с холемым лицом указал на стул и сказал глубоким голосом:

– Садитесь.

Я сел. Вся троица молча уставилась на меня. Я уже стал привыкать к такой встрече. Выдержав полминутную паузу, бородатый попросил:

– Расскажите нам немного о себе.

Мой рассказ заинтересовал их настолько, что уже при первых звуках моего голоса они начали переглядываться между собой. Женщина проговорила вполголоса:

– Действительно, Виктор прав.

Бородатый одобрительно кивнул, видимо, тоже соглашаясь с мнением неизвестного мне Виктора. Когда я закончил, на меня обрушился шквал вопросов, по своей странности сильно напоминавших те, что были в анкете. Что их только не интересовало! Они спрашивали о моих привычках, литературных вкусах, распорядке дня, перенесенных болезнях, родственниках, музыкальных пристрастиях, хобби, друзьях, почему-то снова о боязни темноты и о многом-многом другом. Потом они принялись демонстрировать картинки, в которых я узнал тесты Роршаха. Ознакомившись с ассоциациями, которые у меня вызывали эти черные кляксы, они задали еще несколько вопросов о моем отношении к религии и наконец успокоились.

Вслед за этим допросом с пристрастием последовала вежливая просьба выйти в соседнюю комнату. Там меня встретил человек в белом халате с высокомерным равнодушным лицом. Видимо, не удовлетворившись моими ответами в анкете (а может, просто не доверяя им), он потребовал, чтобы я снял рубашку, и приступил к тщательному медицинскому осмотру. Когда я спросил, с какой целью это делается, он посмотрел на меня поверх очков и недовольно сообщил: «Так надо». После такого дружеского диалога осмотр прерывался только короткими фразами: «Повернитесь», «Глубокий вдох», «Вытяните руки». Чувствуя холодное прикосновение стетоскопа, я мысленно спрашивал себя, куда меня занесло и не пора ли покинуть это странное место, пока не поздно. Но так как на эти процедуры было уже потрачено полдня, надо было, по крайней мере, узнать, что мне предложат. Через несколько минут после окончания осмотра меня позвали обратно. Бородатый председатель тем же величественным жестом предложил садиться и, скрестив руки на груди, забасил:

– Мсье Рокруа, мы являемся полномочными представителями частной научной организации, занимающейся исследованиями социологического характера. Нам требуется молодой человек вашего возраста с вашими физическими и психологическими данными, который сможет участвовать в этих исследованиях за весьма приличное вознаграждение. Человек этот должен согласиться на ряд условий, которые на первый взгляд могут показаться странными и, возможно, безосновательными. Тем не менее, мы полагаем, что предлагаемое вознаграждение должно компенсировать все неудобства, связанные с выполнением этих условий. Заметьте, что сумма вознаграждения значительно превышает ту, что была указана в газетном объявлении.

В этом месте он сделал паузу, и в голове у меня замелькали невероятные предположения о размере этой суммы. Дав мне помечтать, он продолжил:

– Выполнение одного из необходимых условий требует длительной подготовки. Если вы согласитесь подписать контракт, вас поселят в одном из наших комплексов. Там вы пройдете специальный курс, по окончании которого должны будете сдать определенный экзамен. Если вы не сможете сдать его с первой попытки, вам будет предоставлена возможность пытаться сдать его практически неограниченное количество раз. Если по истечении шести месяцев экзамен все еще не будет сдан, мы расторгаем наше соглашение. При этом вы

тоже получаете вознаграждение, хотя и гораздо более скромное. В случае успешной сдачи экзамена вы подпишете вот этот контракт.

Он поднял со стола зеленую папку из тонкого картона.

– Пожалуйста, ознакомьтесь с ним и сообщите нам свое мнение. Некоторые детали в нем опущены. Вы получите доступ к ним только в том случае, если все остальные требования покажутся вам приемлемыми. Поверьте мне, они не представляют для вас никакой важности и не упомянуты исключительно для того, чтобы облегчить ваше решение. Разумеется, вы прочтете полный текст контракта, перед тем как его подписывать. С этими словами он протянул мне папку.

Когда я прочел контракт, моя самая дикая теория показалась мне образцом здравого смысла. Согласно этой бумаге, я должен был в течение трех лет жить в определенном изолированном обществе в институте организации. (Никакого более внятного названия этого учреждения в документе не предлагалось.) Все это время я обеспечивался едой и жильем. Все, что от меня требовалось – это играть роль определенного персонажа. По окончании трехлетнего срока организация обязывалась выплатить мне огромную сумму, несомненно превосходившую ту, что я воображал пять минут назад. Я же со своей стороны обязывался молчать обо всем, что видел и слышал в течение этого времени. Нарушение этого обязательства грозило всевозможными преследованиями по закону, а также другими тяжкими последствиями. Здесь я остановился и стал гадать, какие такие тяжкие последствия могут не подпадать под определение «преследование по закону» в юридическом документе. Продолжив, я, наконец, наткнулся на то, что подсознательно искал – условие, которое оправдывало невероятный размер вознаграждения. Эти господа собирались сделать мне пластическую операцию.

Я оторвался от документа и посмотрел на членов комиссии. Видимо, они уже не раз видели такое ошалелое выражение лица кандидата и хорошо знали, в каком месте контракта оно возникает. Женщина мягко сказала:

– Пожалуйста, дочитайте до конца.

Я сглотнул и стал читать дальше, надеясь, что этот контракт – тоже своего

рода тест. Однако я ошибался. Следующая страница просто перечисляла то, что мне запрещалось делать, находясь в своем добровольном заключении. Сухость формулировок только подчеркивала строгость запретов. «Полное отсутствие коммуникаций с внешним миром... Беспрекословное подчинение указаниям...» На этом грозном аккорде контракт закончился. Закрыв папку, я поднял голову и сразу же встретил внимательный взгляд бородатого.

– Ну что, – спросил он, глядя на меня не моргая, – у вас есть вопросы?

Разумеется, вопросы у меня были. Самый простой давно уже вертелся в голове, но звучал он как-то нелепо:

– А зачем все это нужно?

– Простите, – твердо ответил он, – но на этот вопрос я вам ответить не могу. Так же как и на любой другой, касающийся задачи и состояния нашего исследования.

Этой фразой он сразу отмел десяток других вопросов, которые я уже был готов задать. Я помолчал, собираясь с мыслями, и для начала спросил, насколько законно их исследование. На этот отнюдь не самый умный вопрос ответила женщина.

– Наши исследования, – в голосе ее зазвучали торжественные нотки, – находятся в полном соответствии со всеми законами этой страны и преследуют благородные и гуманные цели.

Мне показалось, что во время этой тирады бородатый немного поморщился. После этого на вопросы отвечал только он.

– Зачем нужна пластическая операция?

– Для того чтобы привести вас в полное соответствие с личностью, которую вам предстоит изображать.

– Это какая-то известная личность?

– Нет, этот человек неизвестен.

– Он уродлив?

– Ни в коей мере. Его внешность весьма обыкновенна и приятна. Он немного похож на вас, это было одной из причин того, что вы были выбраны.

– Одной из причин? А каковы другие причины?

– Разумеется, ваш возраст, а также ваши физические и психологические данные.

– А подробнее?

– К сожалению, на данном этапе я не могу сообщить вам какие-либо подробности.

– Я могу увидеть фотографию этого человека?

– Только если вы согласитесь подписать контракт.

Ни один из его ответов не прояснял общую картину. Мне по-прежнему было абсолютно неясно, для чего им понадобился я со своими данными и чем они занимаются в своих комплексах. Задавать прямые вопросы на эту тему не имело смысла, и разговор постепенно становился мучительным. Наконец меня осенило:

– А в чем состоит этот экзамен, к которому нужно готовиться полгода?

И снова последовал обтекаемый, вежливый и ничего не проясняющий ответ:

– Вам необходимо вжиться в образ. Экзамен позволит нам оценить, насколько успешно вы справились с этой задачей. Вы будете сдавать его до тех пор, пока мы не убедимся в том, что вы абсолютно готовы.

Через десять, минут мои вопросы иссякли. Я ощущал себя подавленным условиями контракта и этим топчущимся на одном месте разговором. Бородатый внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Мсье Рокруа, мы понимаем, что вам необходимо подумать. У вас есть три дня на то, чтобы принять решение. Если вы согласитесь на наши условия, в вашем распоряжении будут еще три дня для того, чтобы уладить все дела. Если это будет связано с выплатой каких-либо неустоек, организация возьмет на себя все расходы. Обдумайте наше предложение и сообщите свое решение по этому номеру.

Он подал мне белую карточку, в центре которой был одиноко напечатан телефонный номер.

– Мы будем ждать вашего ответа и надеемся, что вы примете положительное решение. Люсьен, проводите мсье Рокруа к выходу, – обратился он к невысокому, который к этому времени перестал возиться с анкетами и безучастно наблюдал за нашим разговором.

Очувтившись на улице, я глубоко вдохнул сладкий воздух уходящей весны. Уже стемнело, и на чистом высоком небе показались звезды – яркие и мерцающие, вызывающие в памяти «звездные» картины Ван Гога. Каштаны вокруг тянули к ним свои зеленые руки. Неподалеку на веранде кафе сидели

люди, и внезапно я позавидовал им. Они казались такими беззаботными, весело разговаривая за ажурными столиками. В отличие от меня им не надо было срочно принимать серьезнейшее решение, основываясь на странном разговоре. Никому из них не было сделано загадочное, непонятное и крайне подозрительное предложение. А вот мне его только что сделали. И при всей своей загадочности оно являлось самым выгодным предложением, которое я когда-либо получал в своей жизни.

Глава вторая

Следующие три дня прошли в тяжелых раздумьях. Три с половиной года казались огромным сроком. Мое лицо, хоть и не являющееся эталоном красоты, стало для меня очень родным за двадцать пять лет. И вообще, вся эта бородато-бритоголовая компания с «гуманными целями» не вызывала особого доверия. Но самое сложное в этих размышлениях было то, что в глубине души я знал свое решение еще в тот момент, когда захлопнул зеленую папку с контрактом. Сумма, которую мне обещали заплатить, была несравнимо больше той, что я мог заработать за эти годы, даже если бы завтра нашел работу. Какие там неоплаченные счета – с такими деньгами можно было открывать свою газету, покупать существующее издание или просто не работать до конца жизни, худо-бедно существуя на банковские проценты. Мне нечего было противопоставить этому соблазну, кроме неубедительной привязанности к своей внешности.

Хватаясь за последнюю возможность оправдаться перед собой за отказ, я попытался навести справки об этой организации. Как и следовало ожидать, никакой информации добыть не удалось. В редакции газеты, напечатавшей объявление, ничего не знали о том, кто за ним стоит. После долгих ужимок секретарша вспомнила, что принес его невысокий человек лет сорока. Я почти не сомневался в том, кто это был. Номер на карточке оказался из тех, о которых телефонная компания не имеет право что-либо сообщать. Ничего подозрительного в этом не было, потому что любой человек мог заказать себе номер с таким условием. Здание, в котором я проходил собеседование, сдавалось внаем для краткосрочных мероприятий. В течение последних трех дней оно

числилось сданным благотворительной организации, занимавшейся помощью бездомным детям. Сама организация находилась в Марселе, и на телефонные звонки там никто не отвечал. Придраться было не к чему, так как я пытался дозвониться туда в течение выходных. Все выглядело действительно законно и благородно.

На третий день я сдался. После трех долгих гудков мне ответил низкий хрипловатый голос, живо вызвавший в памяти лицо бритоголового экзаменатора:

– Как поживаете, мсье Рокруа?

– Спасибо, хорошо, – ответил я, прикидывая, что бы он сказал, если бы я звонил не из своей квартиры..

– И каково ваше решение?

– Я согласен подписать контракт, – эти слова дались мне с трудом.

– Отлично. Вы сделали правильный выбор. Теперь у вас есть три дня на то, чтобы привести дела в порядок. Вас ожидают какие-либо расходы?

Я улыбнулся. Сейчас мы посмотрим, насколько серьезны ваши намерения.

– Да, надо будет уплатить неустойку за квартиру. У них есть пункт о преждевременном расторжении договора. Кроме того... – договорить мне не удалось.

– Сколько всего денег вам надо уплатить?

Я назвал сумму.

– Ваш банк и номер счета?

В некотором замешательстве я продиктовал ему название моего банка и номер.

– Завтра деньги будут у вас на счету. В восемь часов вечера в среду стойте у своего подъезда. За вами приедут. Вопросы?

После такого краткого и делового разговора вопросов у меня не было. Намерения действительно оказались серьезными. Мы коротко распрощались, и я остался наедине со своими сомнениями.

Время до среды пронеслось незаметно за утряской всех дел и прощанием с друзьями. Двум самым близким товарищам я рассказал настоящую причину своего ожидаемого исчезновения. «Надеюсь, ты знаешь, что делаешь», – серьезно

сказал Жюстен, пожимая мне руку. «Конечно, знаю», – уверенно ответил я. И про себя добавил: «...что, возможно, делаю большую глупость».

Многочисленным знакомым досталась выдуманная, но гораздо более правдоподобная версия. Она же после продолжительных колебаний была рассказана родителям, жившим в провинции.

В среду вечером я стоял возле своего подъезда с двумя чемоданами. После трех дней суеты я впервые задумался о том, что меня ждет. А что, если все это – красивая ложь, предназначенная завлечь меня в ловушку? Что я знаю об этих людях? Об их целях? Разумеется, с самого начала было понятно, что, принимая их предложение, я иду на определенный риск. Но не слишком ли он велик? Они ничего не говорят о себе, они сулят огромные деньги, они сладкоречивы и в то же время бесцеремонны. Классические приметы... Не слишком ли я доверчив? Додумать мне не дали. Прерывая цепочку подозрительных умозаключений, передо мной остановился черный «рено» с затемненными стеклами. Было ровно восемь.

Отчего-то я был уверен, что за рулем будет бритоголовый. Наверное, потому что он принимал телефонные звонки или просто из-за его запоминающейся внешности. Хотя, если задуматься, эта внешность подходила скорее к пыльному армейскому джипу, чем к блестящему элегантному автомобилю. Вопреки ожиданиям, водителем оказался невысокий Люсьен. Сдержанно поздоровавшись, он помог мне погрузить чемоданы в багажник и распахнул заднюю дверь. Представляя себе, что думают сейчас соседи, я нырнул в машину.

Там меня ожидал неприятный сюрприз. Окна были затемнены не только снаружи, но и изнутри. И словно этого было недостаточно, водительское сиденье отделяла непрозрачная перегородка. «Осталось завязать глаза», – мрачно подумал я, чувствуя, как все подозрения разом всплывают в памяти. Минуточку, граф... Извольте повязочку, граф... Поймите, граф, это для вашей собственной безопасности... Пока я размышлял, не стоит ли навсегда распрощаться с этой компанией прямо сейчас, водительская дверь хлопнула. Понимая, что тянуть нельзя, я громко постучал в перегородку. Через секунду послышался скрип, и передо мной открылось квадратное окошко. Затем, словно телевизионное изображение, в нем возник невыразительный профиль Люсьена.

– Почему вы везете меня в такой странной машине? – подозрительно

спросил я.

– Для того чтобы вы не узнали расположение нашего комплекса, – спокойно ответил Люсьен.

– И почему я не могу его знать?

– Мы не рекламируем себя, и у нас нет никаких гарантий того, что вы сможете подписать контракт.

– А какие гарантии есть у меня в том, что со мной ничего не произойдет?

Некоторое время он, скосив глаза, молча смотрел на меня. Затем сказал:

– Вы можете прямо сейчас позвонить кому-нибудь из своих приятелей и сообщить ему номер машины и мои приметы. Затем попросите его связаться с полицией, если вы не позвоните ему до завтрашнего утра. Кроме того, вы можете просто выйти из машины и постараться забыть об этой истории.

Он сделал паузу и добавил:

– Разумеется, во втором случае другого шанса мы вам не дадим.

Наступила моя очередь молчать. Эта тирада, как и все остальное, что говорили эти люди, не давала никакой дополнительной информации и в то же время была четкой и ясной. Она не то что бы опровергала подозрения, но каким-то странным образом усыпляла их.

– Хорошо, – сказал я наконец, – поехали, я не буду никуда звонить.

– Приятной дороги, – ответил он, и светлый квадрат исчез.

Я остался в темноте. Машина тронулась. Некоторое время я пытался следить за дорогой по остановкам и поворотам. Вот мы подъехали к ближайшему перекрестку. Вот повернули налево. Вот... тут я сбился. Через некоторое время по характерному шуму я понял, что мы выехали на шоссе. Машина шла ровно, было темно, сиденье было мягкое, и я задремал. Несколько раз я просыпался, когда мы замедляли ход, потом опять начинал клевать носом. Разбудил меня голос Люсьена:

– Мы на месте, мсье Рокруа.

Я посмотрел на часы. Путешествие продолжалось без малого четыре с половиной часа. Конечно, он просто мог ехать половину времени в одну сторону и вторую половину – в противоположную. С одинаковым успехом меня могли привезти в Лион и на соседнюю улицу. Зевнув, я вышел из машины. Мы находились на небольшой подземной стоянке. Вокруг в холодном свете ламп

стояло несколько машин. Под потолком тянулись и сплетались разноцветные трубы. Люсьен уже извлек чемоданы из багажника и выжидающе смотрел на меня. Храня обоюдное молчание, мы прошествовали к лифту, который доставил нас на второй этаж. Длинный коридор, в котором мы очутились, чем-то напоминал больницу и гостиницу одновременно. С двух сторон тянулись серые одинаковые двери с номерами. Для гостиницы не хватало красной дорожки. Для больницы недоставало специфического запаха медикаментов.

Комната номер пять, в которой закончилось наше путешествие, выглядела довольно уютно. Убранная кровать, ночная тумбочка с телефоном, кресло, стол с компьютером, телевизор, маленький холодильник, микроволновка. Тем не менее мне показалось, что, несмотря на уют, в комнате чего-то не хватает. Люсьен поставил чемодан, зачем-то взглянул на монитор и остановился возле выхода.

– Располагайтесь, – сказал он. – Завтра утром вас разбудят по телефону и скажут, куда прийти. Вы подпишете предварительный контракт, затем вас ознакомят со всем, что вам надо знать. Если вы голодны, в холодильнике есть еда.

Я слушал его и все пытался сообразить, чего же не хватает в обстановке. В тот момент, когда он пожелал спокойной ночи и взялся за ручку двери, меня осенило.

– А почему здесь нет окна? – спросил я, удивляясь тому, что сразу не заметил столь очевидную деталь.

Он повернулся в дверях.

– Мы считаем, что отсутствие окон позволит вам быстрее вжиться в образ.

– Что за образ вы мне готовите? – поинтересовался я. – Графа Монте-Кристо? Люсьен неприятно улыбнулся уголками рта.

– Нет. Человек, которого вы будете изображать, гораздо более примечателен. Вы узнаете все подробности завтра. Спокойной ночи, – повторил он и закрыл за собой дверь.

Я немного побродил по странной комнате, зачем-то выглянул в пустой коридор и заглянул в холодильник, где обнаружил пиццу, овощи и воду. Есть не хотелось, зато ужасно хотелось спать. Забравшись в холодную постель, я порадовался предусмотрительности архитекторов, поместивших выключатель прямо возле кровати.

Уже засыпая в темноте, я попытался собраться с мыслями. Все, что со мной

происходило до сих пор, было очень четко организовано и абсолютно, до злости непонятно. Кто? Зачем? Где? Были только вопросы. Голые вопросы без ответов. Ясно было лишь то, что люди, стоявшие за всем этим, не стеснялись, в средствах, привыкли получать то, что им нужно, и имели какие-то неясные мне цели. И странно – именно благодаря этой организованности мои сомнения в собственной безопасности почти рассеялись. Осталось только любопытство. – «Утром мне все расскажут, – подумал я. – Утром они все расскажут...» С этой надеждой я и заснул. Во сне меня опять куда-то везли, невесть откуда взявшийся бородатый басил:

– Мы считаем, что отсутствие окон позволит нам быстрее провести пластическую операцию.

Я внимательно слушал и соглашался. Потом меня действительно положили на операционный стол и стали резать лицо без какого-либо наркоза. Мне абсолютно не было больно, только хотелось щуриться от резкого света ламп, отражающихся в скальпеле. Когда они закончили, я встал и подошел к зеркалу. Оттуда на меня смотрела угрюмая физиономия бритоголового. Голос Люсьена тихо произнес:

– Теперь вы очень примечательный человек. Виктор был прав. Спокойной вам ночи.

Раздался громкий звонок. Я ошеломленно открыл глаза и некоторое время пытался сообразить, где нахожусь. Звонок настойчиво повторился. Ну конечно, это телефон. Меня должны были разбудить по телефону.

Ну почему они не дают поспать? Жалко им что ли, если я выплюсь... Я протянул руку к тумбочке и снял трубку. Незнакомый женский голос сказал:

– Доброе утро, мсье Рокруа.

Воспоминания о предыдущем вечере наконец соизволили вернуться, и я ответил:

– Доброе утро.

Женщина говорила негромко и спокойно:

– Сейчас 9 часов. В 9:30 вам надо быть в комнате номер 36. Это на третьем этаже. Позавтракайте и приходите. У вас есть вопросы?

– Нет, вопросов нет, – пробормотал я, безуспешно борясь с зевотой.

– Мы вас ждем через полчаса, – сказала она и повесила трубку.

Я тоже положил трубку и осмотрелся. Комната освещалась мягким светом, напоминавшим естественный. Создавая впечатление яркого солнечного дня, он лился из широкой прямоугольной лампы на потолке. Я озадаченно посмотрел вверх. Перед сном я точно выключал свет. Кроме того, вечером он выглядел совсем по-другому. Странно, странно... Похоже, что отсутствие окон тут компенсируют искусственной сменой дня и ночи. Размышляя об этих таинственных порядках, я привел себя в порядок, позавтракал и вышел в коридор. Он был так же пуст, как накануне. Тишина и закрытые двери. И солнечный свет без солнца. Нет, теперь это не похоже ни на больницу, ни на гостиницу. Я поднялся по лестнице на третий этаж, нашел по указателям комнату номер 36 и постучал.

– Войдите, – ответил тот же женский голос.

Я вошел. Это был превосходно обставленный рабочий кабинет. За широким письменным столом восседал давешний бородатый. В другом углу в черном кожаном кресле непринужденно расположилась эффектная брюнетка лет тридцати – тридцати пяти. Оба весело поглядывали на меня.

– Дорогой мсье Рокруа! – радушно разводя руками, проговорил бородатый. – Мы так рады тому, что вы решили принять наше предложение. Присаживайтесь, – он указал на стул возле двери. – Как вам спалось?

– Спасибо, – ответил я, садясь, – спалось неплохо. Правда, без окон как-то непривычно.

– Ничего, – улыбнулся он, – к чему к чему, а к отсутствию окон вы привыкнете.

Только тут я заметил, что его кабинет освещался точно таким же способом, как и моя комната.

– Позвольте представить вам мадмуазель Луазо. Брюнетка изящно склонила голову.

– Вам придется работать с ней, если вы сможете сдать экзамен. Что касается меня, то мы с вами уже встречались. Зовут меня Леон Тесье.

– Доктор Леон Тесье, – подсказала брюнетка. Тесье небрежно махнул рукой, как бы показывая ненужность подобного обращения, и закончил:

– Я руковожу этим исследованием. Итак, вам, наверное, не терпится узнать, что все это значит.

Я кивнул.

– Как вам известно, вы находитесь в нашем комплексе. Сейчас вы подпишете предварительный контракт, после чего немедленно приступите к учебе. Через три месяца вас ожидает экзамен. Постарайтесь сдать его с первого раза, но если не получится – не беда, будете пробовать, пока не сдадите. Сдав его, вы получите возможность подписать настоящий контракт, пройдете пластическую операцию и приступите к исполнению своих обязанностей. Контракт, кстати, находится на столике слева от вас. Будьте добры, прочтите и подпишите.

Слушая его, я украдкой осматривался. Во всем сквозили вкус и роскошь. Темно-коричневый глобус в углу – старина или очень хорошая подделка под старину. Монументальный стол с не менее монументальным перекидным календарем. И тут же, странным образом вписываясь в окружающую изысканность – плоский монитор компьютера. Коммутатор. Инкрустированный зеленым с белыми прожилками камнем шахматный столик на витых ножках. Светло-кремовые фигуры, наводящие на мысль о настоящей слоновой кости. И книги, книги, книги. Как на рекламных снимках адвокатов. Но в отличие от адвокатских кабинетов, где полки заставлены однообразными золочеными многотомниками законов, комната моего собеседника поражала обилием и разнообразием книг. Здесь были труды из самых различных областей. Психология, история, биология, генетика, какие-то религиозные фолианты, энциклопедии... Только некоторые названия были написаны по-французски. Я не мог рассмотреть корешки на противоположной стене, но на соседней полке стояло много немецких и английских книг. Тот же старик Фрейд был представлен в оригинале. Некоторые книги казались очень старыми, и у меня создалось впечатление, что у них были латинские названия.

Я вдруг осознал, что Тесье уже закончил говорить и вежливо ждет, пока я закончу рассматривать его комнату. Смущенно улыбнувшись, я взял контракт со столика и углубился в чтение.

Пространным юридическим языком контракт описывал мои права и обязанности на следующие девять месяцев. «Любопытный срок», – подумал я, переворачивая страницу. Прав было немного. Обязанностей, впрочем, тоже. На третьей странице впервые мелькнуло имя того, кем я должен был стать, подписав второй контракт. Правда, оно походило на кличку – Пятый. К

сожалению, больше ничего нового этот объемный документ в себе не нес. Я обязывался заниматься по программе, предоставляемой институтом, и через три месяца после начала занятий сдавать экзамен. Если я сдавал его в течение шести месяцев, мне давалась возможность подписать контракт («...копия прилагается в конце»). В противном случае мне выплачивали неплохое вознаграждение и торжественно выставляли за ворота. Прочтя о втором контракте, я перескочил через пару страниц и принялся за прилагаемую копию. Этот доктор всяческих наук говорил, что я увижу полную версию до подписания. Значит, здесь должны быть все детали, опущенные в той версии, которую я читал четыре дня назад. Детали действительно имели место и для наглядности были выделены. Смотрелись они на удивление куце. Первое отличие состояло в том, что мой герой теперь именовался Пятым, а не «персонажем». Второе было интереснее. Оказалось, что, подписав контракт, я обязывался никогда в течение трех лет не упоминать определенной темы. Никак. никоим образом. Ни под каким предлогом. За малейшее нарушение – мгновенный разрыв контракта без выплаты какого-либо вознаграждения. И при всей этой категоричности запретная тема не была названа. Просто «тема», и все. Я перечитал параграф и посмотрел на Тесье. Он с улыбкой наблюдал за мной. То же делала его гостья.

– И какую же тему мне запрещается упоминать? – спросил я.

Тесье улыбнулся еще шире. Теперь лицо его прямо-таки излучало радушие.

– Я смогу ответить вам на этот вопрос сразу же после того, как вы поставите свою подпись под документом, который держите в руках.

Большого восторга от этой реплики я не испытал. Снова всколыхнулись подозрения. Сначала подпиши – потом поговорим... Что-то тут нечисто. Пахнет ловушкой. Что, если меня обяжут не говорить о боли или о голоде? Тогда через пару лет достаточно будет день-другой поморить меня голодом для того, чтобы я попросил еды и своими словами разорвал контракт. Мало ли какую тему можно придумать. И вообще, нечего подписываться неизвестно под чем. Пусть сначала все расскажут, а я уж там подумаю... Мои лихорадочные размышления были прерваны голосом брюнетки.

– Милый юноша, не бойтесь, вы ничем не рискуете, – она смотрела на меня с едва заметной иронией. – Вы узнаете об этом табу, как только подпишете соглашение о неразглашении. Если после этого вы по-прежнему будете

недоверчивы, вы сможете вернуться домой прямо сейчас. Мы просто пытаемся обезопасить себя.

Мне стало досадно и стыдно. Действительно, это странное условие было частью второго контракта, а не того, который я собирался подписать сейчас. Стараясь скрыть свои чувства, я пробормотал что-то вроде: «А я и не боюсь» и вернулся к чтению. Первая же фраза, которую я прочел, обязывала меня молчать обо всем, что я видел и слышал с того момента, как переступил порог комплекса. После нее шел длинный список того, что мне запрещалось. Мне запрещалось какое-либо общение с внешним миром. Мне запрещалось читать какие-либо печатные материалы, за исключением тех, что предоставлялись институтом. Мне запрещалось входить в двери с надписью «Только для внутреннего персонала». Мне запрещалось покидать комплекс... Нарушение любого пункта контракта автоматически влекло за собой полное расторжение этого соглашения. И разумеется, деньги в этом случае не выплачивались.

Я перелистнул последнюю страницу контракта и задумался. Несмотря на то что я рассчитывал узнать гораздо больше из этой бумаги, причин не подписывать ее не было. Договор кишел неопределенностями, давил ограничениями, но ничего существенно нового не сообщал. А раз так, нечего и думать. Решение было принято несколько дней назад, и тянуть сейчас с подписью – это просто проявление малодушия. Я размашисто подписался и, радуясь своей твердости, положил контракт на стол Тесье. Тот внимательно посмотрел на мою подпись, помолчал и сказал:

– Пятый, я очень рад тому, что вы подписали этот документ. Мы возлагаем на вас большие надежды.

Думая, что ослышался, я повторил за ним:

– Пятый?

Он кивнул.

– Часть обучения состоит в той, что с этого момента вы – Пятый, несмотря на то, что вам еще не сделана пластическая операция. Вы должны научиться откликаться на это имя с той же автоматичностью, с которой вы откликаетесь на имя Андре. Вы научитесь вести себя так же, как он, говорить, как он, думать, как он. Вы станете им – и только тогда сможете пройти экзамен. Кстати, недавно вы хотели взглянуть на него.

И он подал мне небольшую фотокарточку. С нее задумчиво смотрел парень моего возраста, действительно чем-то похожий на меня. Ничем не примечательное приятное лицо, в точности как было обещано. Действительно, не красавец, не урод. Нос, пожалуй, чуть прямее моего. Рот какой-то невыразительный, но темные глаза смотрят прямо и уверенно. В общем, человек как человек. Чем же он так примечателен? Почему-то мне захотелось оставить эту фотографию у себя. Если этому лицу предстоит стать моим на всю жизнь, мне было бы легче привыкнуть к нему постепенно. Понимая сентиментальность своего желания, я вопросительно взглянул на Тесье.

– Конечно, Пятый, – понимающе сказал он. – Вы можете взять свой портрет с собой.

Я вернулся на стул и спросил:

– Теперь я могу задавать вопросы?

Тесье посмотрел на часы и утвердительно кивнул.

– Спрашивайте, но у вас есть всего лишь несколько минут. Утренние занятия начинаются через полчаса, а вам еще необходимо ознакомиться с обстановкой.

Эта фраза перевела мои мысли в другое русло, и я задал совсем не тот вопрос, который намеревался задать минуту назад:

– Скажите, я являюсь единственным кандидатом на роль Пятого?

Он усмехнулся.

– Да, Пятый, вы единственный кандидат на роль самого себя.

Ответ был, по меньшей мере, двусмысленным, но пришлось удовольствоваться им.

– Смогу ли я встретиться со своим прототипом? – спросил я, чувствуя себя так же, как на собеседовании.

– Да, через какое-то время.

– Почему бы нам не встретиться сейчас? Разве это не поможет мне быстрее войти в образ?

– Сначала вам надо привыкнуть к своим основным чертам. В этом встреча с нынешним Пятым ничем не поможет.

Тесье снова взглянул на часы.

– Сожалею, но вам надо идти. Вы сможете задать свои остальные вопросы в классе.

Он нажал кнопку интеркома и сказал:

– Люсьен, будете добры, ознакомьте Пятого с обстановкой и отведите его в класс.

Я поднялся с четким сознанием того, что главный вопрос так и не был задан. Тесье доброжелательно смотрел на меня. Мне в голову пришел еще один – отнюдь не самый важный – вопрос, и я спросил:

– А почему вы считаете, что мне понадобится столько времени для того, чтобы сдать экзамен?

Он как-то странно улыбнулся.

– Видите ли, Пятый... На то есть серьезная причина. Дело в том, что вы бессмертны. Вы даже не знаете, что такое смерть, вам незнакомо само это понятие. И вам может понадобиться гораздо больше восьми или девяти месяцев, для того чтобы сжиться с этой мыслью. Но в таком случае вы нам не подходите.

В дверь постучали.

– Войдите, – сказал Луазо.

Вошел Люсьен. Я все стоял и смотрел на Тесье, а в голове у меня звучали его слова: «Пятый, вы бессмертны», «Пятый, вы бессмертны»... Я как-то подсознательно понимал, что надо уходить, что я выгляжу глупо, застыв, как статуя, но ничего не мог с этим поделать. Наконец я вспомнил свой главный вопрос и в тот же момент понял, каков будет ответ.

Так эта тема, о которой мне нельзя говорить...

– Да, – жестко сказал Тесье, – эта тема – смерть.

Глава третья

Я шел вслед за Люсьеном по белому пустому коридору. Он как-то неприятно шаркал, и некоторое время я пытался отвлечься от своих мечущихся мыслей, гадая, почему это шарканье осталось незамеченным вчера. Наконец я догадался глянуть на его ноги и увидел обычные домашние тапочки без задников. Эта обувь не особо вязалась с обстановкой, но мне было не до таких мелочей.

Значит, отныне я бессмертен. Правда, ненадолго. Года так на три с половиной. Ну что ж, не я первый, не я последний. Мало ли было фильмов с бессмертными людьми. И ничего, играли, изображали. Правда, мне изображать

придется по-другому. Не так, как это делают актеры – заучивая слова, под надзором режиссера, отдыхая между сценами и подшучивая над своими героями. Мне надо стать таким человеком. Жить, как он, думать, как он... Ничего себе! Неужели они всерьез рассчитывают на то, что я смогу жить и думать так, как будто у меня впереди вечная жизнь? Да на то, чтобы к этому привыкнуть, не то что шести месяцев – жизни не хватит. Хотя, наверное, им виднее. Откликаться на имя – это, конечно, не проблема. И научиться вести себя так, как они хотят, тоже, пожалуй, несложно. Кстати, а в каких ситуациях мое поведение станет иным? Что они мне готовят? Впрочем, с этим мы разберемся. И с ситуациями, и с поведением. А вот с мыслями... Что-то они здесь намудрили. Мыслить словно бессмертный человек? Да я даже представить себе не могу, как такое создание могло бы мыслить. Может, я им действительно не подхожу, а они еще об этом не знают? «А ну вас к черту, – неожиданно озлобляясь, подумал я. – Какое вам дело до моих мыслей? А главное – каким образом вы за ними сможете следить? Я буду думать об всем, о чем мне заблагорассудится. И вы, дорогие исследователи, не будете даже подозревать об этом, пока я буду говорить и действовать так, как этого требует моя роль. „Слово дано человеку, чтобы скрывать свои мысли“ – так ведь писал Стендаль?»

Мои размышления были прерваны недовольным голосом Люсьена.

– Пятый, вы слышите меня?

Я понял, что он обращается ко мне уже второй раз, и кивнул. Мы стояли перед широкой серой дверью с надписью «Кафетерий». Люсьен распахнул ее и сообщил:

– Вы уже видели комнату, в которой будете жить. Кроме нее вам разрешается посещать несколько мест, это – одно из них.

Я огляделся. Небольшой уютный кафетерий был красиво обставлен. Бар, несколько столиков, прозрачный холодильник с напитками. Разумеется, окон здесь тоже не было. Я вспомнил наш вчерашний разговор и спросил:

– Кстати, каким образом отсутствие окон помогает привыкнуть к мысли о бессмертии?

Он косо посмотрел на меня и неохотно ответил:

– Вы поймете это со временем.

– А вы можете попробовать это объяснить? – спросил я, решив проявить

настойчивость.

Люсьен вздохнул, как бы сетуя на мою назойливость.

– Попробовать могу. Но вам это вряд ли поможет. В двух словах – маленький кусочек обычного мира, который мы видим в любом окне, может нести в себе множество напоминаний о смерти.

– Разумеется. Если окно выходит на кладбище, – согласился я. – А что смертельного в кусочке леса или тихом дворе?

– Как я вам уже сказал, вы не сможете понять это сейчас, – ответил он таким тоном, что у меня пропало желание продолжать эту дискуссию.

Помолчав, он продолжил как ни в чем не бывало:

– В своей комнате вы найдете расписание работы кафетерия. Здесь подается трехразовое питание, кроме того, вы можете брать питье и сэндвичи в неограниченном количестве в любое время суток. Разумеется, платить вам ни за что не нужно.

Из кафетерия мы направились в библиотеку, которая, по утверждению моего угрюмого провожатого, была тоже открыта в любое время суток. «Время суток, время суток», – мысленно брюзжал я, следуя за ним. Поди пойми без окон, где тут день, а где ночь.

Библиотека представляла собой небольшую, ярко освещенную комнату с десятком уставленных книгами стеллажей. Не то чтобы книг было очень мало, но я ожидал большего. Даже кабинет Тесье скорее походил на солидное книгохранилище, чем это неказистое помещение. Люсьен остановился у входа и жестом пригласил меня ознакомиться с библиотекой.

Я прошел вперед. Нигде не было ни газет, ни журналов. Только книги. Интересно, какие же произведения институт счел подходящими для моего бессмертного персонажа? Я ожидал увидеть мифы о богах-олимпийцах, всевозможные фантастические повествования об эликсирах бессмертия, возможно, классику – вроде Свифта. Однако на полках не было ни одного знакомого названия. Я шел вдоль стеллажей, удивляясь все больше и больше... «Книга Творения», «Мир», «Машины и их назначение», «Основы живописи»... Взяв голубое «Изобретение», я перелистнул несколько страниц. Книга повествовала о том, как какой-то полный научного энтузиазма ученый что-то усиленно изобретал. Он беспрестанно произносил длинные монологи о пользе его

будущего открытия и нудно описывал удовлетворение, которое ему приносит эта работа. Перелистнув еще пару страниц, я понял, что он пытался изобрести электрическую лампочку. Подивившись тому, что человек этот именовался Двадцатым, а не Эдисоном, я поставил книгу на место и только тут обратил внимание на имя автора. Имя было простое, запоминающееся и, мягко говоря, неожиданное – Пятый.

«Тезка, что ли? – подумал я, снова беря книгу. – Пятый о Двадцатом... Чушь какая-то. И пишет он почему-то так, словно ведет репортаж с места событий». Повинуясь мелькнувшему подозрению, я раскрыл книгу на последней странице. В подтверждение моего предположения, там сообщалось, что Двадцатый работает сейчас над новым изобретением.

– Все эти книги написаны в институте? – спросил я Люсьена, который все это время молча стоял у входа.

Он все так же безмолвно кивнул.

– И для кого они предназначены?

– Для вас и для других людей, находящихся в вашем положении.

– Но ведь оттого, что я прочту такую книгу, я не забуду о том, что лампочку изобрел Эдисон, который умер давным-давно.

Он пожал плечами.

– Мы и не ставим перед собой подобных целей.

– А каких целей вы добиваетесь такими книгами?

– На этот вопрос я вам ответить не могу. Я удивился:

– Но ведь я подписал контракт...

Люсьён покачал головой.

– Пятый, вы подписали только предварительный контракт. Вы должны понимать, что ответы на многие вопросы будут даваться вам только после того, как вы пройдете экзамен и подпишете настоящий контракт, – он сделал ударение на слове «настоящий».

Библиотеку я покинул порядком разозленный той бесцеремонностью, с которой эти люди напоминали о своих запретах. Экскурсия завершилась перед очередной серой дверью, за которой приглушенно раздавались голоса.

– Это класс, где вы будете учиться в течение следующих трех месяцев, – сказал Люсьён. – Здесь вам помогут подготовиться к экзамену. С программой вас

ознакомят. И вот что... – он многозначительно посмотрел мне в глаза. – У вас возникают вопросы. Много вопросов. Вам не запрещается их задавать, и на многие из них вы получите ответы. Но, как я уже предупреждал, на некоторые вам отвечать не будут до тех пор, пока не будет подписан второй контракт. Так вот, не надо задавать такие вопросы вторично. Постарайтесь просто забыть о них до поры до времени. И не пытайтесь найти ответы сами. Для вашего же собственного блага...

Он посверлил меня своими немигающими глазками с короткими ресницами и толкнул дверь. Мне показалось что я перенесся обратно в университет – обстановка была точно такая же. Парты с тетрадями и ручками, доска, преподавательский стол. И даже студенты. Двое ребят и девушка, все примерно моего возраста. «...Точно говорю, так и было написано, сам читал», – экспансивно говорил смуглый черноволосый парень, сидевший ближе к двери. Остальные слушали его с выражением веселого недоверия на лицах.

– Гм, – громко сказал Люсьён.

Оратор умолк и обернулся к нему. Люсьён неторопливо оглядел притихшую компанию и сказал:

– Знакомьтесь, это – Пятый. «Студенты» повернулись ко мне.

– Поль, – представился брюнет. – То есть Четвертый, – поправился он.

Девушка прыснула и, сдерживая смех, сказала:

– Восьмая.

Мне она понравилась. У нее было живое подвижное лицо и короткие каштановые волосы. После мрачноватых или хитрых лиц, которые окружали меня с утра, на нее было очень приятно смотреть. Худощавый парень, сидевший рядом с ней, тоже представился:

– Десятый.

Он произнес это псевдоимя таким обыденным тоном, как будто носил его всю жизнь.

– Ну вот и познакомились, – подвел итоги Люсьен. – Занятие начнется через несколько минут. Желаю успехов.

– Нудный тип, – сказала девушка, как только за ним закрылась дверь. – Пятый, а как тебя на самом деле зовут?

– Андре, – невольно улыбнувшись, ответил я.

– А я – Мари. Это – Эмиль, – она указала на своего соседа. – Ну а то, что нашего Четвертого зовут Поль, ты уже знаешь.

Она говорила весело и непринужденно, и мое несколько подавленное настроение стало улучшаться. По правде говоря, оно улучшилось, как только я увидел этих троих.

– Давно вы тут? – поинтересовался я. Оказалось, что недавно. Мари привезли день назад, обоих ребят – вчера днем. Знали они ровно столько же, сколько и я, то есть ничего. Все успели обратить внимание на освещение, подписать контракты и ознакомиться с местностью. «А еще мы бессмертные», – радостно сообщил Поль. «Не только вы», – отозвался я.

В разгар обсуждения нумерации дверь распахнулась и впустила высокого лысоватого мужчину лет сорока пяти, в котором я узнал третьего члена приемной комиссии. Его продолговатое аристократическое лицо с пухлыми щеками запомнилось мне еще в тот день. Оно располагало к себе с первого взгляда, и в то же время было в нем что-то, отметающее мысль о возможной фамильярности. Уверенность была в этом лице, уверенность и спокойствие. Мы замолчали. Профессор, как я мысленно окрестил его, подошел к столу и удобно уселся, привычным жестом положив ногу на ногу. Затем изучающе посмотрел на нас и, на редкость четко выговаривая слова, сказал:

– Ну что ж, давайте знакомиться. Я – Луи Катру, ваш преподаватель. А вы?..

Он повел взглядом по нашим лицам и остановился на мне.

– Пятый, – ответил я.

– Хорошо, очень хорошо, – одобрительно пробормотал он и посмотрел на Мари.

– Восьмая, – сказала она. Катру удовлетворенно покивал.

– Надо сказать, молодые люди, что я вам завидую, – загадочно начал он после того, как Поль и Эмиль также порадовали его своими новыми нелепыми именами. – Именно так, завидую. И говорю я это не для красного словца. Вам предоставляется возможность непосредственно участвовать в самом необычном исследовании двадцатого века. Если это исследование достигнет своих целей, место в истории вам обеспечено..

Он многозначительно поднял палец.

– Запомните – в самом необычном исследовании. И удача этого

исследования в большой степени зависит от вас. В огромной степени. Впрочем, я отвлекся. Вы сейчас, наверное, гадаете, чему я буду вас обучать на протяжении следующих трех месяцев. Обучать я вас буду искусству быть собой. Звучит несколько загадочно, не правда ли? Дело в том, что вы теперь – Восьмая, Пятый, Десятый и Четвертый. Ваши предыдущие имена, личности и связанное с ними прошлое отныне не имеют значения. Забудьте о них, отложите их в сторону на несколько лет. В пределах этого здания вы – Восьмая, Пятый, Десятый и Четвертый.

Он замолчал, как бы давая нам возможность оценить важность своих слов.

– Все вы бессмертны. Вы помните бесчисленное множество понятий, имен, происшествий, книг, людей, из которых складывалась ваша жизнь до настоящего момента. Каждый из вас хранит в своей памяти целый мир, простой, но совершенный, в котором все вы жили и продолжаете жить сейчас. Этот мир чем-то похож, а чем-то не похож на тот, который окружал вас несколько дней назад. Поначалу вы будете находить в нем гораздо больше различия, чем сходства, но со временем это пройдет. Вы привыкнете ко всему. И тогда вам останется привыкнуть к главному, основному отличию. В вашем мире не существует такого понятия, как смерть. Люди в нем не умирают и даже не стареют. После того как их организмы достигают расцвета, они живут вечно, полные сил и здоровья. Они даже не знакомы с насильственной смертью. По какой-то загадочной причине в их (точнее, в вашем) мире несчастные случаи не происходят, а живые существа не поедают друг друга. В нем нет войн, насилия, болезней. Но главное, самое главное, в нем нет смерти.

Он снова умолк на несколько секунд.

– Это очень хороший и благополучный мир, молодые люди. Ваша задача – забыть о том, что когда-то вы были смертными и жили в другом, огромном мире, наполненном смертью. Вы должны абсолютно перевоплотиться в тех, кем отныне являетесь. Я буду вам в этом помогать. А через три месяца мы устроим небольшой экзамен, о котором вы, разумеется, уже слышали. Как и полагается, на экзамене я буду задавать вопросы, вы – отвечать. Если в течение нашего разговора вы ни разу не выйдете за рамки своего образа, я своими руками вручу вам контракт. Если же вы собьетесь, мы встретимся снова. На переэкзаменовке. Должен вас предупредить, что самым сложным будет привыкнуть к своему и

чужому бессмертию. Все остальное – дело зубрежки. Четвертый, что из того, что я сказал, вызвало у вас такую ироническую улыбку?

Вопрос относился к Полю, который в самом деле довольно непочтительно улыбался.

– Вы, мсье Катру, – сказал он, продолжая улыбаться, – наверное, опираетесь на серьезные исследования, утверждая, что именно бессмертие станет для нас камнем преткновения. Мне кажется, что запомнить за три месяца тысячи деталей нового мира гораздо сложнее, чем просто исключить из употребления слово «смерть».

– Вы, Четвертый, – в тон ему ответил профессор, – глубоко заблуждаетесь. Во-первых, делая это утверждение, я опираюсь не на абстрактные исследования, а на свой собственный и весьма обширный опыт. А во-вторых, очень скоро вы поймете, что я прав. Знаете что, – тут у него стал такой вид, будто его осенила удачная идея, – если желаете, мы можем пофантазировать и представить себе, что вам не нужно ничего запоминать о вашем мире. Хотите? Все, что от вас требуется – это знать, что вы бессмертны и абсолютно не знакомы со смертью. Ну как? Считаете ли вы, что можете пройти такой экзамен прямо сейчас?

В комнате воцарилась тишина. Поль явно не считал себя готовым, но вызов он принял.

– Разумеется, – после минутной паузы ответил он.

– Ценю вашу самоуверенность, Четвертый, – подчеркнуто вежливо сказал профессор. – Кстати, думать над ответами в течение нашей беседы вам не позволено. Итак, позвольте вас спросить, как поживает ваша прапрабабушка?

Поль довольно улыбнулся.

– Спасибо, очень и очень неплохо

– Здоровье у нее, наверное, пошаливает, она ведь очень стара?

– Не понимаю, о чем вы говорите, – сухо ответил Поль, – Что обозначает слово «стара»?

– Не обращайтесь внимания, это просто оборот речи. А как поживают ваши родители?

– Тоже недурно.

– Ваш отец по-прежнему майор военной авиации?

– Опять же я вас не понимаю. Что такое «военная авиация»?

Мы с Мари довольно переглянулись. Поль был просто великолепен. «Как будто знаю ее не первый день», – мимолетно подумал я об этом кратком переглядывании, не преставая следить за ускорявшейся беседой.

– Ах, простите, я что-то не то сказал, – оправдывался тем временем профессор. – А вы слышали о наводнении в соседнем городе? Ужас! Говорят, погибло много людей.

Поль недоуменно пожал плечами.

– «Наводнение»? «Погибло много людей»? Что обозначают все эти понятия?

– Ничего, это я так, балуюсь. Старый уже стал, а все шучу.

– Что значит «старый»? – подозрительно спросил Поль. – Второй раз слышу от вас это непонятное слово.

Профессор смущенно склонил голову.

– Простите, дурная привычка. Memento, так сказать, mori.

– «Memento» – знаю, – задумчиво проговорил Поль. – А вот что такое «mori», понятия не имею.

– Ерунда, ерунда, – затряс головой профессор. – А позвольте-ка узнать, сколько вам лет?

– Двадцать шесть.

– Всего двадцать шесть? Вы шутите!

– Нисколько не шучу. Мне действительно двадцать шесть.

– И при этом вы уже так широко образованны, – всплеснул руками Катру. – Вас наверняка ожидает долгая и блестящая жизнь. И никаких «mori». Как вы считаете?

– Спасибо, – с достоинством ответил Поль. – Время покажет. Кстати, пожалуйста, либо объясните, что такое «mori», либо перестаньте употреблять это слово.

– Не буду, не буду...

Профессор задавал вопросы все быстрее и быстрее. Поль не сдавался и поддерживал его темп. Их разговор все больше и больше напоминал какую-то словесную перестрелку.

– Вы знаете, я теперь стал поздно завтракать. Мне кто-то сказал, что так полезнее для здоровья. А вы когда завтракаете?

– Как придется. Что значит «полезнее для здоровья»?

– Ну не будьте же таким придирчивым... А что вы, кстати, ели сегодня утром?

– Сэндвич.

– Интересно, я тоже. Мой был с курицей. А ваш?

– По-моему, это была индейка, но я не уверен.

– Вы случайно не знаете, как их делают?

– Что?

– Сэндвичи.

– Разрезают булку, мажут майонезом, кладут ветчину, затем овощи.

Закрывают булку.

– Как интересно. А откуда берут овощи?

– Из холодильника.

– А ветчину?

– Оттуда же.

– Говорят, холодильники очень тяжелые. Наверное, их сложно двигать. Вы не знаете, так ли это?

– Не знаю, не пробовал.

– А я только вчера слышал: один парень пытался подвинуть холодильник, перевернул его на себя и погиб. Ужасная трагедия!

Ловушка была очень неуклюжая. Я подумал, что профессор уже понял, что ему не удастся сбить с толку Поля, но ему неудобно это признать. Поль, по-видимому, держался того же мнения.

– Что значит слово «погиб»? – очень естественно удивился он.

– Это так, идиома, – неловко ответил профессор. – Так откуда, вы говорили, привозят ветчину?

– Вообще-то я этого не говорил, – почти издевательски сказал Поль, – но если вы спрашиваете, то могу сказать. Из магазина.

– А как же ее делают из индейки?

– Берут индейку... – сказал Поль и осекся. Катру безмятежно молчал.

– Я... Я, кажется, ошибся, – тихо проговорил Поль.

– Разумеется, вы ошиблись, – с готовностью согласился профессор. – Вы не только собирались продемонстрировать то, что вам известна смерть, но уже сообщили мне о том, что утоляете голод посредством убийства других живых

существ.

Все молчали. Поражение Поля было очень неожиданным.

– Это нечестно, – сказала вдруг Мари. – Он мог еще сказать, что индейка – это растение. Или... или что процесс производства ветчины не прерывает жизнь птицы.

– Мог, – кивнул профессор, ничуть не удивляясь таким предположениям. – Но не сказал. Да и не собирался говорить. Кстати, смерть растения – это тоже смерть. Ну а кроме того, он уже давно провалил экзамен. Кто-нибудь может сказать, когда именно?

Вот те раз. Это была не первая промашка? Я попытался восстановить в памяти их беседу, но, как ни старался, не мог найти ни одной ошибки Поля. Профессор ждал, наклонив голову.

– Я знаю, – спокойно сказал Эмиль.

Все повернулись к нему. Он продолжил, глядя только на профессора:

– Четвертый не удивился, когда вы сказали, что его ждет блестящая и долгая жизнь.

Профессор уважительно взглянул на него и подтвердил:

– Абсолютно верно. Для бессмертного человека упоминание о долгой жизни так же нелепо, как и вопрос о неудачнике, погибшем под холодильником. И даже если он по какой-то причине решил скрыть это удивление, ответ «время покажет» в этом контексте абсолютно недопустим. Итак, дорогой Четвертый, вы по-прежнему считаете, что забыть о смерти легче, чем выучить набор фактов?

Поль больше не улыбался.

– Вы меня очень эффектно сделали, – угрюмо сказал он. – Но я не был подготовлен. Хорошо, я согласен – это сложнее, чем я думал. Но все равно это легче, чем вы утверждаете.

Мсье Катру не стал спорить.

– Буду рад за вас, если ваше мнение окажется верным, – сказал он. – Я все же думаю, что это не так. А вот с вашим анализом ситуации я полностью согласен. Вы не подготовлены. Никто из вас не подготовлен. И именно по этой причине вам предстоит тяжелая учеба. Засим приступим к ней.

Он поднялся и стал прохаживаться перед доской, заложив руки за спину.

– Прежде всего, я хочу описать вам режим занятий. Он у вас будет весьма

напряженным. Каждый день с девяти утра до двух часов дня с небольшими перерывами вы занимаетесь в этом классе. После этого вас ждут домашние задания. Предупреждаю – они покажутся вам объемными и тяжелыми, особенно вначале. После заданий я рекомендую вам немного отдохнуть, а затем заниматься самообразованием. Компьютеры, находящиеся в ваших комнатах, имеют большой набор обучающих программ по всем областям знаний. Кроме того, к вашим услугам имеется библиотека, которую вы все уже посетили. Вопросы по режиму?

– У нас будут выходные? – осведомился Поль.

– Да. По воскресеньям занятий у вас не будет. Но задания на этот день будут больше обычных. Еще вопросы?

Мы молчали, подавленные мрачной перспективой трехмесячной зубрежки. Профессор понимающе глянул на нас и продолжил:

– Итак, тема нашего сегодняшнего занятия: «Мир, в котором мы живем». Вначале Бог создал мир...

Я сидел на кровати в своей комнате и безуспешно пытался сосредоточиться на «Книге Творения». Библия моего нового мира настойчиво пыталась убедить меня в том, что людям нечего опасаться старости. Первоначальная восторженность уже прошла, и монотонные параграфы воспринимались с трудом. На особо спорном утверждении о том, что Адам находится сейчас в добром здравии, я позволил себе расслабиться и отложил темно-зеленый том в сторону. Подперев свою отныне бессмертную голову, я в очередной раз задумался. В бессмертной голове царил полная неразбериха. Четырнадцать дней назад, придя на первое занятие, я предполагал, что в классе мне наконец-то разъяснят смысл происходящего. Ну если не открытым текстом, то хотя бы намеками. К моему удивлению и разочарованию, ничего подобного не произошло. Две недели спустя я по-прежнему не имел ни малейшего представления о «целях и задачах исследования», как говорил Тесье. Я прослушал ряд лекций ироничного мсье Катру, провел не один час над домашними заданиями и регулярно терзал обучающие программы, пытаясь извлечь из них хоть крупицу информации. Вопреки всем этим стараниям, я продолжал пребывать в полнейшем неведении. Мне превосходно помогали разучивать свою роль, но никоим образом не упоминали, в каком спектакле ее предстоит играть.

Если бы не это постоянное ощущение того, что меня используют в качестве подопытного кролика, здесь было бы совсем неплохо. Несмотря на то что занятия успели немного прискучить, они по-прежнему оставались достаточно интересными. Я не уставал поражаться тому, как чья-то изощренная фантазия, снабженная хорошими материальными средствами, породила целый мир. Отсутствие окон перестало быть непривычной деталью, и я даже подумывал о том, что через несколько лет придется к ним привыкать. Еда в кафетерии была вкусная, режим установился напряженный, но не выматывающий, в общем, странный быт, сотканный вокруг меня, был своеобразен и комфортен.

На недостаток общения также жаловаться не приходилось. Между мной, Мари и Полем сложились очень дружеские отношения. Это была неожиданная, теплая атмосфера, напоминавшая мне лучшие моменты студенческой жизни. Мы вместе трапезничали и часто сообща делали домашние задания, проверяя друг у друга, насколько хорошо очередная порция загадочной информации укрепились в памяти. Иногда по вечерам мы собирались в кафетерии или у кого-нибудь в комнате и проводили часы в шумных беседах. Порой это была просто болтовня, но в основном мы пытались придумать объяснение. То однозначное, ясное, четкое обоснование всего, что творилось вокруг. Поль шутил и постоянно выдвигал все более и более невысказанные теории. Я спорил и опровергал, предлагая взамен свои, подчас не менее невероятные версии. Мари смеялась и подливала масла в огонь, шуточно становясь то на одну, то на другую сторону. К сожалению, вопреки поговорке, истина в виде правильной теории в наших спорах не рождалась, а если и рождалась, то оставалась погребенной под десятками других вариантов. За всем этим я уже несколько раз ловил себя на мысли о том, что, если бы не ситуация, в которой мы все находились, я был бы весьма не против сделать свои отношения с Мари более близкими. Но пытаться завязать роман в такой обстановке было бы просто глупо. По-моему, Поль имел похожее мнение, хотя мы с ним никогда этого не обсуждали. «А может, оно и к лучшему», – думал я. Кто знает, как долго протянулось бы это приятельство, если бы не жестко сдерживающая романтические порывы неопределенность. Ни к чему хорошему подобные тройственные союзы обычно не приводят – это я знал по одному печальному опыту еще школьных времен.

В отличие от этих двоих Эмиль оказался зубрилой и довольно занудным

типом. Уже на третий день, отвечая на вопрос Катру о населении мира, он упомянул какую-то деталь, которую мы не должны были проходить еще в течение нескольких недель. Этим он привел профессора в полный восторг и с тех пор стал его любимцем. Он учился с утра до вечера и считал наши продолжительные беседы в кафетерии пустой тратой времени. В чем-то он был, разумеется, прав и этим раздражал меня еще больше. Присутствуя при наших горячих спорах о «целях и задачах», он в основном отмалчивался и почти никогда не высказывал своих соображений. Когда мы в первый раз стали обсуждать версии о сути того, что нас окружало, Поль, сидевший рядом с ним, спросил, что он думает по этому поводу. Эмиль отложил вилку и неожиданно произнес небольшую речь. Оказалось, что он на эту тему ничего не думает, так как его очень четко просили этого не делать. Он, Эмиль, не видит никакой пользы в подобных измышлениях, а наоборот, предполагает, что они могут сильно повредить. Наилучший способ узнать, что же на самом деле кроется за этой таинственностью – это хорошо учиться, быстро сдать экзамен, подписать контракт и получить ответы на все вопросы. Фантазируя же на отвлеченные темы и проводя час за часом в подобных беседах, мы только уменьшаем наши шансы на успех. Так как он намерен пройти экзамен как можно быстрее, он не может себе позволить тратить время на бесполезные и, возможно, опасные разговоры. Чего и нам желает.

Несмотря на менторское содержание, вся эта лекция была произнесена довольно дружеским тоном, так что обидеться на нее было нельзя. Тем не менее мы были несколько ошеломлены такой тирадой и с тех пор не пытались вовлечь нашего Десятого в «бесполезные разговоры». В дверь постучали.

– Войдите, – крикнул я, отвлекаясь от своих размышлений.

В проеме появилась всклокоченная голова Поля.

– Пошли, – сказал он, – настало время ужина и беседы при свечах.

– Как насчет сэндвича с индейкой? – поинтересовался я.

Поль изобразил на лице крайнюю степень утомления.

Можешь придумать шутку посвежее? – спросил он.

– Могу – согласился я, – но пока не буду. Надо же тебе наконец понять, что приличные бессмертные существа не поедают младших братьев своих.

Шутливо перебраниваясь, мы явились в кафетерий, где нас уже ждала Мари.

– С каких пор девушки должны ожидать молодых людей? – недовольно осведомилась она. – Я уже успела взять ужин на троих.

Мы с Полем неудачно попытались оправдаться, получили выговор и, наконец, прощение. Когда половина ужина была съедена, Поль торжественно провозгласил:

– Очередное совещание клуба детективов имени комиссара Мегре объявляется открытым. На повестке дня вчерашняя версия детектива Андре о сериале.

Речь шла о моей теории, которая объясняла все тем, что нас собираются показывать в каком-то бесконечном телевизионном сериале, снимаемом по двадцать четыре часа в сутки. Согласно ей, нам предстояло заменить собой актеров, чьи контракты по каким-то причинам должны были скоро истечь. Для того чтобы привередливая публика не потеряла интерес к сериалу, каждому уходящему актеру обеспечивали абсолютно идентичную замену. Теория объясняла все, кроме того, почему никто из нас никогда не слышал о таком сериале и на какую странную аудиторию он рассчитан.

– Мне нравится эта версия, – сказала Мари, открывая дискуссию. – По крайней мере, она объясняет, зачем нужны пластические операции. Твоя любимая версия, Поль, абсолютно игнорирует этот маленький факт.

Поль откинулся на стуле и, сплетя пальцы, сказал, копируя манеру разговора Катру:

– Моя любимая версия, молодые люди, как вам известно, состоит в том, что все мы являемся объектами психологического исследования. Теплая компания во главе с милейшим доктором Тесье пытается определить, как меняется психика людей, которые в течение длительного времени притворяются, что они забыли о смерти. Именно притворяются, так как все мы знаем, что по-настоящему забыть о смерти можно лишь сойдя с ума. Наши уважаемые ученые имеют множество заказчиков, заинтересованных в результатах этого исследования. Например, военное министерство, рвущееся придумать курс, после которого солдаты будут бросаться в бой, не опасаясь последствий. Или компании, предоставляющие услуги телохранителей. Или врачи, которые хотят иметь магические слова, способные скрасить последние месяцы безнадежно больных. Некоторые больные, между прочим, могут очень хорошо заплатить за подобный сервис. Что

же касается такой незначительной детали, как пластическая операция, то моя версия действительно игнорирует ее. Дело в том, что я вовсе не уверен в том, что кому-либо из нас ее вообще будут делать. Она может фигурировать в контракте только для того, чтобы сделать его более внушительным и заставить нас серьезнее относиться к учебе. Таким образом, моя теория представляет собой великолепное сплетение продуманных логических выводов.

Он повернулся ко мне и, сопровождая свои слова почтительным кивком, добавил:

– В отличие от теории моего уважаемого коллеги, который использует малозначительный факт в качестве основы для своих умозаключений.

Я не торопился сдаваться:

– Очень изящная гипотеза. Но, как я уже говорил, в отличие от моей она совершенно игнорирует один нюанс. Если я не ошибаюсь, мой уважаемый коллега до сих пор не смог объяснить, что произойдет с нами после сдачи экзамена и подписания контрактов.

– А ничего не произойдет, – беззаботно ответил Поль. – Нас всех отпустят домой. Этот второй контракт – просто выдумка. Как только мы сдадим экзамен, они погонят нас по домам, а сами наберут новую группу. И будут повторять эту процедуру до тех пор, пока не соберут достаточно материалов для каких-то обобщений.

– Расскажи это Эмилю, – посоветовал я. – Он наверняка обрадуется тому, что напрасно сидит день и ночь за книгами.

– Поль, – спросила Мари, – если они сразу отпустят нас, то когда же они будут нас исследовать?

Поль укоризненно посмотрел на нее.

– Они нас исследуют с первого дня, – ответил он. – Неужели вы думаете, Что миссия Катру состоит в том, чтобы помочь нам выучить всю эту чушь? Разумеется, с каждого семинара он выносит гораздо больше полезной информации, чем мы.

– Не думаю, – возразил я, – можно было придумать гораздо более эффективный способ исследовать нас.

Поль устало махнул рукой.

– Хватит, – сказал он. – Может, ты и прав. Мы можем спорить до посинения и

все равно ничего друг другу не докажем. Давайте лучше прислушаемся к голосу рассудка, то бишь Эмиля, и сделаем наше домашнее задание. Мари, ты, случайно, не захватила с собой учебники?

– Случайно захватила, – ответила Мари. – Сегодня нам предстоит выучить развитие технологического прогресса в четвертом периоде развития мира.

– А может, еще пару версий обсудим? – с подозрительной поспешностью спросил Поль, услышав тему задания.

– Не поработав, нельзя отдохнуть, – важно сказала Мари, воздев указательный палец. – А ну, быстро за работу.

– Это кто такое сказал? – поинтересовался Поль. Я решил блеснуть образованностью:

– Похоже на Дидро.

– Моя бабушка, – сказала Мари. – Она любила мне это повторять, когда я была в школе. В начальных классах усадить меня за уроки было непросто, но она с этим хорошо справлялась.

– Ну да, – с сомнением протянул Поль, – в жизни не поверю, чтобы тебя надо было заставлять учиться. Ты сама хоть кого заставишь.

– Это после бабушкиной выучки, – улыбнулась Мари. – Ты бы видел, как я с ней воевала. Однажды я где-то вычитала фразу: «Чтобы переварить знания, надо поглощать их с аппетитом». Чем-то мне это высказывание понравилось, и я попыталась его использовать, чтобы отсрочить очередное домашнее задание. Мол, если мне неинтересно эти знания поглощать, как же я могу их хорошо усваивать. Надо сначала нагулять аппетит, а потом уже учиться, ну и тому подобное. Бабушка выслушала все эти соображения, а потом сказала: «Аппетит приходит во время еды». И оставила меня наедине с учебниками.

Она выложила перед нами стопку книг и строго закончила:

– Так что хватит выискивать поводы для отсрочки. Налетайте на духовную пищу.

Мы с Полем обреченно вздохнули.

Глава четвертая

Это невыносимо сложно – вообще не думать о смерти. Я понял это не сразу.

Вначале я предполагал, что это – самый простой и надежный путь прохождения экзамена. Расчет был простой и, как мне казалось, весьма очевидный. К чему мучиться и постоянно одергивать себя? Неусыпно следить за произносимыми словами – удовольствие ниже среднего. Существует гораздо лучший способ. Достаточно убедить себя в том, что смерти нет, и свести все к запоминанию деталей о новом мире. Я был уверен в том, что, задавшись такой целью, смогу достичь ее достаточно быстро и безболезненно. Но в действительности выходило наоборот. Чем сильнее я старался забыть о смерти, тем больше я думал о ней. Непрестанные усилия избавиться от этих мыслей приводили меня во все более и более подавленное состояние. Я думал о неотвратимой старости, о том, что прожил уже почти треть отпущенного мне срока, о том, как быстро пробежали эти двадцать пять лет. С неожиданной грустью я вспоминал детство, школу, университет, размышлял о том, как недавно это все было, и в какой-то момент стал почти физически ощущать, как мой организм стареет.

Можно знать факт, а можно понимать, чувствовать его. Все свою сознательную жизнь я знал, что когда-нибудь мне предстоит умереть. Я жил с этим знанием, мимолетно огорчался в те моменты, когда оно по какой-либо причине всплывало на поверхность, и тут же забывал и о нем, и о своем огорчении. И лишь сейчас я впервые четко понял, что мое пребывание на земле конечно и кратко. Я прочувствовал этот простой факт, ощутил его всем своим существом. И это новое понимание наполнило меня тоской и безнадежностью. Мне снились унылые безлюдные кладбища с покосившимися надгробиями, безмолвные серые склепы, залитые мертвенным лунным светом. А один раз взбудораженное воображение преподнесло мне во сне мои собственные похороны. Услышав, как жирные комья сырой земли глухо падают на крышку гроба, я пулей вылетел из сна и не менее получаса таращил глаза в темноту, прежде чем смог снова заснуть.

Подавленный и изрядно напуганный таким состоянием, я решил, что дальше так продолжаться не может, и прекратил бороться с коварным подсознанием. Пришлось вернуться к первоначальной тактике. Я приготовился быть начеку во время экзамена, продумывать каждую фразу и не попадаться в ловушки, которые мне постарается ставить хитрый экзаменатор. Изменение подхода помогло. Кошмары перестали вторгаться в мои сны, и прежние

беззаботное отношение к смерти постепенно вернулось ко мне. Хотя теперь я время от времени спрашивал себя, а не слишком ли оно беззаботное. Ответа на этот вопрос я не находил и, чтобы отвлечься, налегал на учебу.

Тем временем Катру пытался направить наши мысли в нужное ему русло.

– Не пытайтесь вживаться в свою роль, повторяя себе: «Я бессмертен, я бессмертен», – твердил он нам день за днем. – Это – в корне неверный подход. Ваше нынешнее восприятие бессмертия основано на том, что вы знаете, что такое смерть. Вы воспринимаете бессмертие как простое отсутствие угрозы смерти. Вы думаете: «Вот здорово, я никогда не умру». Но это неправильно! В отличие от бессмертных литературных героев, вы не сталкиваетесь и не сталкивались со смертью вообще. Никогда! Вы не представляете себе, что живое существо может прекратить свое существование. Задумайтесь на секунду – насколько вас страшит вероятность того, что из этой комнаты вдруг исчезнет весь воздух и мы не сможем дышать? Задумались? Пугает ли это вас? Правильно, не пугает. Не пугает потому, что ни на своем опыте, ни в рассказах других людей, ни в книгах вы не сталкивались с такой угрозой. Это – чистая абстракция. Это физически возможно, но абсолютно невероятно. До этого момента вы ни разу в жизни не думали о такой опасности и, скорее всего, никогда и не подумали бы о ней, не попроси я вас об этом. Также и смерть для вас может быть забавной идеей фантастического рассказа, плодом воображения писателя, возможно даже интересным поводом для дискуссии. Но ни в коем случае не угрозой. Не фактом реальной жизни. Не чем-то заслуживающим хоть какого-либо серьезного внимания. Десятый, с чем еще вы могли бы сравнить вероятность того, что вы когда-либо перестанете существовать?

– С тем, что, подпрыгнув, я останусь висеть в воздухе и не смогу опуститься на землю, – бойко отвечал Эмиль.

Катру удовлетворенно кивал и продолжал излагать свой странный материал. Мы же, в свою очередь, пытались вообразить себе такое отношение к смерти, но практически безуспешно.

А в книгах и на семинарах перед нами открывался странный, нелепый, невероятный мир. «Очень хороший и благополучный», как выразился профессор на первом занятии. Мне он таким не казался. Хотя на его просторах

действительно никто никогда не умирал. Люди жили в нем, не зная болезней и старости – мудрые, бесстрашные, вечные. Правда, людей этих было немного. И быть бесстрашными им было несложно по причине отсутствия каких-либо опасностей. На настоящий момент все население мира состояло из тридцати человек. Дети рождались крайне редко – примерно раз в тысячелетие. Вообще-то мир этот можно было назвать миром с очень большой натяжкой. Скорее, по своим описаниям он походил на съемочный павильон. Его создатели, очевидно, решили не утруждать себя разрешением вопросов мироздания и решали проблемы космического масштаба с легкостью и грациозностью бульдозера.

Согласно их сценарию, Бог сотворил пустой мир, затем поселил в нем Адама и Еву. На этом сходство с Библией заканчивалось. Животных и растений в нашем новом мире не было вообще. Единственными живыми существами были люди. День и ночь сменялись без какого-либо научного обоснования, так как понятия космоса, планет и звезд не существовали. Весь мир уютно помещался на площади, обычно занимаемой большим земным зданием. По крайней мере, такое у меня создавалось впечатление. Мир был разделен на просторные помещения, называемые секциями. В тянувшихся между ними проходах находились входы в личные апартаменты, о пропитании бессмертным заботиться не приходилось: Господь устроил все так, что каждое утро в одной из секций появлялась еда. Ее было достаточно на всех людей мира. Еда состояла из... еды. Другими словами, она могла быть чем угодно, включая пресловутый сэндвич с индейкой, но у обитателей нашего мира не могла возникнуть даже тень подозрения о том, что она приготовлена из других живых существ. Всевозможные материалы, такие как металлы, пластик, бумага, резина, также поставлялись Богом в неограниченном количестве.

Что касается истории, то так как года никого не интересовали, вся история мира была разбита на периоды, характеризующиеся приростом населения и технологическим прогрессом. Сейчас мы жили в шестом периоде. Несмотря на отсутствие видимых стимулов прогресса, мир развивался. Люди специализировались в различных областях, изобретали, писали книги, создавали шедевры. Каждый получал возможность заниматься своим любимым делом при полной поддержке общества. Поэты читали свои творения благосклонным слушателям, инженеры изобретали все новые и новые механизмы и технологии,

бодро переходя от механики к электронике и обратно, художники рисовали картины, а иногда в порывах вдохновения разрисовывали стены мира, и даже врачи брали у людей анализы крови и делали энцефалограммы. Назначение врачей я так четко и не понял, так как в мире самой страшной болезнью являлся насморк.

В целом наш новый мир представлял собой какую-то невероятно упрощенную схему реальности, из которой выкинули такой важный фактор, как смерть. Эта была нелепая пародия на жизнь, абсурдный спектакль без зрителей, гротеск. В этом гротеске жили невозможные бессмертные люди. И одним из этих людей предстояло стать мне.

Однажды на перемене, когда мы все сидели в классе, Эмиль, листавший свой конспект, вдруг сказал:

– А вы знаете, через восемь дней будет ровно три месяца с тех пор, как мы начали заниматься.

– Ты это серьезно? – удивился Поль.

– Абсолютно. Я всегда записываю число на полях. Через восемь дней у нас экзамен.

– Вот так сюрприз, – сказала Мари. – Неужели мы уже все выучили?

– Если быть точным, то почти все, – ответил ей Катру, входя в класс. – Вам и в самом деле осталось совсем недолго учиться.

Близость экзамена явилась для нас полной неожиданностью. Не видя белого света, проводя день за днем в однообразных занятиях, мы совершенно потеряли счет времени. Три месяца промчались совсем незаметно.

На следующий день нас ожидал новый сюрприз.

– В течение этой недели каждому из вас предстоит ночная встреча, – объявил профессор, закончив очередную лекцию. – Четвертый, сделайте одолжение, не пытайтесь это прокомментировать. Вы все встретитесь со своими прототипами. Цель этих встреч – помочь вам лучше вжиться в образы. Вы сможете задавать этим людям любые вопросы, прислушиваться к их речи, наблюдать их жесты. Конечно же, вы понимаете, что на вопросы, выходящие за рамки ваших нынешних контрактов, отвечать они вам не будут. Каждая встреча будет начинаться в полночь у вас в комнате и продолжаться так долго, как вы

захотите, но не более четырех часов. Встречи будут происходить в порядке ваших имен. Иными словами, сегодня ночью настоящий Четвертый встретится с нашим Четвертым, завтра познакомятся Пятые и так далее. Вопросы? – закончил он по своему обыкновению.

– Почему в полночь? – почти хором спросили мы.

– Это хороший пример вопроса, который выходит за рамки ваших нынешних контрактов, – усмехнулся Катру. – Единственный ответ, который я могу дать сейчас – для этого есть хорошее обоснование. Как, впрочем, и для всех других непонятных вам фактов. Могу также заверить вас в том, что это не имеет ничего общего с вампирами и прочей потусторонней символикой. Едва за Катру закрылась дверь, началось бурное обсуждение.

Ровно в полночь, – замогильным голосом вещал Поль, – старые часы пробьют двенадцать раз, откроется со скрипом дверь, и в комнату влывет ваш собственный призрак. Будет он отвечать на ваши благонравные вопросы, дети мои, а на непотребные вопросы будет фыркать в ответ. Страшишься ли ты, о вопрошающий Эмиль, этой встречи? Чист ли ты помыслами, сын мой?

– Отстань, – устало отбивался вопрошающий. – Сколько раз тебе говорить, что я не Эмиль, а Десятый?

– Десятый так Десятый, – покладисто соглашался Поль. – Только смотри, не запутайся, разговаривая со своим тезкой, кто из вас кто.

Но на следующее утро Поль уже не был таким веселым. Что-то в его ночной встрече отбило у него охоту шутить. Он кратко описал нам своего гостя и пересказал содержание их беседы, однако в отличие от своей обычной манеры не разбавил рассказ ни каплей юмора. Из его повествования выходило, что ничего нового он этой ночью не узнал. Человек, называвший себя Четвертым, пришел ровно в полночь. Был он лаконичен и вежлив. Выглядел точно так же, как парень, изображенный на портрете, который показали Полю в первый день. Отвечал на вопросы приветливо, но уклончиво. На большую часть вопросов не ответил вообще. Просидел около часа и ушел, когда Поль сказал что-то вроде «хватит тянуть кота за хвост». Вот и вся история. Уже к середине дня Поль опять балагурил и подшучивал над Эмилем. Но что-то было не так. Шутки его были какие-то невеселые, а иногда он вдруг замолкал и погружался в несвойственное

ему задумчивое состояние. После занятий я остался с ним в классе и спросил:

– Может, все-таки расскажешь, что произошло? Он задумчиво побарабанил пальцами по парте.

– Да ничего там не произошло. Поговорили по душам и разошлись.

– Как знаешь, – ответил я, поднимаясь. – Хочешь делать вид, что все в порядке, – делай. Только не ожидай, что я в это поверю.

– Подожди, – сказал Поль. – Понимаешь, мне этот тип перед уходом такое выдал... В общем, говорили мы с ним, называли друг друга Четвертыми, играли в кошки-мышки. А потом я его спросил, считает ли он себя бессмертным. Сам не знаю, почему мне такой вопрос в голову пришел. И тут он абсолютно серьезно ответил, что да, считает. Я ему говорю: но ты же знаешь, что смерть есть. Что мир не состоит из трех комнат. Что в нем живет не тридцать человек. А он так смотрит спокойно и говорит: не понимаю, о чем ты. Что есть смерть? Совсем как этот... Пилат. Тут я уже совсем сорвался, схватил эту идиотскую «Книгу» и кричу, ему вот дам тебе сейчас этой штукой по башке, сразу узнаешь, что это такое! А он вдруг улыбнулся и говорит: не волнуйся, Поль. Так прямо и назвал – по имени, а не этим дурацким номером. Не волнуйся, говорит, конечно же, я все это знаю. И никакой я не бессмертный, а просто притворяюсь, что я такой. А тебе, говорит, притворяться не придется. И ушел.

Поль замолчал и посмотрел на меня.

– Ну и что он имел в виду? – тоскливо спросил он.

– И в этом вся проблема? – удивился я. – Ты что, серьезно расстроился из-за такой ерунды? Да он просто намекнул тебе, что с такими заскоками ты не пройдешь экзамен.

– Ты думаешь? – оживился Поль.

– А что еще тут можно подумать? Ты ж ему чуть голову не расшиб. Скажи еще спасибо, если он не пожаловался Тесье и компании.

– Да я бы и сам так подумал. Но очень уж странно он смотрел, когда это говорил.

– А весь разговор он смотрел по-другому? Поль задумчиво почесал голову.

– Нет, наверное, так же.

– Вот видишь. Короче, не бери в голову, – посоветовал я. – В крайнем случае, его слова можно истолковать так, что они тебя сделают бессмертным. Что тоже

не так уж плохо.

Но Поль все равно остался невеселым до вечера.

Без одной минуты двенадцать ко мне постучали. Почему-то вспоминая слова Катру: «Для этого есть хорошее обоснование», я открыл дверь. На пороге стоял мой прототип.

– Привет, – сказал он. – Можно пройти? Я посторонился.

– Да, конечно, заходи.

Он прошел и сел в кресло. Затем огляделся и сказал:

– Ничего не изменилось.

Я опустился на стул и спросил:

– Ты что, тоже жил в этой комнате?

– Было время, – ответил он, продолжая осматриваться.

Я разглядывал его. Парень с фотографии, которую мне дал Тесье. Немного похож на меня. Одет обычно. Спокойный, пронизательный взгляд. Вообще-то такой взгляд бывает у людей, по возрасту годящихся мне в отцы. Взгляд человека много повидавшего, знающего цену себе и окружающим. Держится уверенно. Очень уверенно. И этот взгляд... Они что там, действительно бессмертные? Гость в свою очередь смотрел на меня.

– Будешь спрашивать? – с улыбкой спросил он, прервав затянувшуюся паузу.

У меня было слишком много вопросов. Несмотря на то что я готовился к этой встрече, я не знал, с какого из них начать.

– Как тебя называть? – спросил я наконец и понял, что сморозил глупость.

– Пятым, – ответил он. – Так же, как я буду называть тебя. Ты не будешь бить меня книгами по голове?

Я понял, что он знает про вчерашнюю выходку Поля, и не смог сдержать смех. Лед был сломан.

После пяти минут малозначительной болтовни я осторожно приступил к серьезным вопросам.

– Ты действительно живешь в этом ненормальном мире?

– Да, – кивнул он.

– Это не выдумка, он в самом деле существует?

– Это выдумка, которую сделали реальностью.

– Зачем? С какой целью?

– Ты знаешь, что я не могу ответить тебе на этот вопрос. Если ты пройдешь экзамен, ты все узнаешь сам.

– Как долго ты там живешь?

– Почти три года.

– И за все это время ты ни разу не видел солнца?

– Ни разу. Но к этому привыкаешь.

– Как часто ты выходишь оттуда?

– Это – третий раз.

– А когда были предыдущие два?

– Первый – два года назад. Второй – вчера.

– Зачем ты выходил?

– Я не хочу говорить о первом разе, он связан со слишком тяжелыми воспоминаниями. Вчера я выходил для того, чтобы встретиться с еще одним кандидатом на роль меня.

Сначала я не понял. Затем до меня дошел смысл того, что он сказал. – Ты имеешь в виду, что я – не единственный возможный Пятый?

– Да. Кроме тебя есть еще один кандидат. Он начал учиться примерно тогда же, когда и ты.

– Вы готовите дублеров для всей нашей группы?

– Да.

– Почему же мы о них никогда не слышали?

– Считается, что это создает слишком нервную атмосферу, которая может помешать успешной учебе.

– Кем считается?

– Руководством проекта.

– Но зачем вообще нужны два кандидата на одну роль?

– На случай, если один из вас не сможет пройти экзамен.

Я все еще не понимал.

– С какой целью надо обучать двух людей одновременно? Разве не логичнее начать учить второго человека только в случае, если я не смогу сдать экзамен?

– Это может занять слишком много времени. У нас его нет. Мы не можем позволить себе ждать.

- Из-за чего такая срочность?
- Извини, не могу сказать.
- Хорошо, а зачем вообще тебя нужно заменять?
- Я должен уйти. Вернуться в обычный мир.
- Почему?
- Больше я не могу тебе сказать. Я вспомнил вопрос Поля.
- Ты считаешь себя бессмертным?

Он улыбнулся.

- Конечно, нет. Я – такой же человек, как и ты.
- Но ты изображаешь из себя бессмертного?
- Да.
- Зачем?
- Не могу ответить.

Я мог бы спрашивать хоть всю ночь. Этот человек был там, он видел, он знал. Но он ничего не хотел говорить. В каком направлении я ни шел, рано или поздно передо мной вставал непробиваемый барьер. Часа через два мне стало окончательно ясно, что ничего стоящего в этой беседе добиться не удастся. Единственной ценной информацией, которую удалось из нее почерпнуть, была новость о конкуренте, но и она ничем не помогала. Я вздохнул и сказал:

- Ну спасибо, тезка. Просветил. Больше я тебя задерживать не буду.

Он улыбнулся, встал и подошел ко мне. Затем неожиданно похлопал меня по плечу и, не говоря ни слова, пошел к выходу. Мне в голову пришел вдруг еще один вопрос, и я спросил ему вдогонку:

- Почему ты пришел в этот проект? Меня-то отобрали просто потому, что мое лицо легко перекроить в твое. А как попал сюда ты?

Пятый остановился в дверях и посмотрел на меня.

- Ты так ничего и не понял, – мягко сказал он. – Это не мое лицо. Три года назад мне тоже сделали пластическую операцию.

Утром мой рассказ вызвал различную реакцию. Поль просто промолчал, видимо, не совсем еще оправившись после своей собственной встречи. Эмиль хмыкнул и спросил:

– А он тебе не сказал, сколько Пятых было до него? Когда я отрицательно покачал головой, он загадочно пробормотал:

– Вот то-то и оно.

И этим чуть ли не первый раз хоть как-то показал, что и он пытается разгадать, что же кроется за семью печатями контракта.

А Мари задумчиво сказала:

– Интересно, зачем он выходил в первый раз?

Меня и самого интересовал этот вопрос. Полуночный гость отнюдь не производил впечатления человека со слабой психикой. Если ему было тяжело о чем-то вспоминать, то можно было себе представить, насколько неприятным было происшествие. Совершенно неожиданно для себя я обнаружил, что вместо страха перед неизвестностью испытываю плохо сдерживаемое любопытство. И еще большей неожиданностью явилась для меня мысль о том, что во что бы то ни стало я не хочу, чтобы Мари подвергалась хоть какой-нибудь опасности после подписания контракта.

Я посмотрел на нее. Разговоры уже закончились, и она сидела, задумчиво склонившись над конспектом. Вдруг, как бы почувствовав мой взгляд, она подняла голову и улыбнулась мне. А я вдруг подумал, что никогда не видел портрет Восьмой и понятия не имею о том, как Мари будет выглядеть через несколько месяцев.

Глава пятая

Наконец наступил день, когда Катру сказал:

– Ваше обучение, молодые люди, закончено. Завтра вы можете отдохнуть, а через день мы с вами встретимся на экзамене. Вы уже успели осознать, что я ни разу не проводил каких-либо репетиций. То, что я не слышал вопросов по этому поводу, я отношу только на счет вашей скромности.

С едва заметной улыбкой он кивнул в сторону Поля и продолжил:

– Отсутствие пробных экзаменов не случайно. Моя цель состояла в том, чтобы научить вас быть теми, кем вы себя сейчас представляете или, по крайней мере, должны представлять. Ни в коей мере не пытался я научить вас искусству успешно сдавать экзамен. Если вы правильно делали все, чему я вас учил, вы

должны пройти экзамен автоматически. Если же, вопреки моим настойчивым просьбам, вы воспринимали это как занудную игру, то вам ничего не поможет.

Он обвел нас взглядом, точно так же как в первый день занятий, и прибавил:

– Я всегда желаю своим ученикам, чтобы они встречались со мной только один раз по такому поводу. К сожалению, пока еще ни один выпускник не сумел противостоять желанию услышать, что же я спрашиваю на повторном экзамене. Надеюсь, вы станете исключениями из этого печального правила.

В этот вечер мы все собрались в кафетерии. Даже Эмиль присоединился к нам, вместо того чтобы поучиться дополнительные полчаса. Разумеется, в университете мне приходилось сдавать немало экзаменов. Но там все было по-другому. Экзамен был пропуском в новый семестр, успешная сдача была радостным событием, предвещавшим каникулы и отдых. Испытание, предстоящее нам сейчас, было иным. Преодолев его, мы делали шаг навстречу грозной неизвестности. Вместо отдыха нам предстояла операция, после которой нас ожидал загадочный исковерканный мир, назначение которого мы себе абсолютно не представляли. Нечего и говорить, настроение у нас всех было довольно унылое. Намеки Катру тоже не придавали бодрости. Мы пытались повторять материал, вдолбленный в наши головы за три месяца, но постоянно сбивались на обсуждение вопроса «А что же будет дальше?» Наконец Поль хлопнул рукой по столу и сказал:

– А может, хватит этой панихиды?! Ничего нового мы все равно не выучим. Главное помнить, кем нас хотят видеть. Все остальное – ерунда. Правда, Десятый?

Эмиль был приятно удивлен, услышав такое обращение от Поля.

– Да, Четвертый, – ответил он. – Главное помнить, кто мы такие.

Но Поль испортил ему всю радость.

– Берите пример с Эмиля, – прокомментировал он. – Вот человек, который не придет к старине Катру дважды. Если бы мы все так себя настроили, нам нечего было бы бояться.

Эмиль поднялся. На его лице было написано возмущение.

– Это просто глупо, – сказал он, в упор глядя на Поля. – Постоянно напоминая себе и другим о том, что все это – игра, ты сводишь на нет все наши усилия. Этот экзамен невозможно сдать, не слившись со своим образом.

Мари сделала попытку его успокоить:

– Но ведь мы все понимаем, что это – игра.

– Нет! – повернулся к ней Эмиль. – Это – не игра! Это – новая жизнь для каждого из нас! Я привык слушать своих преподавателей, и самое главное из того, что мне было сказано за три месяца, состоит в том, что все это – не игра!

Он вышел из-за стола и угрюмо закончил:

– Ребята, я желаю всем вам успеха. Но я в него не верю.

Пророчество Эмиля сбылось: первый экзамен провалили все. Даже он сам. Профессор разделался с нами быстро и изящно, завалив каждого на чем-то своем. Первым был Поль. Зайдя в класс, где его ожидал Катру, он пробыл там всего три минуты и вышел оттуда с какой-то бессмысленной улыбкой.

– Ну, как было? – накинулись мы все на него. Он потряс головой.

– Лучше не спрашивайте. Этот зверь меня съел живьем.

– Ты не сдал? – уточнил Эмиль. Поль грустно посмотрел на него.

– Радуйся, галилеянин, – ответил он. – Твой любимый преподаватель пошел по твоим стопам.

Когда Поль перестал говорить загадками, оказалось, что экзамен он провалил абсолютно по-дурацки. Катру ласково встретил его, задал несколько легких вопросов по истории, попытался завалить на теме смерти, не смог, спросил еще какую-то деталь по демографии и вдруг объявил, что повторные экзамены проводятся два раза в неделю в девять часов утра. Ошеломленный Поль спросил, с какой целью ему была сообщена эта ценная информация. Катру с готовностью объяснил. Оказалось, что в течение их краткой беседы он дважды назвал своего уважаемого собеседника именем «Поль», на которое бессмертный Четвертый почему-то откликнулся.

Сейчас, стоя под дверью класса, бессмертный Четвертый твердил:

– И как он ухитрился меня запутать? Я ведь совсем этого не заметил...

Эмиль смотрел на него с неожиданным сочувствием. Следующим зашел я. Катру сидел за столом важный и серьезный. Рядом, к моему удивлению, сидел Тесье, которого я не видел с момента подписания контракта. Руководитель исследования кивнул мне как старому знакомому. Я, в свою очередь, решил его проигнорировать, опасаясь, как бы мне не сказали, что Пятому не полагается знать, кто такой Тесье. Но меня отправили из класса совсем не поэтому. Я бодро

отвечал на хитроумные вопросы Катру, изящно обходил скользкие места и, как мне казалось, очень естественно удивлялся словам «смерть» и «старость». Неожиданно я с ужасом обнаружил, что уже несколько минут объясняю своим экзаменаторам, почему в моем прекрасном мире невозможны убийства. Ужас был вызван тем, что понятия убийства в течение экзамена мне никто не объяснял. Катру увидел замешательство в моих глазах и сказал:

– А я думал, вас надо будет прерывать. Вы уже, наверное, слышали от Четвертого расписание повторных экзаменов.

Под тяжелым взглядом Тесье я вышел из класса.

С Мари профессор повел себя отнюдь не по-рыцарски и после пятиминутного разговора спросил, считает ли она, что успеет добиться в жизни всего, чего сейчас хочет. Мари ответила, что добиться она может чего угодно, так как ее ожидает бесконечная жизнь. Профессор согласился с ее утверждением, а затем указал на две оплошности. Выяснилось, что, во-первых, выражение «успеть что-либо в жизни» должно было представляться Мари полнейшей бессмыслицей, а во-вторых, она сама произнесла еще большую бессмыслицу, употребив словосочетание «бесконечная жизнь».

– Ваш ответ, – сказал Катру, подводя итоги, – сопоставим с тем, как если бы в ответ на вопрос, могу ли я побриться, я ответил бы, что, разумеется, могу, так как моя рука состоит из вещества достаточно твердого для того, чтобы держать бритву.

Пока Мари осмысливала этот странный пример, он прибавил с досадой:

– Ну почему вы все не хотите понять, что ваше бессмертие не должно быть для вас чем-то достойным хоть тени внимания? Это не теорема, которую надо постоянно доказывать себе и всем окружающим. Это – аксиома.

Интереснее всех погорел Эмиль. Как оказалось впоследствии, его погубила повышенная осторожность, и он провалился абсолютно неожиданно для самого Катру. Когда профессор задал какой-то весьма тривиальный вопрос о детстве и старости, его переволновавшийся любимец заявил, что не знаком с такими словами. Расстроенный Катру сообщил ему, что даже у бессмертных бывает детство, после чего отправил его в нашу компанию неудачников. Пока Эмиль был в классе, мы гадали, дадут ли ему контракт прямо там или потом. Но когда он вышел, у него был такой расстроенный вид, что мы без вопросов поняли

результат.

Вслед за Эмилем показался наш мучитель.

– Я очень разочарован, – сухо подвел он итоги. – Разумеется, я знал заранее, что ни один из вас не пройдет этот экзамен. Но я не предполагал, что вы не сможете ответить на столь простые вопросы. Знаете ли вы о второй группе кандидатов?

Мы покивали. Катру скривился и сказал: – Если бы вы были подготовлены так же хорошо, как информированы, нам бы не пришлось сейчас вести этот разговор. Со второй группой занимался другой преподаватель. Она является полным эквивалентом вашей, и с этого момента у вас начинается соревнование. На каждый образ есть два претендента. Человек, прошедший экзамен первым, подписывает контракт. Его конкурент покидает здание института в тот же день. Я, как тренер во время игры, желаю победы своей команде.

Он оглядел нас и неожиданно закончил словами Эмиля:

– Но вы должны помнить о том, что все это – отнюдь не игра.

И потянулась бесконечная череда экзаменов, перемежаемая периодами подготовки. Мы учились, имитировали разговоры с Катру, задавали друг другу провокационные вопросы. Убеждали себя в том, что наконец-то мы готовы. Затем шли на экзамен и с треском проваливали его в очередной раз. Профессор поражал невероятным умением сбивать с толку, запутывать, заводить разговор в тупик. Он нападал одновременно со всех сторон, мешал факты и понятия старого и нового миров, выворачивал наизнанку наши собственные утверждения и через какое-то время добивался своего, Мы попадались в ловушку и произносили запретные слова, недоумевая, почему же мы это сделали. Катру сокрушенно качал головой и говорил:

– Ну что ж, еще одна попытка...

Но после одной попытки была еще одна, затем еще и еще. То, о чем профессор предупредил нас на первом занятии, оказалось сущей правдой. Мы не могли забыть о смерти. Утешало лишь то, что наши неведомые конкуренты, очевидно, столкнулись с той же проблемой, так как никого из нас пока не выгнали. Но утешение это было слабым.

Как-то вечером я зашел в кафетерий за банкой сока. Настоящая причина,

правда, заключалась в том, что я больше не мог заниматься и не нашел лучшего повода для небольшого перерыва. Кафетерий был едва освещен светом, шедшим из прозрачного холодильника с напитками. Обходя в полумраке столы, я добрался до цели своего путешествия и принялся выбирать сок, стараясь подольше не возвращаться к занятиям. Может, взять яблочный? А может, томатный? А может, вот этот, желтый? А то я его до сих пор не пробовал. «А может, перестать заниматься ерундой и пойти учиться?» – сердито подумал я наконец и протянул руку за первой попавшейся банкой. В момент этого решительного поступка мне послышался звук. Словно калитка скрипнула на ветру или кто-то тихо рассмеялся. Странный был звук, странный и неуместный в этом пустом помещении. Я застыл, пытаюсь определить, откуда он идет, и борясь с непроизвольным желанием задать стрекача. Тихий звук повторился – все тот же не то смех, не то скрип. Теперь было ясно, что раздается он из дальнего и наиболее темного угла. Я никак не мог понять, что это, и, замирая, пошел туда. Придя почти в самый угол, я различил за одним из столов темную фигуру. Фигура сидела, опустив голову на руки, и вдруг опять издала тот же звук. В ту же секунду стало понятно, кто это и что за таинственные звуки разносятся по кафетерию.

– Мари, – спросил я, – почему ты плачешь? Тебя кто-то обидел?

Она подняла голову.

– Это ты, Андре?

– Да, – ответил я, присаживаясь рядом. – Что случилось?

К этому времени мои глаза уже привыкли к полутьме, и мне стало видно ее милое заплаканное лицо. Она неловко улыбнулась и по-детски вытерла глаза. Затем глубоко вдохнула и сказала:

– Ничего не случилось. Просто я немного расклеилась.

Я молчал и смотрел на нее. Никогда раньше я не видел ее плачущей. Больше всего мне хотелось сейчас вытереть ей остатки слез, прижать к себе и, глядя по волосам, говорить какие-то хорошие слова, от которых ей станет легче. Но вместо этого я спросил:

– Хочешь рассказать, почему ты расклеилась? Может быть, я смогу помочь?

Мари вздохнула.

– Нет, спасибо. Помогать тут нечему. Она опять улыбнулась и вдруг спросила:

– Скажи, а ты хорошо учился в университете? Я покачал головой.

– Так себе. А почему ты спрашиваешь?

Но вместо ответа последовал еще один вопрос:

– А в школе?

– Немногим лучше.

– А я всегда училась хорошо, – сказала она. – Не потому что мне нравилось учиться, а потому что все очень легко давалось. И в школе, и в университете. Ты, наверное, не любишь отличников?

Я улыбнулся.

– Людей не любят по разным причинам. Но не любить кого-то за то, что он хорошо учится?

Мари оперлась мокрой щекой на руку.

– Мне всегда все легко давалось, – повторила она. – Всегда. А сейчас я чувствую себя как последняя дура. Не могу сдать элементарный экзамен. Наверное, тебе скучно это слушать?

– Что ты, – ответил я. – Совсем не скучно. Мне это очень важно.

Прозвучала эта фраза совсем неожиданно для меня самого. Мари удивленно взглянула на меня. Я неловко пожал плечами. Она еще секунду смотрела мне в глаза, потом продолжила:

– После недели занятий я думала, что сдам экзамен с первой попытки. Когда не сдала первый экзамен, была уверена, что это – случайность. А теперь... Это превратилось в какой-то кошмар. Я знаю наизусть эти дурацкие книги, могу среди ночи рассказать, кто кого родил, но я все равно проваливаю экзамен за экзаменом. Я уже просто не верю, что я его когда-нибудь сдам.

Она опять глубоко вдохнула.

– Я сегодня весь вечер занималась, а потом встретила в коридоре Катру. Он что-то спросил, я ответила, а потом только поняла, что он меня одним этим вопросом заставил выйти из образа. Тогда я пришла сюда и разревелась. Глупо, да?

– Совсем не глупо, – ответил я. – Мне тут самому иногда бывает так, что хоть плачь. Только мне плакать как-то неприлично.

– И что же ты тогда делаешь? – спросила Мари. Я замялся.

– Это, наверное, еще глупее, чем плакать. Даже говорить неудобно. В общем,

хватая гантели и занимаюсь до упаду.

Мари посмотрела на меня и вдруг засмеялась. Я слушал ее смех и думал, до чего же он похож на детский, такой же звонкий и искренний. Все еще смеясь, она сказала:

– Ну какой же ты глупенький. Разве это неудобно для парня – сказать, что он занимается гантелями, когда злой?

Я улыбался и думал, как это здорово, что я смог ее развеселить. Мы сидели рядом, глядя друг на друга и улыбаясь, и вдруг я понял, что я должен сказать ей то, что я думаю. Прямо сейчас, несмотря ни на какие обстоятельства.

– Мари... – начал я.

Но договорить мне не пришлось. Улыбка сползла с ее лица, и она очень серьезно сказала:

– Не надо, Андре. Пожалуйста, не надо.

– Подожди, – попросил я. – Ты ведь еще не знаешь, что я хочу сказать.

Но она покачала головой. .

– Я знаю. И поэтому прошу тебя не говорить об этом.

Ее ладонь, еще влажная от слез, накрыла мою руку.

– Если ты это сейчас скажешь, я опять разревусь. И тогда ты меня так просто не успокоишь. Давай оставим все как есть, хорошо?

Я угрюмо кивнул.

Когда мы дошли до дверей ее комнаты, я задал нескромный вопрос, который вертелся у меня на языке от самого кафетерия:

– Если у тебя кто-то есть, зачем же ты пришла в институт?

– Дело не в этом, – ответила она. – Совсем не в этом. Спокойной ночи.

Затем неожиданно прикоснулась губами к моей щеке и скользнула к себе комнату.

Прошла еще неделя. Кроме разочарования, законно вызванного двумя проваленными экзаменами, она не принесла ничего. Учеба надоедала все больше и больше.

Одним унылым вечером, когда учиться уже больше не было сил, а ложиться спать еще было рано, я искал себе занятие. Мари училась и просила ее не отвлекать, у Поля никто не снимал трубку, а Эмилю я даже не пытался звонить. В

это время он мог делать одно из двух: или корпеть над книгами, или спать. Я послонялся по комнате, пощелкал каналами моего странного телевидения и уселся на кровать. Было решительно непонятно, чем заняться. И неожиданно для себя я обнаружил, что опять думаю о ней. Об этой старухе с косой и будильником. Ее костлявый образ порядком мешал мне в последнее время. Катру говорил, что научиться ее игнорировать будет сложнее всего, и теперь уже ясно, что в этом он был прав. Чтобы победить сильного врага, его надо узнать... Что я знаю о смерти? Не об ее внешних проявлениях, не о том, как она обходится с другими, а именно о неотвратимом конце, что ожидает меня самого? Пожалуй, что ничего. Мне вспомнилась мрачная картина из какой-то старой книжки. Вытянувшийся в бешеной скачке огромный бледный конь. А на нем – неестественно длинный, худой, бледный всадник с темными провалами глазниц.

Вот и все, что я знаю. Негусто. Да и как можно об этом знать? Придет время – еще узнаю и пожалею, что узнал. Хотя нет, на сожаления не останется, времени. Ни на что не останется времени. А что, если попробовать вообразить себе, как это будет происходить? Но как можно представить то, что никогда не испытывал? Впрочем, если подумать, то почему же не испытывал? Ведь что такое смерть? Просто вечная потеря сознания. Для человека верующего ответ будет совсем другим, но я неверующий, так что остановимся на таком бесстрастном определении. Отметим боль, страдания, предположим, моя кончина будет тихой и мирной. Что остается? Вечный сон. Сон без сновидений и пробуждения. Значит, засыпая каждый вечер, я погружаюсь в подобное состояние? Тогда что же, в этом страшного? Это было бы страшно, если бы, уйдя в этот сон, я продолжал осознавать это. Если бы я оставался в полном сознании, в полном одиночестве и имел лишь это вечное небытие перед собой. А если это действительно так? Ведь никто не возвращается оттуда. Что, если это и есть то, что ожидает меня там? Ну и что? Разве это страшно? Вечное осознанное одиночество. Я чуть не вздрогнул. Это страшно. Это страшнее всего, что можно себе представить. Нет-нет, это слишком дикое и беспочвенное предположение. Я не знаю, что там ждет меня, но пусть это будет просто небытие...

Я лег на спину и, заложив руки за голову, попытался сосредоточиться на этой мысли. Когда-нибудь этот момент настанет. Я не знаю, где буду находиться, кто будет вокруг меня, что я буду чувствовать. Но независимо от обстоятельств я

закрою глаза и умру. Меня не станет. Навсегда. Безвозвратно. Мое существование прекратится, как прекращалось существование миллиардов людей, живших до меня. Навсегда. Навсегда... Ну и что в этом страшного? Это не раздирающая все тело боль, не душевные терзания, это просто небытие. Разве это страшно? Просто небытие... Окончательное. Бесконечное... Разве это страшно?

Я все настойчивее и настойчивее пытаюсь представить себе этот момент. Закрываю глаза... Темнота... Я медленно исчезаю. Разве это страшно?.. Я больше никогда не открою глаза. Никогда не встану на ноги. Никогда не услышу голоса тех, кто мне дорог. Никогда. Это будет вечный беспробудный сон... Нет, сон – это неверное слово. Совсем неверное. Как бы ни был глубок мой сон, в нем я дышу. Мое сердце бьется. Кровь толчками разносится по телу. Я могу почувствовать боль, холод, прикосновение. Я могу проснуться. Я живу. Вот в чем разница. Я живу! С момента рождения я ни на миг не прекращал жить. Я засыпал, болел, терял сознание, отключался на операционном столе, но все это было несущественно, потому что я ни на секунду не прекращал жить! Но в тот, в тот момент все станет иным. И я буду это знать. О, я буду хорошо понимать, что это – не сон. Сердце в последний раз вздрогнет и остановится. Дыхание прервется. Все чувства уйдут. Кровь темной стоячей водой станет в сосудах. Лишенный свежей крови и кислорода мозг в последних судорогах наполнится странными картинками. Мелькнет бледный всадник на бледном коне. И наступит темнота.

Темнота... Какие-то жирные черные пятна. Они шевелятся, наползают друг на друга. Сливаются в темноту. Сейчас она поглотит меня. Все мое сознание растворится в ней. У меня не будет даже этих угасающих мыслей... Разум вскрикнет в последний раз и исчезнет. Всепоглощающая темнота... Она засасывает, она охватывает все, что было мной, она хищно протекает во все уголки погибающего сознания, забирается в каждую клеточку... Она зовет... зовет... Я почувствовал странный холод во всем теле. И, вздрогнув, открыл глаза. На какую-то секунду мне показалось, что еще немного – и пути назад не будет. И тут меня сдавил запоздалый страх. Даже не страх, а какое-то неясное щемящее чувство, отдающееся мерзким ознобом во всем теле. Как будто я заглянул в комнату, в которой находилось нечто, что было лучше не видеть, о чем лучше было вообще не знать.

Я вскочил на ноги, изо всех сил вдохнул, сжал кулаки, напряг руки. И замер,

прислушиваясь к этому незаметному до сих пор, но такому бесконечно важному ощущению. Ощущению жизни. И звенящий озноб медленно отступил. Я устало опустился на кровать, чувствуя себя абсолютно выжатым. Что это было? Этот неконтролируемый темный страх – откуда он вдруг взялся во мне? Я ощутил, что затронул что-то, что трогать нельзя, какие-то струнки, к которым не надо прикасаться. Нет, человек не должен думать об этом. По крайней мере, так думать. Это слишком тяжело, это противоестественно.

И все же почему это было так страшно? В конце концов, тот миг, когда мне показалось, что я проваливаюсь в бесконечную черную пустоту, не был так уж неприятен. Сильная боль может быть гораздо хуже. Что же испугало меня? Что? Осторожно, мелкими шажками, продвигаясь вперед, я стал вспоминать. И минут через пять я понял. Не ощущения сделали этот момент таким ужасным. Не мертвая засасывающая темнота. А его неотвратимость. Нет в мире силы, которая сможет отменить его. Я состарюсь и умру. И будет это не так уж нескоро. Ну еще шестьдесят, семьдесят, ну пусть даже восемьдесят лет. Но этот момент придет. Я перестану существовать. Черная зовущая темнота поглотит меня навсегда. И теперь эта мысль всегда будет со мной...

Утром я поделился с Полем своими впечатлениями. Почему-то мне не хотелось говорить на эту тему с Мари. Ужас, вызванный сумасбродной попыткой вообразить собственную смерть, уже прошел, но я ни за что не согласился бы повторить этот мысленный эксперимент. К моему удивлению, оказалось, что я не был одинок в своих изысканиях.

– Я тоже думал об этом, – с необычной для него серьезностью сказал Поль, когда я закончил. – Хотя до такого не доходил.

– И не советую, – сказал я. Поль посмотрел в стол.

– Я дошел до другого. Хотя доходить тут не до чего. Знаешь, что такое смерть? Не такая страшная, мучительная, а обычная смерть. Это когда что-то делаешь в последний раз. Завтракаешь в последний раз, читаешь в последний раз, спишь с женщиной в последний раз. Все. Другого раза никогда не будет. Вот попробуй за завтраком представить себе, что он последний. Очень странные мысли появляются.

Я молчал.

– И знаешь, что самое подлое? – спросил он. – Никогда не знаешь, какой раз последний.

– Наверное, – ответил я. Его слова неожиданно представили эту тему в новом свете. – Наверное. Но может, это даже не самое плохое. Или не самое подлое.

– А что? – спросил Поль.

Я попытался сформулировать мелькнувшую мысль:

– Может быть еще хуже, когда это не ты.

– Как это? – удивился он.

– Когда видишь кого-то близкого в последний раз. А потом ты жив, а этого человека уже нет. И он никогда уже не вернется.

Мы замолчали. Я вдруг почувствовал какую-то неловкость от своих слов. Будто было сказано что-то очень личное, чем не делишься даже с друзьями. Поль, похоже, ощущал нечто подобное.

– Что там у нас сегодня на обед? – несколько натянуто спросил я, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

– А черт его знает, – просиял он. – Пошли посмотрим на меню.

Больше, к этой теме мы не возвращались.

На следующий день произошло огромное событие. Эмиль сдал экзамен. В этот раз он был первым, и его не было особенно долго. Мы уже стали по своему обыкновению строить теории, когда вдруг он вышел из класса с каким-то задумчивым выражением на лице.

– Сдал? – драматическим шепотом спросил Поль. Эмиль едва заметно кивнул.

– Сда-а-а-а-я!!! – заорал Поль и кинулся на него, как футболист на товарища, забившего гол.

Мы присоединились к нему, и на некоторое время бессмертный Десятый исчез под тремя вопящими кандидатами в бессмертные.

Наконец мы перестали хлопать и трясти его. Теперь мы закидали его вопросами:

– Дали ли тебе контракт?

– Задавал ли Катру какие-то необычные вопросы?

– Когда ты идешь на операцию?

Но Эмиль ничего не знал, кроме того, что он прошел экзамен. Профессор мучил его обычными вопросами, только дольше, а потом остановился и поздравил. После рукопожатия он сообщил, что все детали будут рассказаны Эмилю на следующее утро.

– Наконец-то мы что-то узнаем, – радостно сказала Мари.

Но Эмиль не оправдал ее ожиданий.

– Вы ничего не узнаете, – сказал он. – По словам Катру, завтра меня переводят в другое здание. После сегодняшнего дня мы с вами увидимся не раньше, чем вы пройдете экзамен. Они не хотят иметь хоть малейший шанс утечки информации.

Несмотря на то что это было абсолютно логично, нам всем стало не по себе. От слов Эмиля веяло чужой волей, которая манипулировала нами, словно пешками в загадочной игре.

– Чего раскисли? – спросил Поль, несмотря то что сам помрачнел. – Все правильно, безопасность – прежде всего. Враг не дремлет. Может, нам всем дадут сейчас пройти.

С этими словами он отправился в класс. Однако его предположение оказалось беспочвенным. Катру методично и безжалостно отправил нас всех на очередную переэкзаменовку.

Последний ужин вчетвером проходил в неизменной кафетерии. Мы старались быть веселыми, но постоянно сбивались на грустный лад. Эмиль был задумчив, очевидно, пытаясь себе представить, что же ожидает его завтра. Мы же, в свою очередь, тоскливо думали, удастся ли нам когда-нибудь оказаться на его месте.

– За удачу в обоих мирах! – провозгласил в заключение Поль.

Мы сдвинули бокалы, наполненные соком. И Эмиль ушел из наших жизней.

Вначале было непривычно не встречать его, не слышать больше его спокойного голоса и рассудительных замечаний. Но, кроме этого, ничего не изменилось.

Теперь, несколько месяцев спустя, несдаваемый экзамен по-прежнему нависает над нами как проклятие. За это время Катру постепенно становился все

более и более нетерпеливым. Сейчас он уже не скрывает того, что еще немного – и нас всех отправят восвояси. Атмосфера постоянного провала делает нас раздражительными и мешает сосредоточиться. И вот теперь я провалил экзамен глупее, чем когда-либо. Откуда только выскочила эта проклятая старушка?.. Я с ненавистью смотрю на монитор. Ну зачем я запустил эту программу? Мне ведь отлично известно, кто такой Адам и сколько детей было у Шинава. Это просто какой-то подсознательный самообман. Совсем не отсутствие знаний держит меня в этом злосчастном помещении. Во всем виновата смерть, цепко сидящая в моем сознании и не желающая оттуда убираться. Вымещая злость на ни в чем не повинном компьютере, бью по выключателю. Бедная машина умирает, не успев задать свои обычные вопросы. Я осознаю, что только что мысленно использовал слово «умирает», и в ярости стучу кулаком по столу. Подпрыгивает монитор, дребезжит стакан. Пытаюсь успокоить себя. Так нельзя... Так нельзя... Глубокий вдох... выдох... Все, пора спать. Утро вечера мудренее. Впрочем, какое уж тут утро.

Тянутся, проходят, перемешиваются в памяти серые унылые дни. Мы так хотим, чтобы все это закончилось. Мы уже давно не называем друг друга настоящими именами – мы поняли, что это лишь мешает нашей подготовке. Теперь мы автоматически произносим наши новые нелепые имена – Четвертый, Восьмая, Пятый. Мы больше не смеемся над глупыми книгами – теперь мы знаем, что, потешаясь над ними, мы хуже запоминаем их идеи. Мы перестали строить теории. Мы учимся. Мы стараемся пройти этот идиотский экзамен – и не можем. Неотвратимая смерть, о которой мы всегда подсознательно помним, мелькает в наших ответах на иезуитские вопросы профессора. Она высовывается в обмолвках, о которых мы даже не подозреваем, показывает, свое мерзкое лицо в невинных фразах и комментариях. Мы стараемся быть предельно лаконичны, мы обдумываем каждое слово, мы демонстрируем чудеса предусмотрительности, но вновь и вновь наши губы нарушают запрет. Мрачные и унылые, сидим мы в своих комнатах, выходя лишь для того, чтобы в очередной раз провалить экзамен.

Моя единственная радость – Восьмая. Так я теперь даже мысленно стараюсь называть Мари, после того как произнес ее настоящее имя, отвечая на вопрос профессора. Мы просто друзья. Памятный разговор в кафетерии сделал наше общение ровным и спокойным. Я не пытаюсь говорить о своих чувствах. Восьмая

молчит о своих, какими бы они ни были. Но даже короткий разговор с ней, ее улыбка, голос – эти незначительные вещи заставляют меня забыть о гнетущей обстановке. И мне кажется, что Мари тоже становится веселее, поговорив со мной. Но может быть, это только мое воображение.

Спустя неделю после злополучной «старушки» я вхожу в класс. Только что из него, криво улыбаясь, вышел Четвертый со своим (и моим) обычным результатом. Сажусь, устало смотрю в лицо Катру.

– Приступим? – спрашивает он.

– Ну, раз вы настаиваете, – отвечаю я.

Мы оба невесело усмехаемся. Все-таки, он неплохой человек, этот профессор. Только как можно быть таким въедливым?

– Сколько вам лет?

– Что такое «лет»?

– Где вы хотите быть похоронены?

– Что такое «похоронены»?

Ну и вопросы. Совсем уже не уважает меня Катру. Но через десять минут мне не до умозаключений. Разминка закончилась.

– Почему у вас на руке пять пальцев?

– Таким сотворил первого человека Господь.

К чему он ведет? Надо быть начеку.

– А что еще сотворил Господь?

– Весь мир.

– Кто живет в мире?

– Люди.

– Все сотворенные по подобию первого человека?

– Нет, по подобию Господа.

– Каким он сотворил первого человека?

Ага, понятно. Слово «бессмертным» вы от меня не услышите.

– Двуруким и двуногим.

– А какой срок назначил он для человеческой жизни?

Фу, как грубо.

– Не понимаю вопрос. Что значит «срок для жизни»?

– Объясняю. Сколько времени человек живет на свете?

Вот оно. То, к чему он вел. Сейчас я промахнусь. Скажу слишком много или слишком мало. Но обдумывать вопросы запрещено, это – тоже провал. Ладно, бьем наугад.

– Пока существует мир.

Нет, так говорить нельзя... Хотя и смутный, но все же намек на конечность жизни. Провал! Однако я слышу следующий вопрос. Значит, в этот раз пронесло.

Экзамен идет как обычно. Вопрос – ответ, вопрос – ответ, вопрос – вопрос. Я напряженно ожидаю ловушки. Внезапного удара, который сметет мою тонкую линию обороны и с позором отправит меня из класса. Но его все нет и нет. Вот одна попытка... Отбиваем. Вот еще одна. Изящная, почти незаметная. Давим в зародыше. Профессор хмурится. Ну давай, бей. Но он вдруг улыбается и произносит:

– Поздравляю.

Я думаю, что мне почудилось.

– Что вы сказали?

– Я поздравил вас с успешной сдачей.

Мне кажется, что это происходит во сне. Я сдал экзамен?! Катру продолжает смотреть на меня с улыбкой..

– У меня нет заблуждений по поводу вашей подготовленности. Я прекрасно знаю, что вы продолжаете помнить о смерти. Но вы научились достаточно хорошо скрывать это. Большого от вас и не требуется.

Я молчу – мне нечего сказать в ответ. Слишком давно перестал я верить в возможность этого момента. Неужели это бесконечное издевательство над собой позади? У меня, наверное, сейчас очень глупый вид.

– Спасибо, – говорю я через силу.

– Не за что, – отвечает Катру. – Действительно, не за что.

– Что дальше? – интересуюсь я, обретя наконец способность нормально говорить.

– А разве вы не знаете? Второй контракт, пластическая операция, короткий послеоперационный период, а затем три года в вашем мире, о котором вам теперь так много известно.

Я перевариваю эту информацию и задаю свой главный ный вопрос:

– Когда мне расскажут о том, что все это значит? Профессор смотрит на меня с пониманием.

– Завтра. В девять утра вам надлежит быть в комнате номер 40. Упакуйте сегодня все свои вещи и оставьте их с утра в комнате. Их перевезут вслед за вами.

Я киваю. Затем вспоминаю еще одну важную деталь.

– Можно задать вопрос личного характера?

– Разумеется. Хотя, судя по вступлению, ответа вы, скорее всего, не получите.

Наклоняясь вперед и понижая голос, я спрашиваю:

– Вы мне можете сказать, каковы шансы моих друзей пройти экзамен? Если хотите, я пообещаю ничего им не говорить.

Он задумчиво вертит в руках карандаш.

– Я ничего не могу вам сказать. Если скажу, что шансы невелики, они еще, чего доброго, перестанут заниматься. Если сообщу, что они близки к успеху, результат, скорее всего, будет таким же. А в то, что вы сможете смолчать, я, простите, не верю. Лучше уж промолчу я.

Я вздыхаю. Что ж, на ответ особо рассчитывать и не приходилось.

– Еще вопросы? – спрашивает Катру.

Я отрицательно качаю головой. Профессор протягивает руку.

– Желаю успехов и удачи, – потом загадочно добавляет: – Не подведите нас.

Размышляя над его последними словами, я выхожу из класса.

И опять вечер расставания. Только на этот раз провожают меня. Мари и Поль, провалившие сегодняшней экзамен, пытаются казаться веселыми. Я вспоминаю фразу из какой-то книги: «В разлуке три четверти горя берет себе остающийся, уходящий же уносит всего одну четверть». Может быть, обычно это и так. Но сейчас мне кажется, что я забираю с собой все полновесные четыре четверти. Мы стали так близки за эти месяцы.

– Передавай привет Эмилю, – говорит Поль. Я грустно улыбаюсь.

– Сначала мне надо будет его узнать. И сколько раз он тебе повторял, что он не Эмиль, а Десятый?

Поль мрачнеет. В этой шутке доля правды занимает все сто процентов. Разговор не клеится, мы слишком расстроены неизвестностью, ожидающей всех

нас. Наконец наступает момент, когда весь сок выпит, вся еда съедена и все слова сказаны. Мы прощаемся в худшем случае на три года, как выражается Польша, и расходимся по своим комнатам.

Два часа спустя я сижу в кресле и мрачно смотрю на фотографию Пятого. Все вещи сложены, давно пора идти спать. Портрет, который я держу в руке, успел намозолить мне глаза несколько месяцев назад. Почему же я не ложусь? Нечего притворяться перед самим собой. Причина проста – я не попрощался с Мари. Точнее, мы сказали друг другу «до свидания», но это произошло совсем не так, как я себе представлял. И чем больше я об этом думаю, тем яснее мне становится, что если я не пойду сейчас к ней, то буду жалеть об этом три года, если не всю жизнь. Портрет летит в сторону. На это лицо я еще успею насмотреться в зеркало.

Дверь с черной цифрой 8. Я стучу. Мари открывает, оправляя старенький домашний халат. Этот синий с зелеными полосами халатик делает всю обстановку какой-то теплой и уютной. Я смотрю в ее карие глаза и вдруг с радостью понимаю – она ждала.

– Заходи, – слышу я, как будто заранее сообщил об этом полуночном визите.

Я прохожу в комнату.

– Не спится? – с сочувствием спрашивает она. Мне не хочется ходить вокруг да около.

– Я пришел попрощаться, – говорю я. Она присаживается на стул.

– А разве мы еще не прощались?

Чувствуя себя как перед прыжком в холодную воду, я произношу заготовленную фразу:

– Я не могу уйти, не сказав тебе, как много ты для меня значишь.

Мари молчит. Просто смотрит на меня, не говоря ни слова. Затем поправляет абсолютно не нуждающиеся в этом волосы и отвечает:

– Мы ведь договаривались не обсуждать это.

Я не помню, чтобы у нас была такая договоренность, но предпочитаю не спорить. Просто делаю шаг и оказываюсь рядом с ней.

– Я хочу, чтобы ты знала о том, как я к тебе отношусь. Я не желаю оставаться просто другом.

Она медленно поднимается со стула. Теперь ее лицо совсем близко.

– Я люблю тебя, – шепчу я, смотря ей прямо в глаза.

Что будет теперь? Прогонит? Или я уйду отсюда ошастливленный? Мне кажется, что сейчас ее губы шевельнутся и прозвучит ответное признание. Но она делает шаг в сторону, и я оказываюсь перед равнодушным холодильником.

– Ты когда-нибудь видел, как выглядит Восьмая? – спрашивает она.

– Нет, – отвечаю я, понимая, что ответное признание отложилось на неопределенный срок.

Она смотрит на меня с каким-то странным выражением.

– Конечно, как ты мог ее видеть. А что, если она страшная уродина?

Я качаю головой.

– Тогда бы ты не пошла на это. Она горько усмехается.

– Это то, что я боялась услышать.

– Что я сказал? – недоумеваю я.

– Подумай, – отвечает она.

Я честно думаю. Что было такого страшного в моем ответе? Мари ждет, потом нетерпеливо прерывает молчание:

– Так все-таки, что ты будешь делать, если Восьмая страшна, как жаба? Если я согласилась на это, потому что мне крайне необходимы деньги? Если через месяц, увидев меня, ты подумаешь, что уродливей женщины не встречал? Ты по-прежнему будешь меня любить?

Теперь молчу я. Проще всего сейчас кивнуть. Сказать: «Да, разумеется». Обмануть. Обмануть? Разве я действительно люблю только эту внешность? Неужели я просто внушил себе, что Мари для меня что-то значит? Я стараюсь понять, что же на самом деле чувствую по отношению к ней. Пытаюсь представить себе, как милое лицо превращается под умелыми ножами хирургов в уродливую маску. И понимаю, что я этого ужасно не хочу. Не только потому, что это лицо мне так дорого. А потому, что я не могу допустить, чтобы Мари каждый день, всю жизнь, глядя в зеркало приходила в отчаяние. Это не стоит никаких денег.

– Нет, так нельзя, – произношу я, отвечая на свои мысли.

И тут же ловлю удивленный взгляд Мари. Для нее эти слова имеют совсем другой смысл. Пытаюсь спасти положение:

– Я имел в виду, что тебе нельзя идти на эту операцию.

Она недоверчиво качает головой. Сбивчиво объясняю, что же я подразумевал под своим «нет».

– Я уверен в том, что я буду любить тебя, как бы ни изменилась твоя внешность. Но прошу тебя, – уговариваю я ее, – не делай этого. Если тебе так нужны деньги, ты просто возьмешь то, что заплатят мне.

– Спасибо, – тихо отвечает она. А затем убивает все мои надежды: – Андре, ты мне очень нравишься. Но это место, эта ситуация – они как-то не располагают к любви. Ты не хочешь признать этого, но это так. Ты любишь не меня, а мой вид. А кроме того, что ты будешь делать, если завтра моя конкурентка сдаст экзамен и меня отправят домой?

Я пытаюсь возразить.

– Молчи, – говорит Мари, предостерегающе поднимая ладонь, – я все равно останусь при своем мнении. Да, я хочу быть с тобой. Но я не позволю нам обоим совершить сейчас эту ошибку.

Она подходит ко мне.

– До свидания, – тихо произносит она.

– До свидания, – так же тихо отвечаю я. И добавляю: – Пожалуйста, откажись от операции.

Она улыбается и отвечает:

– Не волнуйся. Восьмая похожа на меня как родная сестра.

Глава шестая

9:10 утра. Я сижу в удобном бордовом кресле и просматриваю долгожданный второй контракт. На стене передо мной белеет пустой экран. Я один. Десять минут назад, после того как на мой настойчивый стук никто не отозвался, я рискнул войти без приглашения. Комната номер 40 оказалась маленьким уютным кинозалом с четырьмя рядами кресел и деревянной трибуной. Осмотревшись, я заметил на трибуне большой конверт, поперек которого было размашисто написано «Для Пятого». «Неужели еще один тест?» – с содроганием подумал я, беря конверт. К счастью, все его содержимое состояло из контракта. Выбрав кресло во втором ряду, я стал читать. Что и продолжаю делать

сейчас в гордом одиночестве. Документ, который я держу в руках, является копией контракта, показанного мне Тесье полгода назад. По крайней мере, никаких отличий я не вижу. Те же туманные фразы, трехлетний срок, молчание обо всем услышанном и увиденном. Ни малейшего намека на объяснения. Видимо, они будут устными. Убедившись в том, что мое понимание ситуации не улучшается от чтения, я откладываю конверт в сторону и начинаю насвистывать «Тореадора». Задорная мелодия почему-то крутится в голове с момента подъема. При этом я усердно помогаю себе руками, отбивая ритм на подлокотниках. За этим занятием и застает меня Тесье.

– Приятно нанимать на работу всесторонне образованного человека, – комментирует он, возникая в дверях.

Я смущенно прерываю свои музыкальные упражнения и здороваюсь. Он кивает и опускается в кресло в первом ряду, чуть левее меня.

– Вы уже подписали контракт? – интересуется он. Услышав отрицательный ответ, он протягивает мне поблескивающую золотом ручку и говорит:

– Вы так долго ждали этого момента. Давайте исполним все формальности и приступим к делу.

Я еще раз пробегаю глазами по строкам контракта и на всякий случай уточняю:

– Это абсолютно точная копия того, что вы мне показывали прежде?

Тесье утвердительно кивает.

– Абсолютно точная.

«Действительно, – думаю я, – долгожданный момент». Только почему я не чувствую особой радости? Расписываюсь, отдаю контракт Тесье. Он внимательно, словно кассир в магазине, изучает мою подпись, аккуратно вкладывает документ обратно в конверт и опускает его на соседнее кресло. Затем изящным движением фокусника выхватывает откуда-то небольшой черный пульт и нажимает на нем разноцветные кнопки.

Медленно гаснет свет. На экране возникает загадочная картина. Камера смотрит с высоты трехэтажного здания. Огромное помещение, залитое потоками яркого солнечного света. Нелепая обстановка: мебель, расставленная как попало, картины на стенах, белые скульптуры. По этому странному помещению прогуливаются люди. Одни беседуют, расположившись в креслах прямо посреди

зала, другие рассматривают и обсуждают картины, кто-то поглощен чтением. В этой сцене есть что-то от скучных утопических произведений о спокойном и затхлом будущем человечества. Какая-то легкая неестественность витает в воздухе. Знакомое и в то же время незнакомое место. Где же я это видел? И тут же понимаю – нигде и никогда. Зато неоднократно про это читал. Это – мир «Книги». И свет этот – не солнечный.

Тесье молча манипулирует пультом. Изображение растет, камера приближает людей, делает круг по залу, потом опять дает общую панораму. Все, как на подбор, моего возраста. Молодые, доброжелательные, оживленные, искренне занятые интересами своего нелепого мира. Покрутившись, камера замирает на молодом человеке, читающем книгу. Его лицо медленно приближается. Еще до того как черты становятся различимыми, я понимаю, кто это.

– Вы любите читать, – нарушает молчание Тесье. – Это – ваше любимое место в Секции Встреч. После того как вы замените нынешнего Пятого, я буду часто видеть вас в этом кресле.

Не поворачиваясь ко мне, он продолжает своим звучным голосом:

– С этого момента вы становитесь полноправным участником нашего эксперимента. Эксперимента дерзкого, небывалого и, в случае успеха, эпохального. Несмотря на свою необычность, он базируется на очевидных идеях, которые очень поверхностно можно изложить следующим образом. Люди занимают уникальное место в этом мире благодаря тому, чему и сами не нашли пока объяснения. Есть в нас нечто, выделяющее нас из зверей, к которым мы по всем своим остальным параметрам четко принадлежим. Какой-то нам самим неясный дополнительный фактор. Тысячелетиями мы видим и исследуем его проявления, абсолютно не понимая его сущности. Одна его грань – людская психология. Другая – мышление, способность делать абстрактные обобщения. Третья – язык. Четвертая – письменность. И наконец, то, что положено в основу нашего эксперимента. Странная, неуловимая связь между физическим и душевным состояниями человека. Сотни примеров подтверждают ее существование. Врачи с давних пор знают; если больной начинает считать, что ему не выжить, его шансы на выздоровление падают. Беременным женщинам уже много лет говорят – не бойтесь родов. Ваш страх перед болью только усилит

эту боль. Известны случаи, когда люди физически старели от сильных переживаний. Смерть, вызванная страхом, описана в сотнях книг и зафиксирована в официальных документах. Связь налицо. И тем не менее она практически игнорируется наукой, несмотря на то что столь родственный нам животный мир не знает подобных прецедентов. Наш эксперимент – это попытка использовать эту связь наиболее практическим способом.

Он говорит, а передо мной идет прямая трансляция из этого сумасшедшего дома, который они называют миром. Довольные люди, притворяющиеся бессмертными, с нелепыми доброжелательными улыбками проходят на экране. «К чему он ведет? – думаю я. – Что это за практическое применение необъяснимого фактора?» Я начинаю смутно догадываться о том, что сейчас услышу, но мое предположение кажется слишком невероятным. Где-то на заднем плане говорит Тесье:

– Все живые существа на планете существуют по одним и тем же законам. Они рождаются, стараются выжить, производят потомство и, наконец, умирают. Смерть является непременным атрибутом жизни. Почему? Никто не знает. Каждую секунду что-то тихо меняется в нашем организме. Сначала период буйного роста, потом затишье, а затем – дряхление и смерть. Отчего наши внутренние часы тикают так недолго? Чем вызваны эти непонятные процессы взросления и последующего старения? Мы не знаем. Но принимаем это как должное. Так уж заведено. Существуют десятки, сотни теорий, но ни одна из них не дает обоснованного ответа на простой вопрос: «Почему?» И тут на сцену выходит этот загадочный дополнительный фактор. Наша связь физического и духовного.

Он умолкает и некоторое время молча смотрит на экран, где двое – юноша и девушка, стоя перед белоснежной скульптурой, горячо обсуждают ее.

– Нехорошо, – бормочет Тесье и недовольно говорит прямо в пульт, прижимая большим пальцем невидимую кнопку: – Передайте Двенадцатому и Второй – поменьше эмоций!

И, не прерываясь, обрушивает на меня правду о своем эксперименте:

– Что, если мы возьмем ребенка и с детства, с первой минуты его существования скроем от него, что человек смертен? А взамен расскажем и покажем ему, что жизнь бесконечна. Что организм должен только

прогрессировать, достигать рассвета и оставаться таким вечно. Сработают ли тогда безжалостные часы? Или не знающий о смерти человеческий мозг найдет способ подавить процесс старения, подобно тому как он помогает уверовавшему в свое выздоровление больному идти на поправку? Скоро мы узнаем ответ.

Широким жестом он указывает на экран.

– Как вы уже догадались, перед вами ваш новый мир. Вы попадете в него через три-четыре недели, требующиеся на послеоперационный период. Там вы встретите всех людей, о которых читали в «Книге Творения». Адама, Еву, Первого, Двадцатого – всех. Все, эти люди – такие же актеры, как вы, прошедшие подготовку и сдавшие экзамен. Все, кроме одного. Один человек в этом доме считает мир, описанный в «Книге», настоящим. Он в нем вырос, он в нем живет, это – его единственная реальность. И таким образом, он – единственный взрослый человек на Земле, абсолютно незнакомый с понятием смерти.

В голове у меня стоит явственно ощутимый звон. То, что творится под крышей института, превосходит по своей странности все наши теории. Тесье неторопливо продолжает:

– Двадцать пять лет назад мы построили этот замкнутый мир. Придумали сведенную до минимума схему мироздания. Создали общество, науки и искусства. Отобрали актеров. Закрыли их там. И поместили в этот мир того, для кого он был создан. Новорожденного младенца. С тех пор примерно раз в три года мы меняем каждого из окружающих его людей. Находим похожих индивидуумов со схожими голосами, готовим их, делаем операции, создаем идентичных двойников. Мальчик, который уже успел превратиться в молодого человека, растет, ничего не зная о смерти. Его окружают бессмертные люди, не меняющиеся ни на йоту с течением времени. О жизни ему известно лишь то, что все люди достигают в своем физическом развитии определенного уровня, на котором застывают навсегда. В этом году эксперимент вошел в критическую стадию. В течение следующих трех-четырёх лет мы сможем наконец-то увидеть результат. Наш подопытный достиг возраста своего окружения, и, если изначальная теория верна, он не должен становиться старше. Его организм анализируется нами постоянно. Как только мы сможем достоверно зафиксировать отсутствие изменений, эксперимент перейдет в следующую фазу. Точнее, он закончится. Теория будет доказана, и останется только практическое применение

результатов. Вначале мы проведем детальное медицинское исследование и определим, что именно в организме подопытного отличается от обычного человеческого организма. Затем, обладая такими данными, мы сможем перейти к последнему этапу. Этот этап заключается в создании препаратов, способных существенно продлевать человеческую жизнь.

Ненормальная идея эксперимента наконец предстает передо мной во всей своей уродливой красе. Есть театр одного актера. А это – театр одного зрителя. Зрителя, с рождения живущего на сцене, и не подозревающего о том, что все, что он видит вокруг – это спектакль, разыгрывающийся среди декораций. Это было бы забавно, если бы не было жутко. И вдруг, неожиданно для меня самого, мной овладевает смех, с которым я едва справляюсь. Так вся эта таинственность, огромные деньги, засекреченный институт, десятки работающих в нем людей, сотни кандидатов – все это нужно лишь для того, чтобы вырастить ущербное тепличное существо, не подозревающее о том, что оно должно умереть? Что за чушь! Расскажите дикарю о том, что заводской пресс не в состоянии повредить ему, засуньте его туда, нажмите кнопку и ожидайте, что он останется невредим! Объясните его соплеменнику, что выстрел из пистолета порождает только безопасный звук, для убедительности пальните в него холостым зарядом, а затем пустите ему пулю в лоб и ожидайте, что она отскочит! С каких пор отсутствие знания о проблеме искореняет саму проблему? Под воздействием этих мыслей я непроизвольно фыркаю.

– Вы имеете право на свое мнение о научности и серьезности эксперимента, – сухо говорит Тесье, не глядя в мой сторону. – Тем не менее в ваши прямые обязанности входит держать это мнение при себе.

Он делает паузу и, дав мне возможность осмыслить его слова, возвращается к своему повествованию.

– Всё, что требуется от вас, – это быть самим собой. Каждую минуту, днем и ночью, совершая любое действие, вы должны помнить о том, что являетесь бессмертным Пятым, и вести себя соответственно. Вам будет выдан – точнее, вживлен – прибор связи, с помощью которого люди, курирующие эксперимент, смогут общаться с вами. Мы наблюдаем за вашим миром двадцать четыре часа в сутки и корректируем любое действие или тенденцию, которые находим опасными. Вот, в общем-то, и все.

Он поворачивается ко мне.

– Зная вас, я предполагаю наличие вопросов. Во мне начинают шевелиться старые забытые подозрения. Я недоверчиво кошусь на Тесье и, борясь с инстинктивным желанием отодвинуться, хмуро спрашиваю.

– Что это вы мне собирались вживлять? Ни о каких вживлениях речь не шла.

Некоторое время он молча смотрит на меня, затем, скользнув рукой в карман, протягивает мне ее и равнодушно говорит:

– Возьмите.

Я подставляю в ответ раскрытую ладонь, и в нее падает нечто круглое и невесомое. Осторожно сжав это нечто двумя пальцами, я поднимаю его на уровень глаз и пытаюсь разглядеть в голубоватом свете экрана. Это тоненький темный диск диаметром не больше обыкновенного карандаша.

– Это устройство представляет собой беспроводной динамик, – слышу я голос Тесье. – Оно будет вживлено вам под кожу за ухом и не принесет никаких беспокойств. Вы забудете о нем уже через несколько дней после операции. И не пытайтесь забивать себе голову воспоминаниями о дурацких фильмах, в которых штучки подобных размеров контролируют человеческий мозг. Над этим наука будет работать еще не одно десятилетие. Если бы мы хотели делать из людей роботов, мы бы не тратили столько сил и времени на их обучение.

Объяснения звучат как всегда убедительно. Впрочем, чего еще ожидать от психолога-профессионала?

– А как я должен отвечать? – интересуюсь я. – Или, кроме этого устройства, меня ожидает вживленный в зуб микрофон?

На лице Тесье возникает что-то отдаленно напоминающее улыбку.

– Зубы мы трогать не будем, – отвечает он. – Информация, поступающая от вас, важна, но сроки ее поступления не столь критичны. Мы хотим иметь возможность скорректировать ваше поведение в любой момент, и для этого необходим динамик, который будете слышать только вы. Когда же вы захотите что-то нам сообщить, к вашим услугам будет обыкновенный микрофон в вашей собственной звуконепропускаемой комнате.

Он осторожно забирает у меня диск и, кладя его обратно в карман, осведомляется:

– Больше вопросов у вас нет, не так ли?

Я в недоумении смотрю на него. Разве это все?

– Вы же не сказали о самой важной детали, – намекаю я.

Тесье вопросительно хмурит брови.

«Забыл», – решаю я и, показав на экран, уточняю:

– Кто из них является подопытным?

Он медленно качает головой.

– Этого я и не собирался говорить. Вам не полагается знать эту информацию.

Так же как и всем вашим бессмертным коллегам.

Минуту назад мне казалось, что теперь меня удивлять нечем. Теперь я понимаю, что институт совсем не торопится открывать все свои тайны.

– Можно узнать, почему? – несколько ошеломленно спрашиваю я.

– Мы пытаемся уменьшить риск срыва эксперимента всеми возможными способами. Не зная имени подопытного, вы не можете намеренно рассказать ему правду, если по какой-то причине решите это сделать. Вероятность того, что вы проболтаетесь или ошибетесь случайно, также значительно уменьшается. Если бы вы знали, кто является этим человеком, вы могли бы позволить себе расслабляться в его отсутствие. У вас появился бы предлог меньше следить за своими словами и поступками, общаясь со всеми остальными людьми. Это в свою очередь вело бы к тому, что вы бы стали более небрежны в общении с подопытным, даже не осознав этого. Не говоря уж о том, что он мог бы случайно услышать ваш слишком откровенный разговор с другим актером. Находясь же в неведении, вы поневоле будете вынуждены всегда оставаться Пятым.

Звучит все это логично, но неприятно.

– А не кажется ли вам, – отвечаю я, – что гораздо опаснее поселить во мне нездоровое любопытство?

– Отнюдь нет, – парирует он. – Вспомните свой контракт. Вы пришли сюда ради больших денег, однако вы не получите ни франка, как только начнете играть в следопыта. На вас донесет любой. Точно так же, столкнувшись с чьим-то чрезмерным любопытством или выходом из образа, вы обязаны донести это до нашего сведения. Это, кстати, еще одна ваша обязанность, которую я забыл упомянуть. Наши наблюдения не идеальны, и каждый человек оказывает нам посильную помощь.

«Этого мне еще не хватало, – с возмущением думаю я. – Слово-то какое

мерзкое – „донести“». И, не пытаясь скрыть своих чувств, говорю:

– Но ведь таким образом вы создаете почти оруэлловское общество! Какую-то отвратительную общину, в которой все доносят друг на друга и никто никому не доверяет.

Тесье резко разворачивается ко мне. Его лицо, освещаемое идущим с экрана светом, выглядит особо жестко и властно.

– Молодой человек, давайте расставим точки над *i*. Мне абсолютно наплевать на то, каким уродливым будет это общество. Для меня оно – просто инструмент, с помощью которого я провожу свое исследование. И за те деньги, которые заплатят вам, вы тоже можете позволить себе наплевать на обществоведение. За несравнимо меньшую плату люди идут на гораздо большие неприятности.

Он отворачивается и, глядя на экран, безразлично спрашивает:

– У вас есть другие вопросы?

Я напряженно думаю. Есть в его объяснениях какая-то неувязка. Что-то показалось мне нелогичным в услышанном гладком рассказе. Но что? Двадцать пять лет продолжается этот спектакль. Четверть века сменяющиеся поколения актеров изображают перед камерами бессмертных людей, попутно следя друг за другом и донося о малейших отклонениях. Они не знают, для кого из них все происходящее не является представлением, и, как разведчики в тылу врага, не выходят из своего образа ни на секунду. Двадцать пять лет они... Стоп! Вот она, неувязка! Он что, меня совсем идиотом считает?

– Не могли бы вы объяснить, – саркастически осведомляюсь я, – как ваш засекреченный зритель оставался засекреченным лет эдак двадцать назад? Вы, разумеется, и тогда успешно скрывали его имя от всех окружающих.

Но вместо того чтобы отдать должное моей догадливости, Тесье холодно отвечает:

– Я не говорил вам, что личность этого человек была тайной на протяжении всего эксперимента. Разумеется, до определенного возраста он был известен всем актерам. Приходилось идти на риск, но у нас не было другого выхода. Мы давно хотели скрывать его, но это стало возможным только в прошлом году. Небольшой инцидент, происшедший несколько лет назад, лишь убедил нас в необходимости такой секретности. Всем актерам, приходившим в течение последнего года, не

сообщалось, кто является подопытным, или, как вы выразились, зрителем. Ваша группа должна заменить последних людей, которым известен этот человек.

Я молчу. Продолжать беседу больше не хочется, хотя обижаться не на что. Тесье верно истолковывает мое молчание и говорит:

– Через час вы встретитесь с хирургами. Если они не обнаружат каких-либо непредвиденных сложностей, оперировать вас будут завтра. Хирургическое отделение расположено этажом выше. Желаю удачи.

Мне остается только раскланяться. Уже в дверях я слышу, как позади он хмыкает и вполголоса произносит:

– Зритель...

Глава седьмая

Операция была легкой. Точнее, лёгкой она была для меня. Врачам, наверное, пришлось повозиться. Когда я появился перед ними в первый раз, меня долго осматривали, ощупывали, озабоченно смотрели в нос и в рот. Многозначительно переговаривались, бросали незнакомые термины, сравнивали с фотографиями Пятого.

– Хорошо, хорошо подобрал фактуру, – приговаривал толстяк в белом халате, бесцеремонно вертя мою голову.

«Сам ты фактура», – думал я с неожиданной злостью.

– Научились, наконец, работать. А то раньше как мы только не кроили... Та-а-ак, верхнюю губу чуть-чуть подтянем, на носу вот тут немного уберем, щёки... щеки трогать, пожалуй, не будем. Брови самую малость поднимем. А вот уши просто великолепны!

Великолепными мои уши до этого никто никогда не называл, и я простил «фактуру».

– А может, без ринопластики обойдемся? – отвечивал «фактурин» коллега, зачем-то защебив кончик моего носа указательным и большим пальцами. – Сходство и так немалое.

Но толстяк держался своего мнения, которое, видимо, было решающим.

– Сходство должно быть не немалое, а идеальное, – наставительно произнес

он, и на этом дебаты закончились.

Толстяк еще немного потыкал мне пальцем в щеку и вдруг начал сыпать латинскими терминами. Молоденький паренек старательно записывал. Мне оставалось только с полнейшим непониманием слушать эту тарабарщину. Закончив диктовать, врач обратился ко мне:

– Операция состоится завтра в девять утра. Вы будете в полном порядке уже через неделю, но потребуется не меньше месяца на то, чтобы все неприятные последствия исчезли. Так как руководство не хочет, чтобы вы появились в счастливейшем из миров, страдальчески морщась от каждой улыбки, вам придется провести этот месяц в нашем отделении. Скучать вам не придется, так как к вашим услугам будут предоставлены все системы наблюдения.

Окончив свою речь, толстяк отправил меня в мою новую комнату в компании юнца-стенографиста. Юнец бойко семенил рядом и восторженно рассказывал о том, как блестяще проводит свои операции доктор Фольен. Слушать это было приятно, но говорить абсолютно не хотелось. В голове крутилась нелепая мысль: «Дались им эти девять часов». В комнате мой чичероне наконец перестал тараторить и, подняв с журнального столика черный пульт, вручил его мне.

– С системой разобраться несложно, – сказал он, сопровождая свои слова попутной демонстрацией. – Вот так выбирается камера, этими кнопками ее можно двигать, а этим приближать изображение.

Дав мне понажимать на кнопки и убедившись в том, что я понимаю их назначение, он направился к выходу. Сделав один шаг, он вдруг остановился и, указывая на телевизор, спросил:

– А что вы там все делаете?

Мне вспомнилась беседа с моим тезкой, и с каким-то неожиданным для себя злорадством я ответил:

– Извини, не имею права сказать.

Он, видимо, уже привык к подобным ответам и, ничуть не обидевшись, ухмыльнулся, махнул мне рукой и вышел. Я остался один.

Опять новая пустая комната, похожая на гостиничный номер, опять неизвестность, опять «а этого вам знать не полагается»... Когда же это все закончится? Я прошел в ванную и уныло посмотрел в зеркало. Прощай, родимая

физиономия. Теперь ты останешься только на фотографиях. Отныне в зеркале, меня ожидает лицо Пятого. Интересно, через три года бессмертия у меня тоже появиться такой спокойный, уверенный взгляд? Звучит-то как – «три года бессмертия». А вот моему взгляду не помешало бы стать спокойнее. Сейчас в нем сквозит только плохо сдерживаемая злость. Дурацкий Тесье! Ну неужели нельзя было все рассказать? Теперь три года надо гадать. Нашим предшественникам было хорошо – они все знали, а за нами будет следить Старший Брат и его младшие братья. Жаль, не знал я об этом секрете, пока говорил с Пятым... Впрочем, он бы мне все равно ничего не сказал. И Четвертый бы Полю не сказал. Четвертый... А ведь он-то пока еще там. И благодаря успеваемости Поля может остаться в своей роли еще надолго. Если только Полев конкурент не окажется слишком умным, чего о нем пока сказать нельзя. Я удовлетворенно плюхнулся в кресло. Мир представлялся уже в более радужных тонах. Если я приду в этот инкубатор, прежде чем нынешние Четвертый и Восьмая покинут его, возможно, мне и удастся узнать, кто такой этот подопытный. Правда, зачем мне это надо? А низачем. Просто очень любопытно. Хоть какая-то цель в этом новом ненормальном мире, где нельзя ничего добиваться. Кстати, почему бы мне на него сейчас не посмотреть? Делать-то все равно нечего.

Я взял пульт и уверенно нажал красную кнопку. Телевизор приветливо засветился ровным светом. Передо мной встала картина, которую демонстрировал Тесье. Огромная Секция Встреч. Те же статуи, живопись на стенах, гуляющая праздная молодежь. Пятый уже ушел. Шумные Вторая и Двенадцатый переместились на другой конец помещения. Теперь их внимание привлекало загадочное полотно, представлявшее собой невообразимое сочетание зеленых и желтых пятен. Обсуждение шло такое же серьезное, но уже с меньшим азартом. Азарта у них поубавилось уже через минуту после того, как Тесье потребовал сбавить эмоции. Оперативно здесь работают. Глядя на них, я сообразил, что Тесье допустил ошибку. И еще какую! Теперь я знал, что по крайней мере эти двое являются актерами..«И на старуху бывает проруха, господин руководитель проекта», – подумал я и, саркастически улыбаясь, начал осваивать пульт. Вправо, влево, приблизить... Камера рывками дергалась по помещению, Ну ничего, это дело времени. Все-таки до чего же приятные, доброжелательные лица у этих «бессмертных». Нет, эти ребята доносить не

станут. Как-нибудь споемся. Умиротворенный, я нажимал податливые кнопки и с удовольствием наблюдал за тем, как движения камеры становятся все плавнее и плавнее.

На следующее утро, последний раз взглянув на себя в зеркало, я пунктуально явился в операционную ровно в девять. Меня приветливо встретили, осведомились, хорошо ли я себя чувствую, и сказали, что уверены в успехе операции. После этого моя роль заключалась в том, чтобы улечься на операционный стол, протянуть руку, в которую медсестра ловко и почти безболезненно воткнула иголку внутривенного наркоза, глубоко вдохнуть и с блаженным выражением слушать, как доктор Фольен считает: «Раз, два, три...» На этом я отключился.

Следующее воспоминание состояло в том, что я пытался понять, где нахожусь, почему все лицо у меня какое-то онемевшее и в какие белые полосы упирается мой взгляд, когда я смотрю вниз. После нескольких минут напряженных размышлений я наконец понял, что нахожусь на кровати в своей новой комнате, белые полосы – это бинты, охватывающие все мое лицо, а какая-либо чувствительность отсутствует, потому что наркоз еще не перестал действовать. Затем в поле зрения возник довольно улыбающийся Фольен. Я было попытался открыть рот, чтобы спросить его, насколько хорошо прошла операция, но он предостерегающе приложил палец к губам.

– Вам лучше пока не разговаривать, – сказал он. – Швы еще очень свежие.

И заботливо поправив одеяло, добавил:

– Все прошло превосходно. Дополнительных операций не потребуется.

Я впервые слышал о том, что операция могла оказаться не единственной, но в голове у меня был такой туман, что думать об этом не было никаких сил. Я устало повел глазами вслед за уходящим Фольеном и тут же снова провалился в беспамятство.

Сейчас я в какой-то апатии. Делать ничего не хочется. Задумчиво прикасаюсь к забинтованной щеке и тут же отдергиваю руку. Прошло два дня с тех пор, как мне изменили внешность. Бинты с меня снимут через неделю, а пока что только освободили доступ ко рту. Бесчувственность лица давно прошла и сменилась неприятным щекочущим ощущением. Прием пищи, простой разговор,

чистка зубов – все это сопровождается болезненными эффектами. Не говоря уже о зевоте. Кроме этого, донимает зуд за правым ухом. Тоненькая таблетка динамика покоится там, вызывая своим присутствием желание почесать шов. Удерживая себя от этого соблазна, я провожу время, наблюдая за своим «инкубатором», а также перелистывая книгу с портретами всех его жителей. Мне необходимо запомнить все лица к моменту выхода в свет. Очень хочется, чтобы эти несколько недель пролетели поскорее.

На третий день ко мне приходит неожиданный посетитель – Катру.

– Я люблю навещать своих учеников после операции, – сообщает он, усаживаясь возле моей кровати. – Мне нравится общаться с ними после того, как им все объяснили. Как вы себя чувствуете, Пятый?

– Неплохо, – слабо гужу я сквозь бинты.

– Не утруждайте себя подробными ответами, – машет он, как будто я рассказывал ему о своем самочувствии полчаса.

Затем поднимает мою книгу с фотографиями.

– Последний этап учебы, – комментирует он, потом аккуратно кладет книгу обратно на тумбочку.

Я не совсем понимаю, зачем он пришел. Катру изучающе смотрит на меня.

– Ну, как вам правда? – спрашивает он, какими-то интонациями давая понять, что вопрос это скорее риторический. – Предполагали ли вы такое?

Я отрицательно мотаю головой. Бинты трутся о подушку, отзываясь неприятным шумом по всей голове.

– Грандиозно, не правда ли? – с подъемом говорит профессор. – Не столько масштаб, сколько идея. Как смело, как дерзко, как необычно. И главное-то, идея ведь лежит на поверхности. Только никто до нас ее не подобрал.

Я пытаюсь выразить свой скептицизм взглядом, ртом и неопределенным мычанием. Очевидно, мне это удастся, потому что Катру смотрит на меня и уже не так приподнято, но без всякого удивления и разочарования говорит:

– Насколько я понимаю, вы не разделяете моих восторгов.

Я несколько виновато пожимаю плечами – да, вот так, уж простите, не разделяю. Он закладывает ногу на ногу и продолжает:

– Вам, пожалуй, идея эксперимента кажется глупой, а сам эксперимент –

бессмысленной тратой времени, усилий и денег. Не стесняйтесь, будьте откровенны. Вы же знаете, теперь вы нам гораздо нужнее, чем мы вам.

Выслушав мои нечленораздельные полутвердительные звуки, профессор говорит:

– Да, конечно, это ведь так очевидно. Человек стареет, потому что его организм изнашивается. При чем тут психология? Ничто не вечно, всему приходит конец, бог дал, бог и взял, так устроен свет. Черепаха живет двести лет, собака – двенадцать, мотылек – один день, а человек, как говорит одно оптимистическое пожелание – до ста двадцати. Каждому созданию отведен свой срок. А мы тут пытаемся спорить с элементарными фактами и основами, не имея на то никаких серьезных оснований. Напоминает ваши мысли?

Я радостно киваю. Катру с любопытством смотрит на меня.

– Смерть, – задумчиво говорит он, как будто и не обращаясь ко мне, – старая, добрая, неизменная спутница жизни. Единственное пророчество, которое можно сделать, не будучи пророком, состоит в том, что через сто с лишним лет все люди, живущие сегодня на этой планете, будут мертвы. Единственная деталь, которую мы абсолютно достоверно знаем о своем будущем – это то, что когда-нибудь мы умрем. Ни в чем другом здравомыслящий человек не может быть стопроцентно уверен. Планы не исполнятся, начинания не завершатся, все жизнь пойдет наперекосяк, и только смерть не оплошает. Придет и заберет.

Мне становится неловко. Слишком проникновенно он все это говорит. И взгляд у него при этом какой-то отсутствующий. Профессор прикрывает глаза и медленно цитирует:

– «...И выступит невыносимый пот. Жена уйдет, и брат родимый бросит, никто не выручит, никто не ответит...»

– «...Косы, которая, не глядя, косит», – заканчиваю я.

Катру умолкает и изумленно смотрит на меня.

– Ах да, – говорит он после секундной паузы. – У вас ведь литературное образование. Конечно же вы знакомы с творчеством Вийона.

Я мог бы сказать ему, что читал «Большое завещание» бродяги-поэта еще будучи школьником, но последствия операции сделали меня достаточно неразговорчивым. Демонстрация литературных познаний и так вызвала нестерпимый зуд в щеках и губах.

Профессор переходит на более прозаический тон.

– В общем, глупостью мы тут какой-то занимаемся – считаете вы. А что вы думаете по поводу того, что десятки болезней, которые люди умеют лечить сейчас, еще сто лет назад считались абсолютно неизлечимыми? Молчите, не надо напрягаться, я и так знаю, что вы мне ответите. Что смерть от болезни и смерть от старости – это совершенно разные вещи. Правильно? Вы ведь это собирались сказать? Вижу, что это. Но знаете, что примечательно? Мы тоже так считаем. И поэтому в своем эксперименте делаем ставку на психологию. Этим примером я только хотел показать, что считающееся невозможным сегодня становится само собой разумеющимся завтра. Эта человеческая уверенность в очевидном – как она опасна. Мы до сих пор толком не знаем, как устроен человек, понимаем только механическую сторону сложнейших процессов в наших организмах, беспомощно наблюдаем за тем, как люди умирают от смертельных заболеваний. Да что там сложнейшие процессы – такое, казалось бы, привычное явление, как сон, и то не имеет пока никакого однозначного объяснения. И мы себе хорошо отдаем в этом отчет. Мы исследуем, боремся, надеемся на успех. И только со смертью нам все ясно.

Его речь постепенно становится все более горячей.

– Взгляните на обычного человеческого ребенка. Вот он родился – голенький, крошечный, ничего не понимающий. И пошел развиваться. Физически и умственно. Накапливать информацию об окружающем мире. Вырабатывать условные рефлексы и улучшать безусловные. Подушка мягкая. Стенка кровати твердая. К горячему прикасаться нельзя – это больно. Надо слушаться старших – а то накажут. И вот уже в его голове формируются, а затем намертво отпечатываются правила, соответствия, ожидания. Его организм начинает вести себя в соответствии с внешними раздражителями уже без длительных размышлений. И примечательно то, что зачастую его реакция вызвана не столько внешними раздражителями, сколько заученной, вбитой в подсознание информацией о них. Самый очевидный пример – вагинизм, хотя это, разумеется, не детское состояние. И наряду с другими понятиями в его мозг проникает ядовитая информация о смерти. Она везде – в жизни, в разговорах, в литературе. Ребенок наблюдает за тем, как уходят старики, слышит разговоры взрослых, читает книги, смотрит фильмы. И уже в самом нежном возрасте его учат тому, что

и его собственное существование не вечно. Взгляните на мировую литературу – вы не найдете практически ни одного произведения, в котором не упоминается смерть. Любая книга от солидного «взрослого» романа до тоненькой детской сказочки шепчет, говорит, кричит о неизбежном конце. Попробуйте перебрать в памяти любые произведения, которые придут вам на ум – и вы с ужасом или любопытством обнаружите в каждом из них если не само слово, то намек, если не трагедию, то шутку. Лавиной идет на ребенка идея о неминуемой смерти. И будьте уверены, он ее превосходно усваивает! И вот уже бегут, бегут сигналы из мозга. Отдерни руку – там горячо, прикрой глаза – ветер принес песок, взрослей – тебе предстоит умереть... И организм послушно отдергивает руку, прикрывает глаза, взрослеет, стареет и умирает.

Катру назидательно рубит воздух ладонью, произнося последнее предложение. «Взрослеет» – взмах, «стареет» – взмах. Затем он умолкает и, немного помолчав, сухо заканчивает:

– Нам, группе профессионалов, идея эксперимента отнюдь не представляется глупой. Возможно, вам стоит более непредвзято взглянуть на нее. Не забывайте, что в свое время вы тоже получили свою долю ядовитой информации, о которой я сейчас говорил.

После этого мы молчим. Он думает о чем-то своем, мне как-то не до разговоров. Проникнутая искренней верой речь Катру несколько поколебала мое скептическое отношение к эксперименту. Он вдруг улыбается и говорит:

– Не ожидали вы услышать такую проповедь?

Я тоже улыбаюсь в ответ, правда, едва заметно. И тут же думаю, что эту теплую обстановку можно хорошо использовать. Стараясь как можно меньше шевелить губами, я спрашиваю:

– А как зовут подопытного?

Не переставая улыбаться, он говорит:

– А разве доктор Тесье вам этого не сказал?

«Сейчас скажет!» – торжественно вопит во мне раззадоренное любопытство. Я отрицательно качаю головой и неизвестно зачем пытаюсь изобразить сокрушенный вид под бинтами. С той же приветливой улыбкой Катру произносит:

– И правильно сделал. Вам этого лучше не знать.

«И ты, Брут...», – разочарованно думаю я. «Брут» тем временем несколько язвительно говорит:

– Три года тому назад, когда имя подопытного было всем известно, один человек, бывший в ту пору Адамом, счел, что эксперимент является насилием над личностью. А именно – над личностью подопытного, так как от бедного мальчика с детства скрывали суровую правду. Наш праотец, обуреваемый благородными чувствами, считал, что мы не имеем никакого права обманывать несчастного юношу и использовать его в своих целях, какими бы благородными они ни были. Под воздействием этих прекрасных мыслей он вознамерился поведать введенному в заблуждение объекту эксперимента всю правду о его мире и его фальшивом бессмертии. Далее, он предполагал, что вышеназванный объект вправе выбирать сам, каким образом ему надо распорядиться своей отнюдь не бесконечной жизнью.

К счастью, все эти планы были сообщены пламенным борцом за справедливость своему близкому другу, который расторопно донес их до нашего сведения. Нечего и говорить, насколько сложно было для нас быстро изъять Адама и в срочном порядке заменить его. Никогда эксперимент не был еще под такой непосредственной угрозой срыва.

Тут Катру вдруг неожиданно бьет кулаком по тумбочке.

– Из-за этого наивного идиота работа сотен людей чуть было не пошла насмарку! Ох уж эти убогие слюнтяи, которые жалеют муравья, при этом чавкая говядиной! Испокон веков люди лепят собственных детей по своему образу и подобию. Они решают за ребенка, в какой школе ему учиться, какое мировоззрение иметь, какие книги читать. Они могут вырастить его в любви или в ненависти, в любой религии, с произвольными нравственными ценностями. Даже будь они абсолютно негодными родителями и негодьями, все равно это их священное право – лепить из своего чада все, что им заблагорассудится. И тогда наши борцы за справедливость молчат! Когда пусть даже самая справедливая государственная идеология вдалбливается в головы населения через бесчисленные средства массовой информации, эти борцы тоже помалкивают. А вот когда мы берем нищего подкидыша, растим его в тепле и неге, а заодно пытаемся сделать бессмертным – это уже явное насилие над личностью. Только потому, что мы, видите ли, забыли сообщить ему о том, что он смертен. Тут уже

надо р-р-революцию устраивать.

Он набирает в грудь воздух и, шумно выдохнув, говорит уже спокойнее:

– Простите, Пятый. Я, пожалуй, погорячился. Ну не могу я спокойно говорить об этом глупце.

Он поднимается.

– Мне пора. Желаю вам скорее прийти в норму. Знакомьтесь с вашим миром, отдыхайте, готовьтесь. И не думайте с тоской о том, что вам предстоит. Вам может неожиданно понравиться. По рассказам доктора Тесье, ему, по крайней мере, было там весьма неплохо.

Только когда за Катру закрывается дверь, я полностью понимаю смысл его последней фразы. Тесье, жесткий, властный Тесье сам был актером! Почему-то я все время считал, что он был основателем эксперимента. А ведь на вид ему не дашь больше чем пятьдесят – пятьдесят пять. Четверть века назад ему самому было двадцать пять. Значит, скорее всего, он был среди первых «бессмертных». То есть его лицо послужило шаблоном, по которому сейчас кроют новых актеров. Интересно, кого он изображал? А что, если Пятого? Впрочем, что с того? Просто я истосковался по свежей информации и бросаюсь на любой свежий факт с резвостью щенка, увидевшего новую игрушку. С некоторой надеждой открываю свой блестящий «фотоальбом» и начинаю всматриваться в эти приветливые лица, пытаюсь представить себе, как они будут выглядеть двадцать пять лет спустя. Но мне не удается мысленно трансформировать ни одно из них в лицо Тесье. То, что все бессмертные гладко побриты, делает задачу практически нерешаемой. Ладно, с Катру я, наверное, говорил не в последний раз. Еще успею спросить. Я представляю себе, как подобно Фельтону из «Трех мушкетеров» страстно кричу: «Имя! Назовите мне его имя!», и мне самому становится смешно.

Через неделю, как и было обещано, меня избавляют от бинтов. Медленно, плавно ведет руками вокруг моей головы доктор Фольен. Вслед за его руками с легким шелестом стелются надоевшие бинты, открывая свету мое новое обличье. Доктор удовлетворенно кряхтит и подносит к моим глазам зеркало. Момент, о котором я столько думал, настает. Передо мной мое новое лицо, такое знакомое и незнакомое одновременно. Я верчу головой, пытаюсь рассмотреть себя со всех сторон. Надо отдать врачам должное – потрудились они на славу. Единственное

напоминание об операции – легкая краснота, как после солнечного ожога. Никаких швов, шрамов, натянутой кожи. Как будто это лицо было моим с момента рождения. Я придирчиво рассматриваю себя. Ну просто вылитый Пятый! Да нет, не «просто вылитый». Я и есть Пятый. Единственный, неповторимый и неподвластный течению времени. «Прелестно, – слышу я довольный голос хирурга. – Просто прелестно».

На следующий день Фольен приходит ко мне с небольшой черной коробочкой в руках.

– Сейчас мы опробуем ваш имплантат, – объявляет он после непродолжительного осмотра.

Слово «имплантат» ассоциируется у меня с такими вещами, что я бросаю на доктора полный недоумения взгляд. Коротко хохотнув, он поясняет:

– Я имел в виду динамик, а не то, что вы подумали. Затем он повторяет в свою коробочку:

– Я имел в виду динамик.

И на этот раз его голос отдается эхом у меня в голове. Это странное ощущение, чем-то напоминающее то, которое возникло у меня, когда я первый раз в детстве надел наушники. Помню, как я был изумлен, обнаружив, что музыка, только что лившаяся снаружи, вдруг зазвучала где-то внутри меня. Трубы и барабаны неведомым способом перенеслись мне в голову и, удобно расположившись там, продолжали играть свою радостную мелодию. Помнится, я тогда стряхнул наушники и потребовал, чтобы из меня вытащили музыку. Сейчас мне хочется проделать нечто подобное.

– Работает? – интересуется Фольен. Я киваю.

– Тогда еще одна проверка, – говорит он и скрывается за дверью.

Через мгновение в моей голове опять оживает его голос. Он идет немного справа, но все равно кажется, что он рождается где-то внутри.

– Проверка... проверка... – скучно говорит доктор. – Имплантат в рабочем режиме.

Затем он опять возникает в дверях.

– Ну как? – спрашивает он. – Все различимо? Громкость подходящая? Неприятные ощущения отсутствуют?

Я киваю, словно китайский болванчик.

– Вот и чудненько, – подводит он итоги и оставляет меня в одиночестве.

Месяц проходит незаметно, но тоскливо. Первые несколько дней я чуть было не отшатывался от удивления, взглянув утром в зеркало. А теперь новое лицо ничуть не смущает меня. Оно – мое. Я сжился с ним с пугающей меня самого быстротой. Одним утром я с некоторым сожалением осознаю, что не могу легко и четко представить себе, как выглядел до операции. Напрягшись, я могу по частям восстановить в памяти свой прежний облик, но он вызывает у меня не больше чувств и ассоциаций, чем лица друзей и родных. Я чувствую, как мое превращение в Пятого подходит к своему логическому концу. Видя каждый день в зеркале его лицо, я начинаю все больше и больше отождествлять себя с ним. Даже мои мысли становятся расслабленней и спокойнее, как будто у меня впереди вечность. В голове гуляют смутные метафоры. Я сравниваю себя с человеком, который надел маску, а она вдруг коварно пустила корни, вросла в кожу, став одним целым с наивным хозяином.

Дни неотличимы один от другого. Подъем, завтрак, телевизор, фотоальбом, обед, телевизор, ужин, телевизор, сон, подъем... Память услужливо подкидывает чьи-то стихи: «День прошел как обычно – работа, обед, магазин, телевизор, семья. Каждый днем прошагал по намеченной им борозде..» Нет у меня ни работы, ни семьи, ни даже прозаического похода в магазин. Только обед да телевизор. И борозду свою намечаю я не сам. За меня ее прокладывают умные серьезные люди с психологическим образованием. Я меряю шагами свою белую безликую комнату, из которой мне почему-то запретили выходить, просматриваю в который раз книгу с портретами. И смотрю, смотрю, смотрю в телевизор. В это бесстрастное и правдивое окно в новый мир. Чем больше я за ним наблюдаю, тем сильнее мне хочется туда попасть. Там люди, там хоть какая-то, но жизнь, там – какое-то разнообразие. Я начинаю подозревать, что этот месяц в одиночестве был так же тщательно продуман психологами, как и все остальные детали моей подготовки.

А в телевизоре разворачиваются красочные картины. В ожидающем меня мире царит спокойствие. Его добродушные и беззлобные обитатели проводят время в разговорах, трапезах, веселье и различных искусствах. Это беззаботное

общество вызывает у меня в памяти какие-то смутные полузабытые картины. Я никак не могу понять, что именно оно напоминает, пока однажды мой взгляд не останавливается на хрупкой девушке с льняными волосами, которая отчего-то весело хохочет возле белой скульптуры. Эта картина озаряет мою память как вспышка: Уэллсовские элои! Беспечные щебечущие потомки людей, живущие бесцельно и счастливо. Мир Книги несет на себе явный отпечаток этой унылой картины будущего. Но через некоторое время я понимаю, что элоям и не снилась подобная жизнь. В отличие от хрупких человечков, моим бессмертным не ведомо чувство страха. Им не грозят ни жуткие каннибалы-морлоки, ни беспощадные природные бедствия, ни несчастные случаи. Но самое главное – угроза смерти не нависает над ними дамокловым мечом: Разумеется, в этом нет ничего нового, сотни раз я читал и слышал об этом, даже как-то поверхностно понимал, но только сейчас, перед экраном телевизора приходит ко мне настоящее понимание этого чуда – жизни без неумолимого тупика в конце. День за днем я смотрю на этих людей и забываю, что передо мной актеры – до того достоверно они играют. И вскоре я догадываюсь, почему их игра настолько убедительна. Они не играют – они живут. Они перевоплотились в свои персонажи. Где-то среди них ходит Зритель, как я его про себя называю. Единственный человек, который не знает правды. Но для остальных эта правда настолько потускнела и забылась, что они почти ничем не отличаются от него. Окружающая их реальность настолько приятна, что им не надо притворяться. Их счастье, веселье и беспечность – подлинные.

Большой интерес у меня вызывает Десятый. Мне понадобилось какое-то время для того, чтобы осознать, что это – Эмиль. Когда я догадался связать худощавое лицо человека на экране с именем моего друга, радости моей не было предела. Вот он – один из нас, прошедший все испытания и ныне наслаждающийся прекрасной жизнью бессмертного. Ничто не выдает в нем Эмиля, которого я знал. Мой строгий, вечно сосредоточенный соученик превратился в шумного, словоохотливого весельчака. Он с увлечением принимает участие в общественных обедах и вечерних посиделках. Я смотрю на него с некоторым умилением. Как-никак, родная душа. Скоро встретимся, дружище!

Но с особым, жадным вниманием я наблюдаю за человеком, носящим мое

имя. Пятый всегда сдержан, несколько холоден, замкнут, и вместе с тем из него струится какое-то странное обаяние. Он – писатель. Его книги популярны настолько, насколько что-либо может быть популярно в этом мире, где привычные ценности ничтожны, а все люди беспечны и беззаботны. Он часто с неподдельным интересом говорит с людьми, внимательно слушает их, задает всевозможные вопросы. А потом удаляется в свою комнату и подолгу пишет. Я читал его книги. Разумеется, большинство этих произведений написано не им. Он просто пришел на готовую роль точно так же, как сейчас это делаю я. Но, несмотря на то что он должен был играть писателя, никто не заставлял его писать. Он мог бы просто уходить к себе и смотреть в потолок, а книги писали бы за него специалисты. Но он решил попробовать, и у него получилось. Сейчас он пишет все сам.

Его книги проходят очень придирчивую фильтрацию, но тем не менее их пропускают к читателям. То, что было до него написано от имени Пятого, мне не нравится. Эти литературные поделки представляют собой сухое, занудное и порой нравоучительное изложение скучных фактов, никогда не имевших место в действительности, но выдающихся за правду. А вот его книги чем-то задевают. Хотя, казалось бы, чем тут можно задеть? В его мире нет ни ярких чувств, ни страха, ни надежд, ни опасностей, ни переживаний – ну ровным счетом ничего из того, что так или иначе образует ткань привычной для меня литературы. И все же он каким-то образом ухитряется приковывать внимание читателя и задевать какие-то струнки в его душе, описывая эти выхолощенные доброжелательные отношения и характеры, которыми наполнен его мир. Раньше, до сдачи экзамена, его книги вливались в мощный поток информации, которую мне необходимо было усвоить. Я читал их и тут же забывал. Теперь же, перечитывая их, а также просматривая книги других авторов, я начинаю понимать, что он первым внес в этот мир литературу, которую можно назвать художественной. День ото дня я проникаюсь все большим уважением к нему. И бессознательно я начинаю подражать его жестам, походке, выражениям. Иногда на какие-то доли секунды мне даже кажется, что необъяснимым способом я раздвоился и что это я сам веду веселую беседу под холодным оком камеры в Секции Трапез.

И еще я много думаю о Мари и Поле. Как там они? Все еще сражаются с

Катру? Или лежат где-то на этом этаже, пройдя операции? А может, их конкуренты сдали экзамены первыми, и мои друзья давно вернулись в ту далекую полузабытую жизнь, где люди не живут вечно, но зато имеют так много возможностей? Я так корю себя за то, что не догадался спросить Катру об их успехах, когда он навещал меня после операции. Теперь ко мне больше никто не навещается. Только молчаливая равнодушная женщина, приносящая еду и иногда убирающая комнату. Изредка в мою постылую обитель wpłyвает Фольен. Он придирчиво изучает мое лицо, ощупывает его холодными уверенными пальцами и по своему обыкновению приговаривает: «Прелестно... Прелестно» Но вопреки моим настойчивым просьбам он каждый раз оставляет меня еще на «пару деньков». Ни на какие вопросы он не отвечает. Пара деньков тянется до его следующего визита, только для того чтобы смениться следующей парой. Я с нетерпением ожидаю тот день, когда смогу покинуть свою надоевшую келью и наконец-то попасть в этот счастливый мир. Я уже рвусь туда, мечтаю о нем.

В один из тоскливых дней, когда я, утонув в своем мягком, кресле и изнывая от скуки, в каком-то оцепенении вяло переключаю каналы телевизора, в дверь стучат. Стук резкий, уверенный, нетерпеливый, совсем не напоминающий мягкую фольеновскую манеру стучаться. Мое вялое оцепенение мгновенно сменяется неясной, но окрыляющей надеждой.

– Войдите! – радостно кричу я.

Дверь отворяется, на пороге – Тесье и незнакомая красивая женщина. Точнее, она мне откуда-то знакома. Вот только где же мы с ней встречались? В университете? В одной из редакций? Тем временем мои неожиданные посетители проходят в комнату.

– Вы ожидали увидеть кого-то другого? – лукаво интересуется гостья.

Ее голос и интонации воскрешают у меня в памяти разговор в кабинете Тесье. Боже, как давно это было! Прошло, наверное, не меньше полугода, что само по себе немало, но кажется, что с тех пор минуло не одно десятилетие.

– Мадемуазель Луассо? – неуверенно спрашиваю я.

– Луазо, – с очаровательной улыбкой поправляет она. – Можно просто Николь.

– Садитесь, – спохватываюсь я, – что же вы стоите?

– Благодарю, мы ненадолго, – величественно отвечает Тесье, но все же опускается на стул.

Изящная спутница следует его примеру. Тесье, как обычно, не теряет времени на долгие разглагольствования и с ходу приступает к делу.

– Пятый, мы рады сообщить вам о том, что ваш подготовительный период закончился. Скоро вам предстоит переход в ваш мир.

«Наконец-то!» – мысленно ликую я.

Но внешне остаюсь спокойным и сдержанным. Позволяю себе только вежливую полуулыбку и полный достоинства кивок – мол, хорошие новости, спасибо, ценю. Таков уж я, Пятый. Тесье смотрит на меня с одобрением.

– А вы времени зря не теряли, – говорит он. Еще кивок. Спасибо, цену себе я знаю. В разговор вступает Луазо:

– Пятый, мы пришли для того, чтобы еще раз напомнить вам о ваших обязанностях. Вы должны...

После этого следует уже несколько поднадоевшее мне повествование о том, что я должен быть Пятым везде и всегда, не выходить из образа ни на миг, не пытаться узнать то, что мне знать не положено, слушаться старших, то есть тех, кто будет вещать через мой имплантат, а также сообщать этим старшим о нездоровых тенденциях, буде таковые замечены мною.

– ...В основном корректировать ваше поведение буду я, – заканчивает она. – Думаю, что мы с вами сработаемся. На первых порах я, скорее всего, буду вмешиваться в вашу жизнь достаточно часто, но со временем мое вмешательство станет ненужным.

Я несколько снисходительно смотрю на нее. Я – Пятый. Что уж там корректировать...

– Все это, впрочем, вы уже слышали, – говорит Тесье, внимательно глядя на меня. – А теперь самое главное. Как вы догадываетесь, вы не можете просто отворить какую-то дверь и очутиться в вашем мире. Ваш переход должен быть тщательно скоординирован. Ни один обитатель мира Книги не должен знать о том, что один актер сменился другим. Для подобных переходов мы используем специальное помещение, так называемый тамбур. С этой стороны в него зайдете вы, с другой – нынешний Пятый. А выйдет каждый из вас, соответственно, в противоположную дверь. Таким образом, с точки зрения любого наблюдателя,

Пятый просто на какое-то время зайдет в комнату.

Нехорошее у меня воображение. Ну почему тамбур, о котором он так важно говорит, представляется мне в виде уборной? Хотя, это легко объяснимо, уборная – очевидный пример комнаты, в которую люди на некоторое время заходят и где никто их не тревожит. Еще месяц назад я бы, наверное, усмехнулся. Сейчас я молчу.

– Для того чтобы свести к минимуму любые возможные осложнения, замена будет произведена ночью, – продолжает Тесье. – А именно, этой ночью.

Мое сердце вдруг начинает стучать громче. Сегодня! Я догадывался об этом, когда они вошли, но все равно это известие поражает меня. Сквозь стук сердца прорывается голос Тесье:

– Около полуночи за вами придут. Ваши личные вещи останутся здесь, обратно вы их получите через три года. Отныне одежда, предметы личной гигиены, канцелярские принадлежности, короче, все, что может вам понадобится, будет предоставляться в рамках вашего нового мира. Любой предмет будет либо сделан в нем, либо дарован Господом. На три года вам придется забыть обо всем, что не может быть получено одним из этих способов. С сегодняшней ночи вы становитесь настоящим Пятым, и все аспекты вашей жизни начинают подчиняться законам вашего мира.

Он поднимается, вслед за ним встает Луазо, а потом, подчиняясь общему движению, встаю и я.

– Я буду видеть и слышать вас достаточно часто, – протягивая руку, говорит Тесье. – Но я очень надеюсь на то, что мне не придется встретиться с вами раньше чем через три года.

Я молча жму его твердую прохладную ладонь. Андре мог бы сказать что-то веселое на прощание. Но Пятому говорить нечего. Он просто возвращается к себе домой. Впрочем...

– Позвольте два вопроса, – говорю я.

Тесье кивает и бросает на свою спутницу быстрый взгляд, всем своим видом выражая что-то вроде «ну что я тебе говорил?» Игнорируя эту пантомиму, я спрашиваю:

– Не могли бы вы сообщить мне, что происходит сейчас с моими бывшими соучениками? А именно, с Четвертым и Восьмой.

– А разве это имеет какое-либо значение для Пятого? – вкрадчиво интересуется он в ответ. – Перейдя в ваш мир, вы обнаружите в нем Четвертого и Восьмую, которые живут в нем долгие-долгие годы.

Я чувствую, как мое лицо вытягивается. Такого ответа я не ожидал.

– Леон, ответь ему, – вдруг настойчиво говорит Луазо. – А то я сама скажу.

– Вот и скажи, – неожиданно усмехается Тесье. Луазо поворачивается ко мне. В ее глазах светится сочувствие.

– К сожалению, Пятый, нам нечем вас порадовать. Доктор Тесье просто пытался избавить вас от печальной правды. Поль и Мари не сумели пройти экзамен раньше своих конкурентов, и их контракты были аннулированы.

Мое радостное возбуждение мгновенно улечивается. Аннулированы... это значит, что я не увижу Мари целых три года. Три года! Только теперь я понимаю, какой это долгий срок.

– Каков был ваш второй вопрос? – помолчав, спрашивает Тесье.

Я спрашиваю скорее по инерции, абсолютно не ощущая щекощущего любопытства, которое владело мной минуту назад:

– Кем были в мире Книги вы?

На какое-то мгновение мне кажется, что он удивлен. Затем обычное спокойное выражение возвращается на его лицо.

– Опять Луи проболтался, – досадливо бросает он, недовольно кривя губы. – Скажите, а почему вас это интересует?

Я пожимаю плечами.

– Просто интересно. Если мне это не положено знать, то не отвечайте.

– Нет, отчего же, – как-то задумчиво говорит он. – Как раз в этом никакой тайны нет. Я был Двенадцатым. А теперь позвольте нам откланяться.

– До встречи в эфире, – прощается со мной Луазо, и парочка удаляется, оставляя меня в смешанных чувствах.

Как только за ними плавно закрывается белая гладкая дверь, я с размаху бросаюсь на кровать. Настроение безнадежно испорчено. Сам не зная почему, я тешил себя надеждой о том, что следующие три года мне предстоит провести вместе с Мари. И вот теперь она там, а я тут. Между нами неодолимой преградой встали стены института. Конечно, за три года она забудет меня. С ее-то внешностью и характером. И ждать она меня не будет. С чего ей ждать? Между

нами ведь ничего не было. Так, намек на близость, какая-то взаимная привязанность, ни к чему не обязывающие фразы вроде «ты мне нравишься». Когда я выйду отсюда, я даже не буду знать, где ее искать. Ну положим, информацию о ней я смогу получить в институте. Но только для того, чтобы найти Мари замужней и с ребенком! Как все-таки нехорошо получилось. А может... Я рывком сажусь на кровати. Может, мне разрешат выйти? Хотя на час. Или хотя бы позвонить? Но тут я вспоминаю слова Тесье: «С сегодняшней ночи вы становитесь настоящим Пятым». Если я их сейчас попрошу о подобном одолжении, то, скорее всего, поставлю под угрозу свой контракт. Следуя своему почти маниакальному желанию свести риск к минимуму, они могут решить, что им выгоднее потратить еще пару месяцев на подготовку моего конкурента, чем рисковать, делая ставку на человека, который всей душой тянется наружу. Кроме того, документ, под которым я давным-давно поставил свою подпись, черным по белому запрещал какие-либо контакты с внешним миром. Не-ет, с ними этот фокус не пройдет. Надо выбирать – или фантастические деньги, которые мне сулит контракт, или неясное, отнюдь не однозначное будущее с Мари. Я ведь даже не знаю, что она чувствует по отношению ко мне. Точнее, чувствует ли она вообще что-нибудь. Как там она говорила: «Это место не располагает к любви». Если бы ее ко мне по-настоящему тянуло, то это место было бы для нее ничем не хуже любого другого. Видимо, это был просто красивый повод избежать неприятного для меня отказа. Я знаю, некоторые девушки будут скорее водить парня за нос годами, чем напрямую скажут: «Я не люблю и не полюблю тебя». И не потому что они такие жестокие, просто не хотят расстраивать, не хотят огорчать. И, вспоминая наше прощание, я постепенно успокаиваюсь. Нет, не стоит оно того. Если бы я знал, что она меня любит, то сейчас же попробовал бы с ней связаться, наплевав на возможный разрыв контракта. А так... лучше уж синица в руках, чем журавль в небе. К тому же то, что я держу в руках, напоминает скорее не синицу, а упитанного страуса.

Постепенно мысли переходят обратно на то, что мне предстоит через несколько часов. Прощай, опостылевшая комната, прощай, одиночество. Завтрашнее утро я встречу среди хороших, добрых, милых людей, ставших такими знакомыми за последний месяц. Там будут Четвертый и Восьмая, которые напомнят мне моих друзей, там будет Эмиль под маской Десятого, там будут

новые знакомые. Только Пятого там не будет. Нет, конечно же, он будет там. Ведь Пятый – это я. Кстати, зачем я задавал Тесье это дурацкий вопрос? Действительно, какая мне разница, кем он был? Двенадцатым так Двенадцатым. Вот если бы он был Пятым... хотя и это ничего не меняло бы. Напевая под нос какой-то бравурный марш, я начинаю складывать вещи.

Ровно в двенадцать, когда я, нетерпеливо поглядывая на часы, безуспешно пытаюсь сосредоточиться на просмотре фотоальбома, в проеме двери вырастает еще один старый знакомый.

– Вы готовы? – спрашивает он вместо приветствия.

– Конечно, готов, милейший Люсьен, – бодро отвечаю я.

– Тогда следуйте за мной, – бесстрастно говорит он и уходит.

И тут я понимаю, что для него я – просто Пятый. Всего лишь одни из нескольких Пятых, которых он повидал, работая здесь. Скорее всего, он даже не знает, что я когда-то был Андре. Эта простая мысль чем-то поражает. Кто-то не знает, что я – Андре. Кто-то считает меня Пятым. А ведь это только начало! Мне еще предстоит встретиться с человеком, который будет искренне полагать, что я бессмертен. Прислушиваясь к этому новому ощущению, я бросаю последний взгляд на свое временное пристанище и налегке шагаю за порог вслед за Люсьеном.

Коридоры, переходы, лифты, вверх, вниз, налево, направо, опять направо, гулкий железный настил под ногами, снова длинный переход, еще один лифт... Пока мы приближаемся к святым святым, у меня постепенно начинает оформляться смутное намерение. Я мысленно прокручиваю перед собой сцену, которая произойдет через минуту. С одной стороны в тамбур войдет Пятый. С другой войду я. Затем мы оба пересечем комнату и исчезнем каждый в своем мире. Возможно, мы даже поздороваемся или кивнем друг другу. Мы будем там наедине. Неужели, если я спрошу его, кто же является Зрителем, он мне не ответит? Он ведь не должен произносить ни слова, достаточно просто растопырить пальцы. Так как он начинал в то время, когда всем было известно, кто такой подопытный, то в его контракт не могло входить условие сохранения этой тайны. Может быть, он даже не предполагает, что это имя неизвестно мне. В таком случае я могу поставить вопрос таким образом, чтобы он и не догадался о

том, что выдает секрет. Например, я могу спросить его: «А как поживает наш настоящий бессмертный? Все еще не поменял свой номер?» А он удивится: «А зачем Семнадцатому менять свой номер?» Или что-нибудь в этом роде. Минуту спустя я уже твердо намерен задать Пятому наводящий вопрос.

– Мы пришли, – сухо сообщает Люсьен.

Я озираюсь вокруг. Мы стоим посреди пустого коридора. В обе стороны уходят голые белые стены. Перед нами в стене за стеклом, окаймленным металлической рамкой, находится небольшой красный квадратик, больше всего напоминающий кнопку пожарной сигнализации

– Не задерживайтесь в этом помещении, – говорит Люсьен, отводя стеклянную крышку вверх и обнажая гладкую выпуклость квадрата.

Я как зачарованный слежу за его рукой.

– Как только за вами закроется дверь, выходите в противоположную сторону. Оттуда вас проведут к себе, – наставительно произносит он и легко прикасается к кнопке.

Невидимая дверь бесшумно скользит вбок. В стене отрывается широкий светлый проход. И тут мне становится не по себе. Вся подготовка закончена. Лишь один, последний шаг отделяет меня от нового мира. И я не уверен в том, что хочу его делать. Настойчивое желание попасть туда, столь навязчиво владевшее мной последние дни, представляется вдруг жалким и смешным. Что ждет меня там, среди чужих, вечно притворяющихся людей? Зачем я так стремлюсь в этот театр гротеска, где все люди – актеры? Но эта минутная слабость мгновенно проходит, как только я вспоминаю о первоначальной причине своего нахождения в этом здании. Деньги. Огромные, невероятные деньги, которые мне заплатят через три года. А красивые слова и милые лица тут ни при чем. И, отбрасывая все сомнения, я делаю этот шаг, даже не взглянув на своего равнодушного провожатого.

Краем глаза я замечаю ненормальную толщину стены, существенно превосходящую толщину стен неприступного банковского сейфа. «У них что там, полигон?» – мелькает в голове нелепая мысль. Мгновение спустя она сменяется любопытством: ведь я нахожусь теперь в комнате, принадлежащей моему новому миру. Назначение ее с точки зрения бессмертных представляется мне весьма туманным. Вся обстановка состоит из квадратного стола, стула на тонких

блестящих ножах и небольшой тумбочки в углу. Странные бледно-зеленые разводы покрывают стены и потолок. Я с нетерпением смотрю на дверь перед собой. Сейчас она отворится, и войдет Пятый. И я с ним přátельски поздороваюсь, а затем спрошу. Я уже успел придумать тонкий, изящный вопрос, который заставит его назвать имя Зрителя, даже не догадавшись об этом. Ну давай же, тезка, заходи. Не томи.

Сзади раздается тихий хлопок. Вздрогнув всем телом, я резко оборачиваюсь и в изумлении смотрю туда, где еще секунду назад белел проем. Сейчас вместо него стоит зеленоватая стена. Стоит, как будто всегда была здесь. Все еще не понимая, что произошло, я перевожу взгляд обратно на дверь. И вспоминаю слова Люсьена: «Как только за вами закроется дверь, выходите в противоположную сторону». «А где же Пятый?» – думаю я. И тут же понимаю. Мой предшественник вовсе не должен был встречаться со мной. Он спокойно вышел из этой комнаты в белый безмолвный коридор за минуту до того, как туда привели меня. Вышел для того, чтобы никогда не возвращаться обратно, потому что теперь его место занял я.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава восьмая

– Пятый... Пя-а-а-атый... Пора вставать. Утро пришло, – звенел в голове ласковый голос.

Я открыл глаза и непонимающе осмотрелся по сторонам. Кто меня звал? И где я? Мягкая подушка удобно подпирала затуманенную голову. Я откинул скомканное одеяло и, сладко потягиваясь, сел, свесив ноги на пол. Обстановка не вызывала абсолютно никаких воспоминаний. Небольшая комната в голубых тонах, узкая кровать, письменный стол, этажерка с книгами. Как я сюда попал? Ведь вчера утром я просыпался совсем в другом месте.

– Пора вставать, – настойчиво повторил тот же голос.

«Да это же Луазо, – сообразил я. – А комната, в которой я нахожусь, – это мое новое жилище». Мне, наконец, вспомнилось вчерашнее ночное путешествие с

Люсьеном, переход в новый мир и последовавший за ним поход в свои апартаменты под бдительным надзором и руководством Луазо. Проходя пустыми сумрачными залами, я не встретил ни одного человека. Царивший вокруг полумрак нагнал на меня сон, и едва зайдя в комнату, я скинул с себя всю одежду и как убитый повалился на кровать. А теперь, очевидно, моя наставница посмотрела на экран и решила, что мне пора вставать. В следующий момент я юркнул под одеяло, чувствуя себя по меньшей мере неловко. Так все это время, пока я голышом потягивался на кровати, она меня видела?! До меня только сейчас стал доходить ужас такого положения. Неужели целых три года кто-то будет следить за каждым моим действием? Об этом ничего не было сказано в контракте. Я косился на одежду, брошенную в противоположном углу комнаты, и, понимая, насколько смешно сейчас выгляжу, проклинал про себя свою недогадливость и беспардонность моих наблюдателей.

– Ну сколько можно спать? – недовольно спросила Луазо. – Если ты уже встал, подойди к микрофону и сообщи мне об этом.

Я почувствовал облегчение. Она не видела меня! Но к одежде я все-таки прошествовал, завернувшись в одеяло, словно римский патриций. Затем огляделся, пытаюсь припомнить, где должен находиться микрофон.

– Хватит спать, – устало повторяла Луазо. – Новый Пятый – страшный соня, – сообщила она кому-то.

«Ну что ты прицепилась?» – думал я, заглядывая в ящики и обшаривая книжную полку. Микрофон обнаружился в виде небольшого черного отверстия в поверхности стола. Увидев его, я вспомнил, что мне нужен не сам микрофон, а кнопка, которая его активирует, и после очередного раунда поисков и напряженных воспоминаний наконец-то нашел ее под столом. Сев на простой стул, оказавшийся неожиданно удобным, я нажал кнопку и сурово сказал:

– Пятый слушает.

– Наконец-то, – довольно отозвалась она. – Тебя просто невозможно растормошить. С добрым утром, соня.

Я решил умолчать о своих длительных поисках и ответил:

– С добрым утром.

– Выспался? – весело поинтересовалась она.

– Не особо, – сознался я.

Было очень непривычно говорить в воздух и слышать ответы собеседницы прямо в голове.

– Ничего, еще отоспишься. Но для этого придется ложиться раньше. Твой предшественник в это время уже всегда был на ногах, и мы не можем позволить Пятому менять свои привычки так внезапно. Постарайся быть в Секции Трапез поскорее. Если у тебя есть вопросы, ты можешь их задавать в любой момент – тебе обязательно кто-нибудь ответит.

Слушая ее веселое щебетание, я постепенно пришел в более умиротворенное настроение.

– Мадемуазель Луазо, – начал было я, но она прервала меня:

– Николь, просто Николь.

– Николь, – согласился я, – у моего предшественника были еще какие-либо привычки, о которых мне надо знать?

Она рассмеялась.

– По-моему, всего лишь день назад ты был уверен, что о нем тебе известно все. Если ты хорошо следил за ним, то даже его ранние подъемы не должны быть для тебя сюрпризом.

Я пожалел о своем несколько опрометчивом вопросе и с обидой сказал:

– А это и не было сюрпризом. Но мне известно только то, что я видел по телевизору. У вас ведь нет камер в этой комнате...

Последнюю фразу я произнес полувопросительным топом.

– Не волнуйся, – понимающе ответила она, – твоя квартирка состоит из нескольких помещений. Камера есть только в наружной комнате, куда могут зайти гости. Никому из них не придет в голову пройти в твою спальню. Ты же знаешь – это будет верхом неприличия в вашем мире. Так что в спальнях нам нечего регулировать, и камер в них мы не ставим. Это, впрочем, не означает, что ты должен выходить в этой комнате из своего образа. А что касается твоего первоначального вопроса, то никаких особых привычек у твоего предшественника не было. Будь таким Пятым, каким как ты его себе представляешь.

«Опять заладила – „Не выходи из образа“, „Не выходи из образа“», – беззлобно подумал я и сказал:

– Спасибо. Ну, я пошел.

И вспомнив ее прощальные слова, добавил: – До встречи в эфире.

– Будь умницей, – ласково сказала Луазо, и в моей голове воцарилось молчание.

Наскоро сделав зарядку, я умылся и взглянул в зеркало. Пятый отвечал мне любопытствующим взглядом. Всматриваясь в его лицо, я вспомнил свою недавнюю непоколебимую уверенность в том, что я и он – это одна личность. События последней ночи несколько выбили меня из колеи, но сейчас желание влиться в виде Пятого в его мир охватило меня с прежней силой.

Я пригладил волосы и, насвистывая что-то веселое, бодро направился к двери. Лишь у порога я оборвал свой неуместный свист. Пятому, как, впрочем, и всему его миру, эта мелодия была незнакома.

И вот этот долгожданный момент, который я так часто представлял себе, настал. Я шел по комнатам, переходам, залам. Меня узнавали, здоровались, как будто расстались только вчера. Я вглядывался в лица этих людей, ставших мне такими знакомыми по фотографиям и телевизору. Вот Шинав, Седьмой, Адад. Поодаль, заложив руки за спину, прогуливался Адам, а неподалеку от него на роскошном диване возлегал Первый и задумчиво созерцал высокий потолок. А вот и мои родители – Третий и Вторая. Тихо переговариваясь, они шли мне навстречу. Насколько я помнил, их отношения с детьми практически не отличались от отношений с другими людьми. Может быть, чуть больше теплоты и заинтересованности, но не более того. Впрочем, происходило это не оттого, что они были равнодушны к потомству, а скорее потому, что в этом мире все и всегда были очень приветливы и милы друг с другом. Поравнявшись со мной, Третий с доброй улыбкой кивнул. Вторая легко коснулась моей руки и мимоходом сказала, обнаружив прелестный голос:

– Пятый, мы тебя уже два дня не видели. Опять наступила полоса творческого уединения?

– Да, мама, – без промедления ответил я. А про себя подумал: «Надо было сказать „нет“. Теперь придется что-то писать».

– Когда закончишь, почитаешь нам, – вступил в разговор Третий. – Ты же знаешь, как нам нравятся твои книги.

– Конечно, папа, – улыбнувшись, сказал я в ответ.

Одарив меня ответными улыбками, родители проплыли дальше. Я остановился и посмотрел им вслед. Все-таки сложно серьезно говорить «мама» и «папа» людям одного с тобой возраста.

– Не задерживайся, – шепнул голос Луазо. – Ты же не впервые видишь своих родителей.

Мысленно обозвав себя идиотом, я двинулся в Секцию Трапез, сохраняя на своем лице абстрактную доброжелательность.

В Секции Трапез завтракала развеселая компания в виде Седьмого, Двенадцатого, Шестой и Каина. Меня встретили приветственными возгласами и сообщениями о том, насколько хороша сегодня еда. Стараясь отвечать им в тон, я включился в беседу и уже через пять минут по-приятельски болтал с ними, попутно успевая отдавать должное завтраку. Естественность давалась нелегко: мне постоянно казалось, что сейчас я ляпну что-нибудь не то. Конечно, позади были экзамены и длительная подготовка, но то, что происходило сейчас, не шло ни в какое сравнение с многодневной имитацией. Наблюдая за тем, как беззаботно они общались со мной, я не мог не задать себе очевидного вопроса: сообщили ли им и остальным актерам о том, что Пятый сменился? Это было бы логично, ведь тогда они могли бы сглаживать мои возможные промахи и оговорки. Впрочем, как показывал предыдущий опыт, моя логика существенно отличалась от логики Тесье и его сподвижников. Размышляя над этим, я закончил завтрак и вместе с общительными сотрапезниками пошел в Секцию Встреч.

Потом были милые и вместе с тем глубокомысленные разговоры о литературе, во время которых собеседники не переставали восторженно цитировать мои книги. Как ни странно, но, несмотря на то что я не написал ни строчки из этих книг, мне было приятно слушать эти похвалы. И опять меня кольнула эта мысль – а знают ли они о подмене? Не случайны ли эти комментарии? Но все были настолько естественны, что через некоторое время я вообще с трудом помнил о том, что эти люди – актеры. Разговоры сменились шахматной партией, которую я быстро проиграл Двенадцатому. Мой румяный приветливый противник, действительно чем-то неуловимо напоминавший Тесье, мгновенно расстраивал все мои планы своими ловкими быстрыми ходами. К

счастью, Пятый никогда не славился искусной игрой, иначе в мою программу обучения, наверное, включили бы это древнее искусство.

После партии последовал ароматный, вкусный обед, не уступающий тем, что подавали в моем любимом «Фламберже». Кухня Господа работала на славу – пища так и таяла во рту. За обедом разгорелся спор о способах получения различных оттенков красок путем смешивания основных цветов. Размахивая блестящей ложкой, Седьмой доказывал, что зеленый цвет получается путем соединения синего и желтого. Мне же почему-то казалось – в результате получится сиреневый. Мы настолько увлеклись беседой, что после еды направились в Розовую Секцию Искусств, для того чтобы положить конец нашему спору экспериментальным путем. Седьмой был невероятно доволен, когда, смешав свои две краски, получил изумительный салатный оттенок.

Время текло незаметно. Все вокруг были невероятно добрые, отзывчивые, веселые, предупредительные. Вначале я постоянно чувствовал какое-то внутреннее напряжение. Мучительно продумывая каждую фразу, я следил за тем, чтобы не употребить непонятную аналогию, не упомянуть внешний мир, и, наконец, за тем, чтобы не нарушить главный и величайший запрет. Но постепенно обстановка сделала свое. Я расслабился. Чуткая, едва ли не звериная настороженность, владевшая мною во время экзаменов Катру, покинула меня. Не было больше ловушек, хитростей, опасных двусмысленных фраз. А были только милые, приятные люди, с которыми нравилось общаться и среди которых не надо было постоянно ожидать подвоха. И потихоньку подозрительность отошла на второй план, а затем и вовсе растаяла.

Вечером, засыпая, я думал о том, что превосходно справляюсь со своей ролью. За весь день Николь поправила меня только три или четыре раза, и все по мелочам. Я не допустил никаких серьезных нарушений и ни на секунду не вышел из образа. Я был Пятым – приятным собеседником и одаренным писателем, мудрым и бессмертным. Я впитал его образ, проникся им, стал им. Где-то далеко на заднем плане существовало мое старое «я», оглядывалось, удивлялось, пыталось анализировать. Но теперь оно уже не высывалось при каждой возможности и довольствовалось скромной ролью тихого и безмолвного наблюдателя. Действительность, окружавшая меня, была моим миром, а я – его вечным обитателем. И действительность эта превзошла все мои ожидания. Не зря

по соседству проживали Адам и Ева. Я находился в месте, которое с полным правом можно было назвать земным раем. Эта была какая-то Аркадия. Уже уплывая в сладкий сон, я с некоторым недоумением вспомнил о своем недавнем любопытстве. Теперь мне было абсолютно безразлично, кто из моих приветливых соседей является Зрителем. И впервые за последние полгода я заснул в полном душевном спокойствии.

На следующий день я столкнулся с Эмилем. Мне хотелось встретиться с ним буквально с первой минуты, но я не знал, где он живет, а расспрашивать об этом других, разумеется, было невозможно. Пока я ломал голову над тем, как бы его найти, а также ругал себя за то, что не догадался узнать его «адрес», имея доступ к камерам, он собственной персоной возник передо мной. Я шел в Секцию Встреч и едва не налетел на него, повернув за угол.

– А, Пятый, как поживаешь? – приветливо бросил он в ответ на мои извинения.

Только тут я понял, с кем говорю. Невнятно пробормотав что-то изрядно глупое, я хотел было протянуть ему руку, но сдержался. Наш мир не знал древнего ритуала рукопожатия. Эмиль, скрытый под маской Десятого, стоял и приветливо смотрел на меня своими прищуренными серыми глазами, как бы говоря: «Я тоже по тебе соскучился, но мы должны играть свои роли». Я наконец пришел в себя и сделал то, что надо было сделать с самого начала – приветственно поднял открытую ладонь и сказал:

– Неплохо. Ну, как твои дела?

– Недурно, недурно... – полупропел он. И тут же сообщил: – Извини, я сейчас спешу, так что давай поговорим в другой раз.

Видимо, на моем лице отразилось разочарование, потому что он встревоженно спросил:

– Или у тебя что-то срочное? Тогда я все отменю. Я пожал плечами.

– Как тебе удобнее...

– Вот и хорошо, – ответил он и, дружески улыбнувшись, двинулся мимо. Затем обернулся и малопонятно добавил: – Адаму понравилось.

Пока я пытался осмысливать эту информацию, которую он, видимо, считал ценной для меня, Эмиль скрылся за поворотом. Я немного потоптался на месте,

но, вспомнив оплошность, допущенную в первый день, быстро продолжил свой путь. Честно говоря, я не ожидал, что наша встреча будет такой короткой и, главное, безразличной. Мне рисовались картины задушевной беседы, полной радостных восклицаний вроде «а помнишь?». А вместо такой встречи старых друзей мне досталось равнодушное «прости, спешу». Разумеется, он не мог вести подобную беседу в коридоре, на глазах у наблюдателей, но ему никто не мешал договориться о встрече или хотя бы поговорить дольше, чем полминуты. В общем, в Секцию Встреч я пришел изрядно обиженным. К счастью, я был уже достаточно натренирован для того, чтобы не демонстрировать всему миру свои чувства, а взирать на всех доброжелательно и благосклонно. Но на душе скребли кошки. Опустившись в свое любимое кресло, то самое, которое мне заранее было предписано полюбить, я попытался сосредоточиться на книге.

Однако чтение давалось с трудом. Негодные кошки не унимались. Из-за их непрекращающейся активности разговор с Эмилом не забывался и раз за разом прокручивался в памяти. Что-то, кроме обиды, не давало мне покоя. Какая-то мысль промелькнула во время нашей беседы и бесследно ушла, поселив гложущее чувство беспокойства. Бывает так, что незначительная фраза или деталь вызывает в памяти какие-то смутные ассоциации, и после этого ходишь часами и пытаешься вспомнить: где же я это видел? От кого же я это слышал?

Информация эта сама по себе абсолютно неважна, и, вспомнив ее, тотчас же перестаешь думать и о ней, и о самом вопросе. Но тем не менее мозг настойчиво продолжает искать ответ, пока не находит его. Именно в таком состоянии я находился сейчас.

Осознав, что уже несколько минут безуспешно пытаюсь прочесть одну и ту же фразу, я отложил книгу и стал рассматривать окружающих. Ничего предосудительного в этом занятии не было, а думать было так значительно легче. На глаза мне попался Седьмой. Он с восторгом излагал что-то Ададу, поминутно тыкая в оранжевую картину у себя за спиной. Картина, как и большинство его творений, была совершенно абстрактной и не ассоциировалась у меня абсолютно ни с чем.

Наблюдая за его восторженным монологом, я вспомнил о том, как день назад он так же убежденно спорил со мной о красках. Я тогда еще подумал, известно ли ему, что я – другой Пятый. В тот же момент наваждение исчезло.

Ответ был найден и, звонко щелкнув, встал на свое место. Ну конечно! Ведь если они все не знали о том, что я сменил предыдущего Пятого, Эмиль тоже не имел об этом ни малейшего понятия. С какой стати он должен был бросаться мне на шею? Да он вообще продолжал со мной разговор, начатый еще с моим предшественником. Не знаю, что там понравилось Адаму, но мой тезка был бы, несомненно, рад этому сообщению. Довольный, я откинулся в кресле и вернулся к злополучной фразе, которая теперь оказалась ясной и понятной. У меня, наверное, был такой радостный вид, что, если Тесье наблюдал за мной в этот момент, он, пожалуй, был весьма озадачен.

Прошло несколько недель. Сначала я подобно Робинзону Крузо пытался считать дни, затем махнул рукой на это неблагодарное занятие. Зачем бессмертному календарь? Дни, недели, месяцы – все они равны перед вечностью. Жизнь прочно вошла в новую колею. Я лично перезнакомился со всеми обитателями своего мира и научился вставать ранним утром подобно моему предшественнику. После непродолжительной зарядки я отправлялся в Секцию Трапез, где совмещал прекрасный завтрак с легкой дружеской беседой. Скользя взглядом по голубым разводам, уползающим вверх по высоким стенам, я искренне наслаждался едой и общением. Я слушал смех Евы, восхищался четкими суждениями Адада, ввязывался в шутливые пререкания с Седьмым. И все это время не переставал думать о том, как здорово, что мое унылое одиночное заключение сменилось этим чудесным обществом. Затем шли игры, разговоры, споры (которые, впрочем, никогда не становились слишком жаркими), обильные трапезы, пожелания доброй ночи, и на следующее утро все начиналось заново. Иногда в моей голове раздавался звонкий голосок Николь, да и то лишь для того, чтобы подсказать дорогу или похвалить за благоразумие.

Никогда в своей взрослой жизни я не вел столь расслабленного и безмятежного существования, не отягощенного никакими обязанностями и полного убаюкивающего безделья. Я даже стал подумывать о том, чтобы пойти по стопам предыдущего Пятого и заняться творчеством, хотя и не имел ни малейшего представления, о чем писать. Лишь несколько раз моя безмятежность была серьезно омрачена воспоминаниями о Мари. В эти минуты она вставала передо мной такой, как во время нашей последней встречи. Вспоминая ее нежное

лицо, обрамленное мягкими каштановыми волосами, я спрашивал себя, не совершил ли я самую серьезную ошибку в своей жизни. И каждый раз, поразмыслив, твердо отвечал: нет, не совершил. Но, несмотря на эту решимость, Мари вновь и вновь приковывала к себе мои мысли. Я как мог боролся с этим и не давал себе долго думать о ней. Она была там, по другую сторону моего мира, и полуметровая бетонная стена являлась отнюдь не самой непреодолимой из разделявших нас преград.

И еще один человек притягивал мое внимание. Восьмая. Я нашел ее портрет в своем «альбоме» еще в предоперационный день и тогда же смог вздохнуть с облегчением. Ее сходство с Мари было весьма отдаленным. Личное знакомство лишь укрепило меня в этом мнении. Не будь этого спасительного различия, мое существование обещало бы превратиться в сущую пытку. Но они походили друг на друга не больше, чем я на Андре. Мы встречались достаточно редко, и каждый раз я с радостью отмечал, что общение с ней не затрагивает в моей душе никаких струн. Наши разговоры были ровными и спокойными. Бессмертный Пятый привычно и уверенно общался с бессмертной Восьмой. Все было хорошо до тех пор, пока одним вечером, вспоминая прошедший день, я не ощутил тревожное чувство. Неуловимая, не поддававшаяся четкому определению деталь не давала покоя. Я еще раз попытался восстановить в памяти весь день, встречу за встречей, разговор за разговором, пытаюсь нащупать, достать эту мысленную занозу. И вдруг мне представилась Восьмая. Да, она не была точной копией Мари. Ее жесты были иными, ее походка была не такой быстрой, ее улыбка была не так мила. Но было в ней что-то необъяснимое, заставлявшее мое сердце тоскливо сжиматься, когда я вспоминал ее. На следующий день, рискуя получить серьезный выговор от Николь, я в продолжение всего обеда вглядывался в лицо Восьмой, сидевшей наискосок от меня. Я пытался уловить это загадочное нечто, понять его и уничтожить свое смутное беспокойство, пока оно не превратилось в наваждение. Но, кроме внешнего сходства, я не находил ничего. Эта была другая девушка, милая, веселая, обаятельная и похожая на Мари. Она была не хуже и не лучше, она была просто другой. Как я ни старался, мне не удавалось разобраться в своих чувствах.

В конце обеда Восьмая поймала мой нескромный взгляд и улыбнулась в ответ. Сделала она это не так, как сделала бы на ее месте Мари, и не так, как могла

бы улыбнуться незнакомая девушка в моем старом мире. Ее улыбка больше всего напоминала улыбку близкой родственницы, сестры. Это была улыбка человека, который знает меня очень давно, для которого я привычен и по-родственному близок. Эта улыбка была идеальной. И тут я со злостью подумал, что актриса хорошо вошла в роль. Даже слишком хорошо. Глядя вслед Восьмой, я наконец понял, какая деталь не давала мне покоя эти дни. Где-то там, далеко отсюда, ходила по шумным парижским улицам Мари. Смеялась, глядела в синее небо, находила друзей, которых не видела полгода. День за днем она уходила от меня все дальше и дальше. А я, не имея ни малейшей возможности встретиться с ней, был вынужден жить рядом с той, которая заняла ее место. Ведь именно эта милая девушка оказалась лучшей Восьмой. Именно из-за нее я должен был терять то хрупкое счастье, которое было так близко. Я сознавал, что моя злость несправедлива, что винить в нашей разлуке надо себя самого или даже Мари, но никак не ее конкурентку. И все равно я продолжал злиться на нее. Сейчас мне не хотелось быть справедливым. Ну кто ее заставлял быть лучше Мари? Какое право она имела на эту роль, на эту жизнь? Ведь не она, а Мари, моя Мари должна была провести эти годы со мной! Мысленно рыча и раздавая направо и налево любезные улыбки, я пошел к себе в комнату.

С этого дня мой покой был отчасти нарушен. Мне по-прежнему нравилась жизнь в этом странном мире. Беседы не тяготили, лица не надоедали, стены не давили. Я продолжал оставаться Пятым и вел себя подобающим образом. Но порой воображение уносило меня далеко – туда, куда Пятому не положено было забираться даже в мыслях. Я тосковал по Мари.

В один из этих дней я в очередной раз повстречал Десятого. Он шел, неся на своем лице то не свойственное Эмилю беспечное выражение, которое поначалу так удивляло меня в дни послеоперационного заключения. Мы обменялись приветствиями, поинтересовались планами собеседника и неожиданно обнаружили, что оба никуда не спешим. Тогда мы весело посмотрели друг на друга и стали медленно прогуливаться, беседуя о последних новостях. В основном рассказывал Эмиль, я же изредка вставлял свои замечания.

Седьмой нарисовал очередную картину. Полотно представляет собой правильный зеленый квадрат на белом фоне. Седьмой уверяет, что это – основа

нового направления в живописи, но даже такой сторонник авангардизма, как Первый, относится к этому творению весьма скептически. Ева, посмотрев на картину, заявила, что Седьмой превращается из художника в потребителя красок. Адад объявил, что через несколько дней он опять будет брать у всех анализ крови. На предмет профилактики насморка. Авель, недавно переквалифицировавшийся из скульптора во врача, будет ему помогать. Сегодня во время завтрака Четвертый посоветовал новоявленному доктору потренироваться сначала на собственных статуях. Авель ответил, что он бы рад, но, как известно, будучи скульптором, он работал в самобытном нетрадиционном направлении и ваял исключительно фигуры, погружившие руки в карманы. Присутствовавший при разговоре Третий заметил, что он в свою очередь рад тому, что его сын работает в традиционном направлении и поступки персонажей его книг не сводятся к исследованию содержимого своих карманов. Тут все заговорили о литературе и сошлись на том, что Пятый пишет отменно, но давно уже не радовал новинками своих читателей. Тогда Третий по секрету сообщил всем присутствующим о новой книге, над которой работает сейчас талантливый прозаик.

Слушая журчащую речь Эмиля, я думал о том, что он – самый близкий мне человек в этом замкнутом мире. Нас связывали не только проведенные вместе полгода. Да, «там» мы не были закадычными друзьями, но все же наше общение было достаточно тесным. Лекции Катру, веселые разговоры в кафетерии, бесчисленные попытки сдать экзамен – все это теперь сплеталось вместе, порождая то теплое чувство, которое испытываешь к старому другу. Ну а кроме того, он знал Мари. И хотя я не мог говорить с ним о ней, уже одно сознание того, что они знакомы, делало его ближе всех остальных людей, с которыми я мог общаться. «Хорошо бы, – думал я, – пойти вместе ко мне, забыть обо всем и всласть поболтать о былых временах. И о ней». В этот момент Эмиль упомянул мою книгу. И тут хитрый бес ткнул меня острым локотком куда-то в область печени. Это был превосходный предлог. Замирая от собственной мысли, я быстро стрельнул глазами по сторонам. Мы находились недалеко от моего жилища. Поблизости никого не было. И я решился.

– А хочешь, я тебе почитаю свои наброски? – спросил я, стараясь не менять тона.

Он посмотрел на меня вполоборота. Мне показалось, что на его лице мелькнула понимающая полуулыбка.

– А ты уверен, что это удобно? – спросил он.

– Конечно, – ответил я, поддерживая игру.

– Ну пошли, – сказал Эмиль.

Через минуту мы были у меня. Опустившись в мягкие кресла, мы некоторое время по инерции продолжали обсуждать новости. Затем я решил брать быка за рога и предложил, указывая на дверь в спальню: – Может, пройдем туда? Там и почитаем.

На лице Эмиля возникло какое-то то ли, виноватое, то ли удивленное выражение. Он посмотрел на меня, затем на дверь, потом опять на меня.

– Но ведь туда нельзя, – ответил он наконец.

Я поджал губы. Разумеется, поход в чужую спальню являлся серьезным нарушением приличий, но ведь это был единственный способ поговорить, не опасаясь свидетелей. «А может, он не знает о том, что там нет камер?» – неожиданно подумал я и сказал, делая ударение на последние слова:

– Там читать гораздо удобнее, поверь мне.

– Но ведь туда нельзя, – повторил он, глядя на меня с этим неопределенным выражением.

– Ты не понимаешь, – сделал я последнюю попытку. – Там разговор будет иным.

Он как-то растерянно поморгал. И как заведенный повторил:

– Но туда ведь нельзя.

Я не стал спорить. Он был абсолютно прав. И все-таки я так надеялся на то, что он пойдет. Мой план рушился на глазах, и тем менее из какого-то непонятого упрямства я тщился поговорить не с Десятым, а с Эмилем. Я уже понял, что никакой откровенной беседы у нас не получится, но все равно пытался вытянуть из него хоть одно слово, напоминающее о прежней жизни. Эта была странная, нелепая атрофия воли, действие во имя действия. Я шел на поводу у своего абсолютно неоправданного желания, отлично сознавая, что подвергаю себя никчемному риску. Пока эти мысли проносились в моей голове, возникла неловкая пауза.

– А о чем твоя новая книга? – спросил Эмиль, нарушая ее.

И лукавый бес опять тихо толкнул меня в бок. Чувствуя, что совершаю невероятную глупость, я наклонился к Эмилю и тихо сказал:

– О Париже.

Он удивленно взглянул на меня и недоуменно повторил:

– О Париже?

Я кивнул, довольный своей выдумкой. Разве писатель не имеет права выдумывать новые слова? Вот я и придумал отличное словечко. Теперь, дорогой Эмиль, пришла твоя очередь показать, что ты помнишь тот старый добрый мир. В конце концов, что это за упрямство? Давай, скажи хоть одно слово, и я отстану от тебя... Улыбка осталась на его лице как приклеенная.

– А что такое Париж? – медленно спросил.

И тут мне вдруг стало не по себе. На меня как будто дохнуло ледяным холодом посреди жаркого летнего дня. Не Эмиль сидел напротив меня. Нет, это Десятый, вечноживущий и спокойный, непонимающе смотрел мне в глаза. Странные слова произносил его давний знакомый Пятый, и вот он сидел и вглядывался и пытался попятить, что за блажь взбрела в голову его собеседнику. Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Затем я поднялся и сказал:

– Париж – это просто моя выдумка. Секция, которая не существует. Мне казалось, что я говорил тебе об этом раньше.

Он неловко улыбнулся.

– Нет, я никогда не слышал этого слова. Хотя оно мне нравится.

– Знаешь, мне, пожалуй, не стоит пока читать тебе эту книгу, – ответил я. – Ведь это еще черновик. И я даже не дошел еще до описания Парижа.

– Тебе виднее, – легко согласился он. И вдруг заторопился. – Пойду посмотрю, какая еда у нас сегодня на обед. Хочешь взглянуть?

– Нет, спасибо, – грустно ответил я, – у меня сегодня был поздний завтрак.

– Тогда до встречи, – весело сказал Эмиль и ушел. И я остался один. Вся безрассудная глупость моей нелепой попытки стала теперь очевидна. Если наш разговор был замечен, я рисковал остаться без единого сантима. И все ради чего? Ради того, чтобы заставить Эмиля совершить такую же глупость и на мгновение сдвинуть свою маску? Что за блажь взбрела мне в голову? Хорошо хоть, на нас никто не смотрел, иначе мои поползновения были бы пресечены в самом начале. Но ведь я просто рисковал всем, ради чего полгода отказывался от нормальной

жизни. Никогда еще я не был так зол на себя. Остаток дня я провел у себя в комнате, не рискуя показываться на свет в таком раздосадованном состоянии. Я боялся, что капля недовольства может просочиться даже сквозь мою закаленную психологическую броню.

Ночью мне привиделся возникший посреди комнаты Тесье. Держа руки по швам и неестественно качаясь из стороны в сторону, будто воздушный шарик на ветру, он грозно гудел:

– Пятый, проснитесь! Пятый, проснитесь!

– Отстань, зануда, – отмахнулся я от него, ощущая ту нелепую смелость, которая часто сопутствует нам в наших снах.

Но он не отставал, а лишь продолжал свое угрожающее бормотание. Затем он вдруг склонился ко мне, заслонил своим холеным лицом всю комнату и рявкнул:

– Да проснитесь же!

И я действительно проснулся. В моей сонной голове стоял невообразимый шум. Там кто-то громко и со вкусом ругался.

– Спит, мерзавец! – восклицал голос. – Он, видите ли, спит!

Дальше последовало смачное ругательство. Страдальчески морщась и протирая глаза, я пытался попятить, что происходит. Наконец, восстановив некоторую способность мыслить, я с удивлением узнал голос Тесье. Вальяжный, аристократичный психолог бушевал, словно грузчик. Тараща глаза в темноту и продолжая слушать этот концерт, я добрался до стола, на ощупь нажал кнопку микрофона и недовольно осведомился:

– В чем дело?

Концерт тут же прекратился.

– Здравствуйте, Пятый, – произнес Тесье после недолгой паузы. Теперь он был сама любезность. – Мы вас не сильно потревожили?

Я ничего не понимал, но не считал нужным скрывать свое недовольство.

– Несильно? Да вы мне своими криками обеспечили на завтра головную боль.

– Ой, простите, пожалуйста, – вкрадчиво сказал он. – Так вы спали?

– Конечно, спал, – хмуро ответил я. – Что еще я должен делать посреди ночи?

– Например, обдумывать очередную провокацию, – сказал он тем же елейным тоном.

– Какую еще провокацию? – начал было я и запнулся.

– Очередную, – вкрадчиво повторил Тесье.

Только теперь я понял, чем был вызван этот ночной подъем. Они знали о моем идиотском поступке! Я изо всех сил закусил губу. Доигрался, умник?! Как теперь быть? Понимая, что молчать нельзя, я медленно произнес, старательно подбирая слова:

– Нет, я действительно спал и ничего не обдумывал.

Мозг лихорадочно работал. Что именно им известно? В какой момент кто-то из них взглянул на экран? Запираться было бесполезно и даже опасно, но я боялся сказать что-нибудь, что могло дать им дополнительную информацию. Однако Тесье разом ответил на все вопросы:

– Мы тоже считаем, что настойчивого приглашения в спальню и игры со словом «Париж» более чем достаточно. Для того чтобы разорвать контракт, большего и не требуется.

Я похолодел. Неужели это все?

– Вы собираетесь разрывать мой контракт?

– Нет, что вы, – ответил Тесье, – мы собираемся вынести вам благодарность. Ведь вы могли натворить гораздо больше бед.

– Я... Я больше не буду, – робко сказал я, понимая, как неубедительно это звучит.

– Конечно, не будете, – ласково согласился Тесье. – Уж мы об этом позаботимся.

Мне стало ясно, что он говорит всерьез. Проклиная свое легкомыслие, я повторил:

– Но я действительно больше не буду. Это была глупость, глупая шутка, она больше никогда не повторится. Я очень жалею об этом.

– В вашей работе нет места глупым шуткам, – сказал Тесье уже другим тоном.

Всю его любезность как рукой сняло. Теперь его голос был полон холодной, еле сдерживаемой ярости.

– Вас наняли для того, чтобы вы были Пятым. И никем иным. Ни на миг,

нигде, ни с кем вы не имеете права быть Андре Рокруа.

В первый раз за все время нашего знакомства он произнес мое старое имя.

– Нарушая это условие, вы подвергаете риску весь эксперимент, многолетнюю работу сотен людей. Контракт четко оговаривает ваши обязанности, и тем не менее вы позволили себе эту возмутительную выходку. Понимая, что мы не следим постоянно за каждым человеком, вы не только вышли из своего образа, но еще и пытались спровоцировать па это другого актера. Хорошо еще, что Десятый оказался сознательней вас. Если бы не он, мы бы так и не узнали о вашей эскападе.

Я слушал, угрюмо глядя в темноту.

– Мы могли бы заменить вас прямо сейчас. Нам ничего не стоит позвать вашего бывшего конкурента или просто предыдущего Пятого. Но, принимая во внимание ваше раскаяние, мы вас прощаем. В первый и последний раз. Ваше вознаграждение уменьшается ровно на четверть. Если вы нарушите условия контракта еще раз, мы распрощаемся с вами навсегда.

В моей голове наступила тишина. Я обессиленно откинулся на спинку стула. Произошедшее было настолько нелепо, что у меня даже не было желания себя ругать. Четверть моих денег улетели на ветер из-за нескольких дурацких слов! Я встал и бесцельно прошелся по комнате. Четверть вознаграждения! Нет, каким сумасшедшим надо быть для того, чтобы выкинуть такую сумму! Повторяя про себя эти слова, я сел на кровать и прижался щекой к ее холодной спинке. И только тогда понял, что еще сказал мне Тесье.

Медленно, словно опасаясь, что фраза рассыплется при мысленном прикосновении, я повторил про себя: «Десятый оказался сознательней вас». И подумал: этого не может быть. «Если бы не он, мы бы так и не узнали о вашей эскападе». Нет, этого просто не может быть. «Если бы не он...» И тем не менее это так, Эмиль донес на меня. Настучал. Заложил. Накапал. Предал. Не снял передо мной маску только для того, чтобы снять ее у себя комнате. А может, я что-то не так понял? Хотя что тут понимать. А все-таки? Что, если эти расплывчатые слова обозначают совсем другое? Я встал и снова направился к столу. Гордиевы узлы надо разрубать не думая.

Некоторое время никто не откликался.

– Николь... Николь, – настойчиво продолжал твердить я в микрофон.

Наконец в голове послышался слабый шум.

– Пятый? – спросил полужнакомый мужской голос.

– Кто это? – вопросом на вопрос ответил я.

– Это Катру, – вежливо сказал он.

Я немного растерялся. Вот уж кого не ожидал услышать.

– Чем могу помочь? – спросил он тем временем.

– Я не уверен, что вы в курсе дела, – сказал я, прикидывая, можно ли с ним откровенничать.

Он усмехнулся.

– Я в курсе всех ваших дел.

– А где Николь?

– Мадемуазель Луазо не работает по двадцать четыре часа в сутки. Так же как и другие наблюдатели. По ночам их присутствие не так необходимо. А я иногда прихожу сюда вечерами. Порой тут бывает очень интересно. Например, сегодня.

Я понял, что он осведомлен о моем проступке. Скорее всего, он даже был свидетелем головомойки.

– Скажите, Эм... Десятый в самом деле донес на меня? – спросил я, решив называть вещи своими именами.

Катру помолчал. Слышно было, как он вздохнул. Потом сказал:

– Ну зачем же так – «донес». Не надо придавать его действиям личный характер. Десятый просто сообщил нам о потенциальной угрозе, нависшей над экспериментом.

– Сообщил все подробности? – уточнил я.

– Все, – лаконично ответил он. Больше говорить было не о чем.

– Спасибо. Спокойной ночи.

– Я надеюсь, вы не собираетесь делать глупости? – встревоженно спросил он.

– Нет, все глупости уже сделаны, – тихо ответил я и нажал кнопку.

– Спокойной ночи, Пятый, – сказал он, когда я уже брел обратно в кровать. Мне показалось, что в его голосе промелькнуло сочувствие.

Я чувствовал, как во мне начинает подниматься мутная волна ненависти. Мысли метались. Вот ведь подлец. Сидел, говорил, моргал своими глазенками.

Понимающе улыбался. А затем пошел и все подробно изложил кому надо. До последнего слова все пересказал, память у него хорошая. Отличился, ничего не скажешь. Далеко пойдешь, парень. С такими лояльными осведомителями им действительно не надо за всеми следить. Ну, сволочь, я тебе завтра устрою! Мы с тобой побеседуем... Тут я вдруг понял, до чего довело меня сообщение Тесье. Кому я собрался что-то завтра устраивать? Зачем? Чтобы меня выставили за дверь? Хватит, один раз я уже не сумел рассуждать трезво. Эмиль оказался подлецом, но это не значит, что из-за него надо все терять.

Сам не зная зачем, я помассировал виски. Нелепое движение, почерпнутое из кино. Все, что мне сейчас надо делать – это взять себя в руки, перестать искать приключений на свою голову и быть Пятым. Им, и только им. А что должен делать Пятый посреди ночи? Правильно, спать и видеть седьмой сон. А вовсе не скрежетать зубами от бешенства. Я принял горизонтальное положение и натянул мягкое одеяло. Вот так-то лучше. А теперь Пятый закроет глаза и заснет. Потому что нет у него никакой причины бодрствовать. И хотя за ним никто не следит, ему надо спать. А то потом он выходит из этой комнаты и творит неизвестно что, забыв, что за ним наблюдают. Почему творит? А потому что человек, который его играет – и-ди-от. Кретин. Но даже он может заснуть, для этого мозги не нужны. Хотя, как говаривал кто-то, «обстановка к этому не располагает». Где я слышал эту фразу? Не помню. Глаза слипаются. Вот странно – потерял кучу денег, друг оказался доносчиком, а все равно тянет в сон. Веки уже не поднять. Кстати, чего ради Тесье, с его психологическим образованием, сообщил мне о своем источнике информации? Я бы на его месте дал понять, что Старший Брат никогда не дремлет. А он вместо этого прямым текстом рассказал, что за мной уже не следят днем и ночью. Точнее, не следили. Теперь, наверное, опять будут. Но зачем он мне это рассказал? Я ведь теперь всех бояться буду.

Я широко открыл глаза, чувствуя, как начинавший было подкрадываться сон мгновенно улетучился. Зачем? А именно затем. Чтоб неповадно было. Чтобы не лез больше к Эмилю. Чтобы не смел даже подумать о подобном разговоре с другими. Чтобы был Пятым. Может, они все видели сами, а Эмиля приплели именно благодаря своему психологическому образованию. А бедный Эмиль вообще ни при чем. Поговорил со мной, поосторожничал как мог и пошел себе, сетуя на странные запреты, которые не дают пообщаться со старым товарищем.

Если это все так, то кто поручится за то, что через неделю он сам не сглупит и не размякнет при очередной встрече с подлым Пятым? А подлый Пятый хитро посмотрит по сторонам и опять начнет бубнить о Париже и старых временах. А тут еще рядом окажется Зритель, и весь эксперимент пойдет прахом. Зато если мы подлому Пятому расскажем о том, что его друг – доносчик, он от этого друга отшатнется как от чумы. «Разделяй и властвуй» – старый испытанный метод. Вот мы и разделим и повластвуем.

Мне стало стыдно и досадно. Чем больше я думал о разговорах с Тесье и Катру, тем очевиднее мне становилось, что моя недавняя реакция была точно просчитана. «Эмиль невиновен, – думал я. – Им манипулируют точно так же, как мной. Завтра мы встретимся, и я прочту в его глазах правду». Возвышенно звучит: «Прочесть в глазах правду». Надо будет не забыть эту фразу, когда буду писать книгу. Если буду писать... Отлетевший было сон подкрался опять и на этот раз победил.

Глава девятая

Следующим утром встретиться с Эмилем мне не довелось. Я завтракал дольше чем обычно, надеясь на его появление, однако он так и не пришел. После еды я провел несколько часов, слоняясь по секциям, но все безрезультатно. Эмиль исчез. Обед тоже прошел без него. Гадая, куда он запропастился, я не забывал оставаться веселым и общительным. Сегодня мне как никогда было необходимо продемонстрировать свою лояльность невидимым наблюдателям. Видимо, я даже немного перегнул палку, потому что Вторая заметила, что давно не видела меня таким радостным. Пришлось на ходу изобретать правдоподобную причину, и я не придумал ничего лучше, чем сослаться на злосчастную мифическую книгу. Услышав о том, что я закончил первую главу, заботливая родительница вспылала энтузиазмом и изъявила горячее желание ознакомиться с рукописью. Я мялся, изображал смущение и ломал голову над тем, что же мне теперь делать. В конце концов мы разошлись на том, что я еще немного поработаю над текстом, но Вторая будет первой читательницей. Избавившись от назойливой мамы, я пошел в Секцию Встреч и засел в засаде в своем кресле. Диван в углу предоставлял более широкий обзор, но я не рискнул изменять в этот день своим

привычкам. Прикрывшись книгой, я следил за проходящими людьми, справедливо полагая, что если Эмиль покажется сегодня на свет, то, скорее всего, продефилирует в этом зале.

Вокруг вяло бурлила бессмертная жизнь, после ночных событий казавшаяся какой-то фальшивой и бутафорской. Теперь искренность этих сияющих улыбок представлялась по меньшей мере сомнительной. Постепенно ожидание становилось невыносимым. Я чувствовал, что мне просто необходимо увидеть Эмиля. К счастью, воспоминание о потерянных деньгах помогало сохранять внешнее спокойствие. Конечно, надежнее всего было бы устроиться в каком-нибудь месте, откуда был виден вход в его комнату. Однако исполнению этого плана мешало два обстоятельства. Во-первых, я до сих пор не имел ни малейшего понятия о том, где эта комната находится. Во-вторых, даже если бы мне это было известно, я не стал бы искушать судьбу, сверля взглядом дверь Десятого на глазах у Николь. День тянулся невероятно медленно, но все-таки подошел к концу. Эмиль не пришел. Питая слабую надежду на вечернюю встречу, я долго ужинал в компании Двадцатого и Адада. Они занудно излагали друг другу свои соображения по поводу какой-то новой игры. Вообще-то мне полагалось проявить интерес к этому новшеству, но я не мог заставить себя это сделать. Постепенно их разговор перешел в спор о том, кто станет лучшим игроком. Было невероятно тоскливо слушать это бессмысленное препирательство, перемежаемое радостными бараньими улыбками. Наскоро дожевывая еду, я распрощался и ушел. Эмиля в этот день я так и не увидел.

Ночью я долго ворочался, силясь уснуть. В том, что нам сегодня не пришлось встретиться, не было ничего странного – порой мы не виделись по несколько дней. Но подавленное настроение заставляло видеть отсутствие Эмиля в черном свете. Вместо того чтобы махнуть на все рукой и спокойно спать, я изобретал невероятные версии. Может, его каким-то образом наказали за вчерашнюю беседу? Хотя за что его можно было наказывать? И как? Если уж я гуляю на свободе, он должен гулять и подавно. Да и вообще, скорее его надо награждать. Нет, давать награду ему тоже не за что – ведь он абсолютно ничем не отличился. А может, он все-таки доносил на меня? И его вызвали для вынесения личной благодарности? Нет, нет, это все хитрости господ ученых. Конечно, Эмиль невиновен. С этой мыслью я и заснул.

Утром пословица «На ловца и зверь бежит» материализовалась в Секции Трапез. Зверь, правда, не прибежал, а степенно пришел и застал ловца в последней стадии поглощения завтрака. Приветливо кивнув мне, Эмиль выбрал порцию, огляделся и подошел к моему столу.

– Как дела? – буднично спросил он, усаживаясь напротив.

Я собрал всю свою выдержку, улыбнулся и так же буднично ответил:

– Неплохо.

Он поковырял вилкой лежавшее перед ним подобие омлета.

– Этим нас давно не баловали.

«Тоже мне деликатес – обычная яичница», – чуть было не сказал я. Некоторое время мы сосредоточенно молча ели. Затем Эмиль улыбнулся каким-то своим мыслям и, подняв вилку, сказал:

– А знаешь...

Тут он умолк, очевидно, пытаясь сформулировать фразу.

– Знаешь, мне очень нравится то, что придумал Адам. Больше всего радует сам факт появления подобных идей.

Я не имел ни малейшего понятия, о чем он говорит.

– А что он придумал?

– Как, ты еще не слышал? – удивился Эмиль. – Все только это и обсуждают. Новая игра. Называется «шашки». Адам взял обыкновенную шахматную доску и выдумал новые фигуры и правила. Все фигуры одинаковые и ходят только наискосок, как слон. На первый взгляд, гораздо проще шахмат, но как начнешь – не оторвешься. Мы вчера весь день играли.

Я понял, где он пропадал с утра до вечера. Они, наверное, сидели в какой-нибудь серо-буро-малиновой Секции Искусств и резались в эту «новую» игру, пока я изнывал на своем наблюдательном пункте. Вот уж действительно – комиссар Мегре.

– Двенадцатый уже стал разрабатывать стратегию игры, – говорил тем временем Эмиль, уплетая омлет. – И к концу дня обыграл всех, даже самого Адама. А я почти всем проиграл, – он скорчил недовольную гримасу, но тут же улыбнулся и закончил: – Зато правила я понял быстрее всех, ты же знаешь – что-то, а правила я учу быстро.

Я чуть не вздрогнул. Намек был весьма прозрачен, но, в отличие от моих недавних поползновений, к нему было невозможно придраться. Одной короткой фразой Эмиль напомнил мне о былых временах, показал, что не хочет выходить из образа, и продемонстрировал, как умные люди пользуются преимуществами Эзопова языка. Я посмотрел на него и как можно естественнее сказал:

– Да, я знаю. Ты молодец. Мне, например, правила даются несколько сложнее.

– Скорее, ты их любишь нарушать, – возразил он. – Вспомни, как ты вначале пытался играть в шахматы. Но потом ты понял, что без правил ничего путного не получится.

«Ну дает!» – мысленно восхитился я.

– Тебе надо научиться играть в шашки, – наставительно добавил Эмиль. – Выучишь правила, попрактикуешься и будешь отлично играть. Вот увидишь – это легко и интересно.

Беседа текла. Почти в каждой фразе мнимого Десятого я находил изящный, тонкий и абсолютно безобидный намек. Слушая его, я понял, как мне надо было вести себя во время злополучного разговора два дня назад. Если тогда бы мои реплики хотя бы отдаленно напоминали эмилевские, мне не пришлось бы распрощаться с четвертью вознаграждения. Не было никакой необходимости тащить его в спальню. Все, что я должен был сделать – это немного подумать. К чему секретничать? Можно вести разговор о чем угодно, сидя прямо возле скрытого микрофона, если то, что произносится «между строк», понятно лишь собеседникам. Дурак... Вот ведь какой дурак. И при этом еще и наивный дурак. Надо же было так попасться на удочку и принять навет Тесье за чистую монету. Вот передо мной сидит мой единственный друг в этом игрушечном мире, а я уже готов был считать его иудой. Ну разве можно быть таким наивным? Они меня запрограммировали, как робота. Нажали нужную кнопку, и готово.

– ...о твоей книге, – сказал Эмиль.

Я понял, что, увлекшись моральным самобичеванием, упустил начало его фразы.

– Извини, что ты говоришь? – спросил я.

– Я просил тебя рассказать о твоей новой книге, – повторил он.

– О моей книге? – удивился я. Зачем он вдруг вспомнил о ней?

– Ну да. Об этой секции, как там ее... Париж, Пураж? Ты же хотел вчера о ней поговорить.

Ага... Теперь понятно. Сначала он показал мне, каким образом надо строить фразы, а сейчас предлагает поговорить по душам. Спасибо за предложение, друг. Я бы рад, но, в отличие от тебя, меня только что высекли. И пребольно. Так что я пока обожду. Попрактикуюсь в одиночестве, все обдумаю, подготовлюсь, тогда и побеседуем. А пока это развлечение не для меня. Слишком уж дорого оно мне обходится.

– Давай не будем об этом, – весело предложил я.

– Почему?

– Мне не очень хочется обсуждать книгу до того, как она написана.

Он понимающе кивнул. А затем подался вперед и заговорщически сказал:

– Обещаю – никому не расскажу. Если хочешь, это останется нашим секретом, пока ты не закончишь писать. Просто уж очень любопытно. Заинтриговал ты меня. Ну скажи хоть пару слов.

Его настойчивость мне не понравилась. Я не был готов сейчас к такой беседе. И как прикажете понимать «это останется нашим секретом»? На что это он намекает?

– Понимаешь, Десятый, – предпринял я очередной отходной маневр, – мне теперь не очень нравится это название. Я его заменил. И заодно стал подумывать о том, чтобы переписать все заново. А когда все будет готово, я тебе сам скажу, и мы с тобой об этом поговорим. Идет?

На его лице мелькнула тень разочарования, но он снова кивнул с этим выражением «конечно-конечно, о чем речь». Потом подцепил вилкой кусок «еды», отправил его в рот, прожевал и огорошил меня вопросом:

– Кстати, зачем ты позавчера так хотел обсуждать эту недописанную книгу в своей внутренней комнате?

Мне показалось, что я ослышался. Это уже не лезло ни в какие ворота. Ведь нас сейчас наверняка слушают! С какой целью он так грубо напоминает о моей ошибке? Я попробовал дать ему шанс забрать свой опасный вопрос назад.

– Разве я звал тебя во внутреннюю комнату?

– Конечно, – удивленно сказал он. – К тому же несколько раз.

Впервые с момента перехода в новый мир я находился в полнейшем

замешательстве. Какая муха его укусила? Только что он был воплощением осторожности, учил уму-разуму и вдруг – на тебе – сам подставляет меня под огонь. Десятому вполне уместно задавать подобные вопросы, но как прикажете на них отвечать Пятому? Что он творит?!

– Рекомендую не развивать эту тему, – шепнул вдруг голосок Николь. – Чревато самыми неприятными последствиями.

Я взглянул на Эмиля. На его лице было написано неприкрытое нетерпение. И с моих глаз спала пелена. Так вот зачем он все это расспрашивал. Сначала он усыпил мои подозрения своими намеками, а теперь пытался спровоцировать меня на очередную глупость. Ну нет, милейший Эмиль, такой радости я тебе не доставлю.

Пятый медленно растянул губы в любезнейшей улыбке. Маски оставались на наших лицах, но теперь они стали полупрозрачными. И сквозь маску Десятого просвечивало лицо подлеца, которого я наивно считал другом. Глядя ему прямо в глаза, я ответил:

– Во внутреннюю комнату я тебя звал, потому что там находился мой черновик. Мне настолько хотелось почитать его кому-нибудь, что я забыл обо всех приличиях. Но теперь все изменилось. Эта книга осталась в прошлом, а я больше никогда не буду пренебрегать традициями.

Эмиль удивленно моргнул. Такого ответа он явно не ожидал. Я сгреб грязную посуду и направился к люку мусоропровода.

– Но ты вообще будешь писать новую книгу? – спросил он вдогонку.

– Разумеется, – бросил я через плечо. – Ведь это – мое призвание.

Кто-то из древних, кажется, Сулла, говорил: «Избавьте меня от друзей, а от врагов я избавлюсь сам». Умный был человек. Понимал, что тот, которого считаешь другом, может оказаться гораздо опаснее явного врага. Хотя, если задуматься, другом Эмиль мне никогда не был. Это мое воображение и склонность к идеализации сделали его таким. Я смотрел на него, как и на весь этот мир, сквозь розовые очки, а умные люди предпочитают темные. Но я к этим людям явно не отношусь. А жаль. Хотя никогда не поздно поумнеть. Другое дело, что это практически невозможно. Так что сделал бы умный человек, оказавшись на моем месте? Ну, в первую очередь – он бы на нем не оказался. Но если бы это

каким-то загадочным образом случилось, он бы попытался разобраться в ситуации. Что мы сейчас и сделаем. Ну-ка, где там эта кнопка?

– Николь...

– Да, Пятый?

– Николь, почему ты остановила меня сегодня?

– Ты имеешь в виду твой разговор с Десятым?

– Да.

– Разве ты сам не понимаешь?

– Ты не хотела подвергать эксперимент опасности? Но ведь рядом никого не было.

– Я считала тебя более сообразительным, – тихо усмехается она.

– Почему ты меня остановила?

– Потому что мне стало жаль тебя.

– Жаль меня? О чем ты говоришь?

Она понижает голос.

– Ты знаешь, о чем я говорю.

– Нет, не знаю. Скажи.

– Глупый мальчик. Если бы сказал еще одно слово, твой контракт уже бы ничего не спасло.

– Какая разница, сказал я его или нет? Ты-то ведь знаешь, что я мог его сказать.

Ее голос становится едва слышен.

– Да, я знаю. Но на стол Тесье ложатся донесения только о тех словах, которые были произнесены.

– Так ты... ты не должна была меня останавливать?

Тихий смешок.

– Я никому ничего не должна.

Опять этот Эзопов язык. Ну почему у меня нет нужных слов?

– Спасибо. Ты мне очень помогла.

– Я знаю. Теперь будь умницей. Что-то еще?

– Да. Один вопрос.

– Что?

– На меня поступало много доносов?

Пауза.

– Ты уверен в том, что тебе это надо знать?

– Абсолютно.

– Зря. Никогда не будь абсолютно уверен ни в чем.

– Сколько их было?

– Ну хорошо. Несколько.

– Почему ты мне не говорила о них?

– Потому что в этом не было необходимости. Ты просто входил в роль.

Небольшие оплошности были неизбежны.

– Кто были эти люди?

– Извини, но этого я тебе не скажу.

– Ну что ж, спасибо и за то, что сказала. Это был один человек?

– Разумеется, нет.

– Почему «разумеется»?..

– Спокойной ночи, Пятый.

– Спокойной ночи. Спасибо еще раз. Тишина.

Так вот кому я могу доверять... Кто бы мог подумать. И ведь это она рассказала мне тогда правду о Мари и Поле. Откуда такая благосклонность? Может... я ей нравлюсь? Или не я, а вечный Пятый? Что за глупости лезут в голову перед сном. Важно то, что она мне рассказала, а не почему она это сделала. А рассказала она достаточно. Даже более чем достаточно.

Меня переполняла веселая ярость. Вы хотели Пятого? Вы получите его. Настоящего, подлинного, неподдельного Пятого, который никогда никому не покажет, что в прошлой жизни он был парижанином Андре Рокруа. Он будет самым великолепным Пятым из всех, чья нога ступала в этот напичканный техникой павильон, который вам угодно именовать миром. Не бойтесь, больше он не причинит вам беспокойств. Его бессмертный лик будет неизменно спокоен и приветлив. Его речи будут всегда разумны и правильны. И слово «смерть» никогда не прозвучит из его уст. Отныне я не буду наивным мальчиком. Как я мог поверить в искренность этого сборища? Только слабоумный идеалист мог нарисовать себе такую всеобщую гармонию. «Они вжились в образы... Они счастливы...» Какая чушь! Они ни во что не вживались. Они всегда начеку. Они

следят за каждым своим словом. И за каждым чужим. Они всегда готовы донести. Они всегда ищут возможность подставить. И несколько маленьких подленьких доносов уже поступило на меня, пока я пытался стать истинным Пятым. А вот не надо было становиться им. Надо было оставаться собой. Как все они. Что ж, теперь я буду играть по их правилам. И поверьте мне – эти правила я усвою хорошо.

День за днем я методично избавлялся от своих наивных представлений. Милая улыбка? Так я вам и поверил. Получите в ответ не менее милую и не надейтесь на то, что я дам вам повод для доноса. Двусмысленная фраза? Ах, как нехорошо. Переводим разговор на другую тему. Слишком подробные расспросы? Неужели вы всерьез рассчитываете на то, что я что-нибудь ляпну? Ух вы, мои наивненькие. Вспоминаем о срочном деле, прощаемся и ретируемся.

Этот мир напоминает свой прообраз гораздо сильнее, чем я считал вначале. В нем просто все гипертрофированно. В том мире все понемногу врут, все понемногу притворяются. Больше перед чужими, меньше перед теми, кому доверяют. Все говорят одно, а думают другое. И каждый человек на людях носит маску, которая в нужные моменты улыбается, ведет милую беседу, участливо хмурится. Но эта маска порой не очень отличается от реального лица, скрывающегося под ним. И бывают моменты, когда хозяин маски позволяет себе расслабиться, отложить ее в сторону и даже явить избранным свой настоящий облик. Тут же это все просто доведено до крайности. Здесь маски вообще не соответствуют лицам. И не снимаются никогда.

А из-под масок за тобой следят глаза. Хитрые, умные, все замечающие, они ощупывают тебя, ловят каждый твой жест, каждое движение. Они все видят и ничего не прощают. Я ощущал эту слежку постоянно, она сквозила в слащавых словах, в приторных лицах. Конечно, только человек, страдающий манией преследования, мог бы вообразить, что все вокруг горят желанием подставить и донести. Не было для этого ни материальных, ни моральных предпосылок. За донесение не полагалась награда, за молчанием не следовало наказание. Что же до идейных соображений, то вряд ли кто-либо из актеров мог похвастаться святой верой в эксперимент. Ведь нам не доверяли настолько, что даже не сообщали имя подопытного.

И все же какие-то добровольцы сообщали руководству о моих ошибках. И вполне возможно, что эти ошибки были сделаны не без их помощи. Я вспоминал выражение лица Эмиля. Как он хотел услышать мой ответ! Как он ждал этих слов, после которых мой контракт становился историей. Но зачем? Зачем он так хотел меня подставить? Ведь если бы меня выставили за дверь, для него бы все осталось по-прежнему. Он бы даже не знал, сменил ли меня другой актер. Вся рутина его бессмертной жизни не изменилась бы ни на йоту. Рутин... Рутин. Вот и ответ, как говаривал принц Датский. Видимо, для некоторых доносы стали наилучшим развлечением. Скука порождает порой самые необычные прихоти.

Странное обостренное чувство опасности подсказывало теперь, кто из окружающих стремится завлечь меня в западню. Десятый, Шинав, Третий, Восьмая: за их улыбками мне чудились самые черные намерения. Их фразы всегда имели какой-то подтекст, разговоры с ними всегда вели в какие-то заумные и опасные дебри двусмысленных намеков. Особенно отличалась Восьмая. Не проходило и дня, чтобы я не ловил на себе ее внимательный взгляд. Не давшая Мари войти в этот мир старалась найти способ вытолкнуть меня из него. Но теперь я знал цену неосторожности.

День за днем я вытравливал из себя опасное благодушие. Приходя в свою «внутреннюю комнату», я растягивался на кровати и перебирал в памяти прошедший день. Проколы? Никаких. Намеки на проколы? Ни одного. Опасные ситуации? Сегодня три. Если раньше я старался вжиться в роль, то теперь все мои усилия были направлены на то, чтобы не расслабиться, не пустить все на самотек. Злость, вызванная доносом Эмиля и памятной беседой с Николь, постепенно уходила. Внутренняя собранность, возникшая в результате этих событий, оставалась и крепла. Я ощущал, что теперь мой Пятый наконец-то становится таким, каким он должен был быть с самого начала.

И только одну черту я так и не пересек. Я не смог заставить себя подойти к микрофону и сухо сообщить Николь о чем-то проступке. Не смог, и все. Хотя поводов хватало. Теперь, когда я стал обращать внимание на детали, мне нет-нет да попадались на глаза чужие промахи. То Адам весь вечер слишком часто умолкал и как-то тоскливо смотрел перед собой застывшим взглядом. То Четвертый, склонив голову и прищурившись, осматривал стены под потолком, словно ища невидимые камеры. Однажды я видел, как к Двенадцатому ласково

обратилась его мать – Девятая. «Ты еще не обедал, мой мальчик?» – ласково спросила она. Двенадцатый стоял к ней спиной, и на секунду его лицо перекошилось. Уже в следующий момент он мило улыбался Девятой, но эта мгновенная гримаса усталости стояла у меня перед глазами до вечера. Зато в другой раз он проводил проходившую мимо Девятую таким взглядом, который вызывал в памяти Фрейда с его концепцией Эдипова комплекса. Но надо было отдать им должное – главный запрет не нарушал никто. Ни прямо, ни косвенно.

Лишь на одного человека я, не задумываясь, донес бы немедленно. Или, по крайней мере, я думал, что так поступлю. Но поведение Эмиля как назло оставалось безукоризненным. Его Десятый был безупречен.

– Пришла пора держать обещания, – сказала Николь как-то утром.

Я прервал отжимания и, массируя руку, подошел к столу. Ничего хорошего такое начало не сулило.

– Какие еще обещания?

– Те, которые ты давал каждому встречному, – туманно пояснила она.

– А точнее?

– Точнее – весь мир ждет книгу, о которой ты говоришь с первого дня.

Ах, вот она о чем. Действительно, книга. Только кто ж ее напишет?

– Разумеется, писать ее тебе не надо, – сказала она, будто читая мои мысли. – Это не входит в твои обязанности. Ты должен только забрать рукопись, ознакомиться с ней и отнести в типографию.

Мне тут же представился Люсьен, протягивающий толстую кипу пожелтевшей исписанной бумаги с красным штампом «цензура».

– А она уже готова? – спросил я, отгоняя от себя глупое видение.

– Да. Писатели закончили ее вчера.

– Писатели? А что, бывший Пятый не захотел вам помочь?

– Нет, – немного грустно ответила Николь. – Хотя мы просили его об этом.

Я не смог удержаться от саркастического комментария:

– А я думал, что у вас достаточно денег, чтобы купить услуги любого человека.

– Достаточно, – согласилась она. – Но только при условии, что человек заинтересован в деньгах. Твой же предшественник сообщил, что на данный момент ему неинтересно зарабатывать себе на жизнь.

Я усмехнулся.

– Может, вам не стоило торопиться с первоначальной оплатой.

– Мы всегда держим свои обещания, – сухо ответила она, и я решил в дальнейшем воздерживаться от подобных шуток.

– Ты сможешь забрать рукопись завтра вечером в том самом тамбуре, через который попал сюда, – сказала Николь после короткой паузы. – После ужина будь в своей комнате и не ложись спать. Я сообщу тебе, когда надо будет выходить. Подготовь папку с бумагой, примерно сотню листов. Листы могут быть чистыми или исписанными, это несущественно. В тамбуре заменишь содержимое папки на рукопись, подождешь сколько надо и пойдешь к себе.

Инструкции явственно отдавали детскими играми в разбойников и разведчиков. Ну что ж, раз надо – поиграем.

– Будет сделано, – бодро сообщил я. – А что, вы не могли провести пневмопочту в каждую спальню?

– Не умножай сущности сверх необходимости, – прозвучало в ответ.

Я скорчил гримасу. Тоже мне нашлась последовательница Оккама.

– Будь молодцом, – сказала последовательница теплым тоном.

Мне стало немного совестно. В конце концов, она была единственным человеком, с которым я мог нормально поговорить. И вообще, после того как она удержала меня от роковой ошибки, ничего, кроме благодарности, я к ней не испытывал.

– Постараюсь, – пообещал я.

Следующим вечером я подходил к тамбуру. Вокруг царил полумрак. Я шел в гордом одиночестве, помахивая папкой с девственно чистой бумагой. Прогулки в темноте не были запрещены, но при этом они мягко не рекомендовались, поэтому мало кто появлялся в секциях по ночам. Бессмертные заботились о режиме, вернее, о нем заботились их попечители. Пустые полутемные залы выглядели несколько таинственно. Обилие скульптур и картин наводило на мысли о заброшенных средневековых замках. Казалось, сейчас из-за какой-нибудь статуи с завываниями и вздохами выплывет бледный призрак. Впрочем, кого бы он тут напугал? Я мысленно усмехнулся. В мире, где люди не знают смерти и страха, привидения зачахли бы от отсутствия внимания.

Оставив позади Секцию Встреч, я вступил в широкий проход, который соединял ее с Секцией Науки. Здесь я, как всегда, начал гадать, какими соображениями руководствовались архитекторы, планируя этот длинный туннель. Он тянулся по меньшей мере на тридцать метров, значительно превосходя по своей длине все известные мне переходы. Мои размышления были прерваны неожиданными в этот поздний час звуками. Где-то позади раздался далекий женский смех и легкие шаги. Проигнорировав желание резко обернуться, я степенно посмотрел назад. В конце коридора мелькнул и тотчас исчез тонкий изящный силуэт. Вслед за ним проскользнул другой – более высокий и коренастый. «Подожди...» – донесся до меня мужской голос. Затем последовал новый взрыв смеха, невнятный обмен репликами и неестественно громкий звук поцелуя. Мгновение спустя шаги удалились.

Я повернулся и, вздохнув, продолжил свой поход к тамбуру. Короткая сцена повергла меня в уныние. Разумеется, эти Ромео и Джульетта были одними из тех считанных счастливиц, которые, изображая женатую пару, по-настоящему нашли друг друга. Они не были одиноки в этом мире не только в моральном, но и, скорее всего, в физическом смысле. Я давно уже подозревал, что не все пары удовлетворяются изображением платонических эмоций. Наверняка некоторые из них шли гораздо дальше в своих супружеских отношениях, пользуясь официальной ширмой. Разумеется, это не могло бы совершаться без ведома начальства, но оно, наверное, смотрело на такие факты сквозь пальцы.

Хотя ширмы ширмами, а полуночное веселье, невольным свидетелем которого я сейчас стал, являлось вопиющим нарушением правил. Если эта картина вызвала чувство зависти у меня, то сложно даже предположить, какие процессы она могла бы разбудить в бедном Зрителе. Его, между прочим, никто не может заставить сидеть дома ночью. «Настучать, что ли?» – вяло подумал я. Но я даже не знал, кто были эти влюбленные, хотя мужской голос подозрительно напоминал голос моего собственного отца. А кроме того, я не стал бы делать этого, даже если бы отчетливо разглядел их лица. Просто, глядя на них, я расстроился и разозлился, в очередной раз вспомнив Мари. Как я был уверен когда-то в том, что проведу эти три года с ней! Это мы могли бродить по ночным залам, это ее смех мог звучать среди безмолвных скульптур. И мне не было бы никакого дела до Эмиля и всех остальных. Но все испортила эта Восьмая. Как

будто ей мало того, что из-за нее Мари не попала сюда – она еще так и ищет, как бы навредить мне. Сегодня весь вечер прислушивалась к моему разговору с Седьмым. Как будто, если я сижу боком, мне не видно, как она посматривает в нашу сторону, поправляя волосы.

– Молодец, – прошелестел голос Николь, когда я подошел к двери тамбура. – Минута в минуту. Можешь заходить.

Я нажал ручку и очутился в знакомом помещении. Тут ничего не изменилось со времени моего первого и единственного посещения. Все тот же уголок юного спартанца. Воспоминания мощной волной нахлынули на меня. Я вспомнил свои сомнения перед порогом этой комнаты, холодный белый коридор, безучастное лицо Люсьена. Отсюда началась моя бессмертная жизнь, здесь она, возможно, и завершится, когда придет срок.

Прикрыв за собой дверь, я присел на стул и взглянул на стопку бумаги, лежавшую на столе. Вот и мое первое произведение. Ну что ж, полюбопытствуем, что я там понаписал. Мне предстояло провести здесь не менее получаса, и за отсутствием других занятий я намеревался просмотреть «свое» творение. Не размышлять же тут, в самом деле.

Тамбуры были известны бессмертным как Комнаты Размышлений. Как и во многих других вопросах, основатели эксперимента не усложняли себе жизнь, ломая головы над хитроумными объяснениями. Нужны кабинки для общения с внешним миром? Пожалуйста – получите помещения, в которые любой человек может удалиться для того, чтобы поразмыслить в одиночестве. Может, конечно, возникнуть законный вопрос: а зачем людям понадобились такие комнаты при наличии превосходных квартир и многочисленных секций? Как зачем? Очень просто – в своей квартире человеку может наскучить. А в секциях сложно сосредоточиться, там всегда кто-нибудь ходит. Проблему решают Комнаты Размышлений – каждая раскрашенная в свой цвет и уникально обставленная. Хочешь думать в свежей обстановке – иди и наслаждайся. Никто тебя не потревожит. Вот такое обоснование. Впрочем, единственному человеку, для которого оно предназначалось, скармливали и не такое, а всем остальным это было глубоко безразлично.

Несмотря на столь высокое предназначение тамбуров, ассоциация с уборной, пришедшая мне на ум в день перехода, лишь усилилась, когда неделю

спустя я, гуляя, набрел на один из них. Оказалось, что после того как в комнату заходил человек, на двери выскакивала красная табличка. Только вместо «Занято» на ней было написано «Размышления. Просьба не беспокоить». Я чуть не расхохотался, представив себе, сколько шуток вызвала бы эта надпись, если бы актеры могли откровенно общаться.

Книга открывалась коротким обращением автора к читателям. В нем Пятый заявлял, что решил испробовать новый стиль в целях усовершенствования своего писательского мастерства. Он намекал на то, что эта манера письма еще не отработана и что она будет улучшаться с течением времени. Предупреждение было вполне уместным. Уже с первой страницы веяло скукой. Изящный, отточенный стиль моего предшественника бесследно исчез, сменившись штампованными сухими фразами. Я просмотрел с десятков листов. Диалоги были неестественны, персонажи безлики, сюжет практически отсутствовал. Популярного писателя больше не было. Вместо него за машинку сел тот же, лишенный творческого воображения человек, который писал книги Пятого до того, как мой предшественник взялся за это дело. Я уныло пошелестел страницами. Подписываться под этим убожеством страшно не хотелось. Лавры талантливого литератора пришлись впору, и угроза потерять их отнюдь не радовала. Несмотря на фальшивость повседневных разговоров, я подозревал, что уважительное отношение читателей к книгам Пятого было искренним. А теперь мне предлагали распрощаться с читательской любовью вследствие самых прозаических причин. Разумеется, для целей эксперимента уровень литературных упражнений бессмертных не имел ни малейшего значения. Машина должна была работать без сбоев, а побочные продукты этой работы никого не интересовали. Поэтому институту незачем было нанимать талантливого писателя. Работу мог выполнить относительно недорогой профессионал, способный быстро и безболезненно настроичить сто страниц текста, не нарушая запретов. Я уже предвидел пересуды в столовой: «Да, исписался Пятый, исписался... Пора ему менять занятие». Жеманиться и капризничать по поводу низкого качества книги было просто смешно. Для того чтобы оставаться талантливым писателем в глазах бессмертной общественности, у меня был только один выход.

– Нет и еще раз нет, – сказала Николь.
– Но почему? – продолжал настаивать я. – Дайте мне хотя бы попробовать.
– У тебя все равно не получится. А книгу пора выпускать. Ты ведь понимаешь, что подобные события у нас распланированы.

– Но это будет совсем небольшая задержка. Я управлюсь за несколько недель.

– Конечно, справишься. С тремя строчками.

– Послушай, ты забываешь о том, что я – профессиональный журналист.

– Ты профессиональный зануда, – рассмеялась она. – И к тому же профессиональный очковтиратель. Можно подумать, мне неизвестно, что твоя журналистская деятельность сводилась к написанию конспектов.

– Не только! – запальчиво возразил я. – Меня печатали в газетах.

– Это не имеет значения.

С этим я спорить не стал, но от своего предложения не отступился.

– Ну хорошо, – согласилась она наконец. – Я поговорю с Тесье. Но на успех особо не рассчитывай.

Однако Тесье неожиданно согласился. Я не знал, какими соображениями он при этом руководствовался, но так или иначе мне дали «добро» на попытку написания своей книги. На план и первую главу отводилось десять дней. В случае неудачи в свет выходила столь не понравившаяся мне литературная поделка, написанная в «новом стиле». Я чувствовал себя, как будто подписал договор с суровым парижским издательством.

Четыре дня спустя я сидел за своим письменным столом и горестно взирал на девственно чистый лист бумаги. Ситуация напоминала полузабытую подготовку к экзамену. Снова задача, которую я сам себе поставил, при ближайшем рассмотрении оказалась гораздо сложнее, чем я изначально предполагал. Если сюжет более или менее вырисовывался, то сам процесс письма был невероятно мучителен. Каждая вторая аналогия или метафора опиралась на понятия, за одно упоминание о которых у меня могли забрать оставшиеся три четверти вознаграждения. Все слова, которые я так старательно вытравливал из памяти, вдруг встрепенулись и наперебой предлагали свои услуги. В течение

нескольких дней, отбиваясь от этого неожиданного нашествия, я смог вымучить из себя одну-единственную страницу, правда, весьма неплохую. Теперь с помощью элементарной математики выходило, что я никак не успею уложиться в поставленные сроки. Но отступить было как-то несерьезно.

Постукивая ручкой по столу, я перебирал в уме всевозможные варианты. «Он возмутился... он вознегодовал». Нет, как говорил Тесье, «поменьше эмоций». Какой там оборот я использовал вчера? Я внимательно изучил содержимое исчерканного листа. Поняв, что, несмотря на все свои неоспоримые достоинства, с этой проблемой он мне не поможет, я вздохнул и задумчиво отпустил его несколько картинным жестом. Лист изящно изогнулся в воздухе, плавно порхнул к стене и исчез. Некоторое время я тупо смотрел на место его исчезновения, а затем ринулся вперед, едва не стукнувшись головой о нависающую полку. Все плоды моего тяжелого труда скрылись в широкую щель между столом и стеной. Пришлось лезть под стол, но только для того, чтобы обнаружить, что он обладает своей собственной задней стенкой. Где-то между ней и стеной комнаты покоилась моя невеликая, но такая дорогая рукопись. Исследование боковых поверхностей также не дало положительных результатов. Щель была достаточно широка для того, чтобы в нее можно было просунуть палец, но возможность каких-либо визуальных наблюдений исключалась начисто. Между тем мне было просто необходимо получить обратно капризный лист. Кроме начала будущего бестселлера, на нем было несколько важных идей, родившихся в результате кропотливой работы. Убедившись в том, что бумага находится вне предела досягаемости пальцев, я решил прибегнуть к грубой силе. Впрочем, я не очень надеялся на положительные результаты, памятуя о встроенном микрофоне.

Как и следовало предполагать, стол оказался намертво прикреплен к полу. Я не смог даже пошатнуть его. Оставив бесплодные попытки, я сел на пол и задумался. Без сомнения, требовалось подручное приспособление. Например, палка. Или линейка. Обычная узкая длинная линейка. Вопрос заключался в том, где ее достать. Перебирая в памяти возможные способы получения этого ценного инструмента, я вспомнил нашуевшую картину Седьмого. Не может быть, чтобы он нарисовал свой квадрат от руки. И живет он, кстати, совсем недалеко.

Через час я уже стоял у стола, вооруженный длинной пластиковой линейкой

– именно такой, о какой мечтал. Седьмой категорически отверг нелепые обвинения в механизации художественного процесса, но линейку выдал. В качестве компенсации за нарушение душевного спокойствия мастера мне пришлось выслушать длинную лекцию о его творческих планах, наглядно иллюстрируемую карандашными эскизами. При других обстоятельствах я бы не без удовольствия послушал милое хвастовство Седьмого, к которому испытывал что-то похожее на внутреннюю симпатию. Сейчас же, изображая искреннюю заинтересованность, я с тоской думал о том, что у меня осталось только шесть дней. А при этом не то что конец – начало первой главы еще не готово. Наконец, ухитрившись распрощаться с восторженным художником, я, сдерживая шаг, отправился домой.

Теперь, выгнувшись в неестественной позе, я шарил линейкой за столом. Прикрепленная над ним полка значительно усложняла процесс, так как из-за нее просунуть линейку можно было лишь сбоку. Мое орудие постоянно цеплялось за какой-то предмет, и я никак не мог понять, где же находится злополучный лист. Несколько раз мне казалось, что я нащупал его, но этим дело и заканчивалось. Наконец, потеряв остатки терпения, я рванул линейку на себя и почувствовал, что мешающий предмет подался в мою сторону. Окрыленный успехом, я произвел еще несколько энергичных движений и с удивлением посмотрел на то, что выпало к моим ногам. Подобного улова я не ожидал. Это была растрепанная толстая тетрадь.

Глава десятая

Я осторожно поднял ее. Обычная серая тетрадь в мелкую клетку, изрядно помятая в середине моими богатырскими рывками. Исписана примерно на три четверти. А вот кем исписана? И с какой целью? Я медленно листал страницы. Сплошные даты. Похоже на дневник. Но чей дневник? Неужели это записи одного из моих предшественников? Ну конечно! Что же еще это может быть? Никто другой не мог оставить свои записи в этой комнате. Кроме Пярых, за последние двадцать лет здесь никого не было.

«Это же настоящее сокровище!» – думал я, жадно вглядываясь в ровные строки. Шут с ним, с листом, пусть полежит себе. Эта вещь гораздо ценнее. Что

только не скрывается на этих покрытых четким почерком страницах! Ну что ж, сегодня придется лечь попозже: похоже, что у меня появилось самое увлекательное чтение.

На секунду промелькнуло сомнение в этичности такого поступка. В мои привычки не входило читать чужие письма и дневники. Но данный случай был исключением. Кто знает, сколько лет эта тетрадь пролежала за столом. Человек, доверивший ей свои мысли, давно ушел из этого мира. Можно сказать, умер. Для меня же информация, содержащаяся в дневнике, могла оказаться весьма ценной. Так что чтение этих записок было настолько же этичным, как чтение личных писем знаменитых людей. Отодвинув в сторону свои писания, я уселся поудобнее и раскрыл тетрадь. Наконец-то я узнаю, кто является Зрителем.

23 января

Это была очень глупая ссора. Впрочем, умных ссор не бывает. Если теперь Валери встречается с кем-то, то я сам виноват. Она еще и замуж выйдет за эти три с половиной года.

27 января

Сегодня впервые разговаривал с одним человеком дольше чем пять минут. До этого были либо короткие диалоги, либо общение в компании. Адам, несомненно, толков. Тонкие, интересные замечания, чувство юмора, по-моему, логический склад ума. Где тут образ, а где актер? Интересно, заметил ли он хоть какое-то различие между мной и тем, кто был до меня?

Между прочим, этот парень – молодец. Даты идут до конца дневника, а ведь ему их никто не сообщал. Значит, все это время он вел календарь. Я бросил, а он вел.

4 февраля

Ева чем-то напоминает Валери. Тот же овал лица, похожая улыбка. Постоянное напоминание о том, какую глупость я совершил.

5 февраля

Интересно, как развивалось бы такое общество, если бы не постоянно налагаемые ограничения? Это было бы уже занятное исследование из области социологии. Ведь то, что окружает меня, – это не общество. Это не более чем его

имитация. Каждый день в уши людям льются сотни указаний. Все характеры, линии поступков, действия, изобретения жестко контролируются. В этом нет ничего плохого, это необходимо для эксперимента. И все-таки любопытно, что произошло бы тут, если бы завтра нам сказали: «Вы все продолжаете играть свои роли, но мы вас больше не контролируем». Наверное, ни к чему хорошему такая свобода не привела бы. Случилось бы то, что всегда случалось в человеческой истории. Взыграли бы страсти, началась бы борьба за власть, появилась бы форма правления, люди разделились бы на несколько лагерей, найдя для этого какие-нибудь обоснования, пусть даже самые нелепые. Отсутствие смерти не повлекло бы за собой морального совершенства. Люди остались бы такими же слабыми перед своими желаниями и такими же изобретательными в их удовлетворении. И желания многих остались бы такими же примитивными. Например, я подошел бы к Еве и сделал бы ей комплимент. А Адам взял бы и съездил мне по физиономии. А я бы ответил. Все-таки хорошо, что нас контролируют.

10 февраля

Чем больше думаешь об эксперименте, тем больше он поражает. Отгрохать такую громаду, потратить такие деньги – и все для проверки голой теории. Вряд ли идея пришла в голову кому-то, у кого так много денег. Скорее, у какого-то теоретика оказался очень хорошо подвешен язык. А что, если теория верна? Если через 5 лет они поймут, что он не стареет? Наверное, даже среди них найдется кто-то, кто позавидует этому человеку. Хотя его можно скорее жалеть.

14 февраля

Только электробритвы. Только на батарейках. Только от Господа. Ножи, которыми нельзя порезаться. Вилки, которыми нельзя уколоться. Мебель, о которую нельзя разбить голову. Чувствуешь себя как годовалый младенец в манеже. Хотя мы все – скорее взрослые, забравшиеся в манеж к единственному младенцу и сюсюкающие с ним. А он, может, давно понял, что эти дяди и тети притворяются, но, будучи умным ребенком, помалкивает о своих догадках. Пусть взрослые порадуются.

Я оторвался от дневника. Интересная идея – Зритель, догадавшийся о том, что творится вокруг него. Разумеется, это ирония, но если задуматься, то

достаточно тонкая. Конечно, Пятому было легко проявлять подобный сарказм – ведь он-то знал Зрителя. Побыл бы он в моей шкуре, когда ни в чем нельзя быть уверенным. А может, этот Пятый жил здесь еще тогда, когда наш Зритель действительно был ребенком? Вряд ли, страницы не пожелтели.

17 февраля

Мир вокруг и похож, и непохож на то, что я себе представлял. Люди, помещения, разговоры – все это соответствует ожиданиям. А вот уклад жизни, ощущения, которые он вызывает, само чувство жизни – другое. Я думал, мне предстоит хорошо оплачиваемый приятный отдых. А это – безделье, грозящее в отдаленном будущем скукой.

21 февраля

Ева продолжает напоминать о Валери. Вечный упрек. И вечное напоминание о том, что всегда надо сначала думать, а потом говорить.

26 февраля

Вышла новая книга. Аншлага не наблюдается, но народ благосклонен. А зря. По-моему, полнейшее убожество. Хотя Тесье и др. виднее. Если их это устраивает, то меня и подавно.

Я нетерпеливо скользил взглядом по строчкам. Размышления, воспоминания, наблюдения. Все это очень интересно, но когда же, наконец, появится имя Зрителя?

1 марта

Может, попробовать самому? В пассиве имеем: полное отсутствие литературного опыта, степень по физике, очевидную бесцельность написания книг, которые никому не нужны. В активе: невозможность заниматься какой-либо наукой в этом месте, некоторое охлаждение к физике в последний год, альтернативу полнейшей бездеятельности, застарелую любовь к хорошей литературе, возможность стать кем-то даже в этом псевдомире. Актив явно перевешивает.

Ну вот, наконец-то понятно, кто из Пятых писал этот дневник. Немудрено,

что страницы белые: тетрадь пролежала здесь совсем недолго.

3 марта

Приятный парень этот Шинав. Только малость задумчивый.

4 марта

Решено – завтра поговорю с начальством. Не думаю, чтобы у них нашлись возражения. Если унтер-офицер Дюруа мог стать известным журналистом, почему бы физику Шеналю не превратиться в писателя?

6 марта

Оказалось даже проще, чем я думал. «Нет проблем, пиши на здоровье». Пишу.

9 марта

Жаль, что тут пока не изобрели компьютеры. Эта музейная печатная машинка начинает действовать на нервы. Отставил ее в сторону, стал писать старым добрым способом.

14 марта

Писанина идет очень медленно. Через каждые две строчки обнаруживаю, что использовал запретное слово или сравнение. Выхолостил целую страницу. Перечитал и убедился в том, что она стала гораздо скучнее того опуса, который вышел под моим именем две недели назад. Начал все заново. Две заповеди: «Не упомяни» и «Не сотвори скучный текст». Пока что не совсем ясно, как их совмещать.

Я улыбнулся. Знакомо, очень знакомо. Что, тезка, не пишется? Тезке и в самом деле не писалось. Однако он не впадал в уныние и не бесился. На протяжении трех страниц он анализировал, просчитывал, взвешивал. Это можно, это нельзя... Такие чувства изображать опасно. А вот эти можно развивать. И наблюдения, наблюдения, наблюдения.

3 апреля

Ключ к написанию интересных книг для этого мира – в понимании людей. В их побуждениях, мыслях, интересах. Мне нельзя выдумывать приключения тела, но кто сказал, что я не могу создавать приключения духа? А для этого надо знать и понимать окружающих меня людей.

5 апреля

При всей своей схожести они очень разные. Умные и посредственные, общительные и не очень, любящие свое занятие и подумывающие о том, чтобы поменять его. Да, они все приветливы, милы и любезны. Но даже в этих рамках проявляются различия. Например, Вторая – мама, для которой не существует никого, кроме меня. С ней по своей материнской заботе может сравниться только Восемнадцатая. Она в детях вообще души не чает и, по мой взгляд, немного с этим переигрывает. А вот Девятая, наоборот, абсолютно не выделяет своих детей среди остальных. Мой сосед Шинав очень восприимчив, мечтателен и склонен к пространным рассуждениям. Третий – просто никакой. Самый бесцветный обитатель этого мира. Адад, прямо скажем, не блещет умом, но при этом мил. Ева... похожа на Валери. Впрочем, если серьезно, то она мне кажется очень властной дамой. Первый, будучи врачом, смотрит на всех как на потенциальных пациентов. По своей заботливости вполне сравним со своей сестрой. Только его забота распространяется на всех вокруг.

Я зевнул. Ну кому интересны описания актеров, которых давно заменили? Как там насчет более существенной информации? Что, еще наблюдения?

6 апреля

Седьмой несколько необщителен, но, разумеется, ни в коей мере не угрюм. Угрюмых здесь вообще нет и быть не может. Десятый – веселый и легкомысленный. Хотя что такое легкомысленность в нашем мире? Не более чем отсутствие постоянных интересов. Восьмая – очень приятная девочка. Чем она так приятна? Не знаю... может, тем, что любит книги Пятого? Ну, а если серьезно, то, по-моему, она очень добрая. По-настоящему добрая. Она всегда рада успехам других. Опять же, а кто тут не рад? Двенадцатый, несомненно, обладает очень четким мышлением и любит его демонстрировать. Кроме того, большой поклонник литературы. Помнит невероятное количество книг чуть ли не наизусть, цитирует огромные отрывки по памяти. Лия – единственная на весь мир женщина-инженер. Это уже о чем-то говорит.

15 апреля

Сегодня у мамы юбилей. Наверное, они все собрались дома, и мама опять

хотела приготовить все сама. А отец снова придумал стихотворение, в котором не много рифм, но много любви. Дядя Симон произносит свой коронный витиеватый тост, который год от года становится все запутанней. Все сидят за нашим старым столом, и только мое место слева от отца пустует. Мама так и сказала: «Это место всегда твое». С днем рождения, мама.

19 апреля

Бедный кролик. Как ему тут должно быть тоскливо. Впрочем, он ведь и не подозревает о том, что творится снаружи. Прыгает себе, жует травку, а ученые мужи смотрят на него сверху и решают: сейчас такую прививку испробуем, а завтра вот эту. А кролик видит только свой загончик и может быть в нем вполне счастлив.

Сначала я даже не понял, о чем идет речь. Какой кролик? А, это эквивалент моего Зрителя. Я представил себе, как по Секции Встреч, переворачивая кресла и скульптуры, нелепо скачет огромный белый кролик, и хмыкнул. Хорошая аналогия.

30 апреля

Говорил с Тесье. Уважаемый доктор ознакомился с первой главой и дал «добро». Теперь хоть будет чем заняться. И очень уж убоги эти книжицы.

А когда он начал писать? Я вернулся назад на десяток страниц. Ничего себе! У него было целых два месяца на первую главу. А мне дали какие-то несчастные десять дней. Да-а, за три года доктор Тесье посуровел.

6 мая

Почему-то они до сих пор не удосужились научить Пятого играть в шахматы. Пришлось сегодня изображать процесс обучения. Надеюсь, я не перестарался с импровизацией. Завтра придется играть опять. Николь меня насмешила, когда стала подсказывать этот нелепый ход. Если бы мы играли по-настоящему, я бы легко обыграл всех. Разве что с Двенадцатым надо было бы повозиться.

11 мая

Похоже, втянулся. Сложностей, конечно, невпроворот. Но мозги теперь не

работают с таким диким скрипом, как вначале. Надо поработать над стилем диалогов. Жаль, что под рукой нет ни одной приличной книги.

Ну, где же то, что я ищу? Имя, миледи, имя. Что вы мне рассказываете о своем художественном процессе? Честное слово, потом я с большим удовольствием перечитаю эту часть ваших мемуаров. А пока, дайте мне информацию. Июнь, июль, август... Сплошные размышления.

18 августа

Все. Последняя точка поставлена. *Finita la comedia*. Вся правка закончена, все исправления сделаны. Теперь – цензура.

22 августа

Цензура оказалась на редкость благосклонной. Николь утверждает, что нести книгу Двадцатому можно только в перепечатанном виде. Никаких рукописных манускриптов. Обоснование очевидное, но перепечатывать тоскливо.

27 августа

Вот спасибо, избавили меня от этой обезьяньей работы. Забрал перепечатанную рукопись, отнес Двадцатому – пусть размножает.

4 сентября

А вот это уже аншлаг. Никогда не предполагал, что мой первенец будет пользоваться таким успехом. Только Шинав повел себя несколько странно. Зашел, сказал: «Спасибо», посмотрел многозначительно, постоял и удалился. Чудак, за что спасибо? Остальные не скупались на похвалы. Четвертый объявил мою книгу зарей новой литературы. Все теперь только об этом и говорят.

5 сентября

Тесье поблагодарил и просил продолжать в том же духе. Посмотрим.

Ну сколько можно писать о своей литературе? Я встал и потянулся. Интересно, удастся ли узнать хоть что-нибудь стоящее из этого дневника? Вернувшись за стол, я стал читать «по диагонали». Замысел новой книги... Ева... размышления об эксперименте... какая-то формула, написанная поперек страницы. Разодранный лист – это, несомненно, последствия моих упражнений с линейкой. Еще одна формула... Очень короткая, но я в ней все равно ничего не

понимаю. Ночной разговор с Катру... О чем говорили, не сообщается. Просто разговор, и все. Ничего не скажешь, подробная информация. Ни малейшего намека на Зрителя. Стихи. Вот так... преобразование физика в лирика. Хотя стихи неплохие. Только расплывчатые. На то они, впрочем, и стихи. «Мечты прекрасной наважденье...» О чем это он? И снова размышления.

5 января

Шинав стал каким-то странным. Теперь я его редко вижу, хотя живем мы бок о бок. Когда встречаемся, он порой косится по сторонам, как будто боится чего-то. Говорит он теперь немного отрывисто. Может, его сменили? Но сомнительно, чтобы новый актер мог быть настолько непроверен. Кроме того, я практически уверен, что это тот же самый человек. Только что-то с этим человеком происходит.

20 января

Если я не ошибся в расчетах, то сегодня – ровно год с того момента, как я попал сюда. Какой мир теперь для меня реальней? А какая личность?

24 января

Надо не забыть побеседовать завтра с Седьмым. Интересные идеи он утром высказывал.

3 февраля

У Шинава точно какие-то проблемы. Еще немного – и придется поговорить с Николь или Катру. Как он сегодня дернулся, когда я его окликнул. Правда, ничего более. Говорил спокойно, тихо. Но в глазах – какое-то затаенное ожидание. Ожидание чего?

6 февраля

Шинав сегодня оборвал беседу на полуслове и ушел. И смех у него теперь нервный. Смеется – и вдруг втягивает воздух в себя с каким-то всхлипыванием, будто икает. А глаза у него совсем не смеются. И еще у него появилась неприятная привычка кусать ногти. Раньше я за ним этого не замечал. Тут вообще ни у кого нет неприятных привычек.

Четкий почерк Пятого вдруг стал неровным.

8 февраля

Это – страх.

10 февраля

Где он? Я не видел его уже два дня. Двенадцатый сказал, что сегодня утром сыграл с ним партию, причем Шинав играл на редкость хорошо. Странно, он вообще-то очень плохо играет.

11 февраля

Надо что-то делать. Шинав спокоен и деловит, но, по-моему, это спокойствие пороховой бочки. Он никогда не был таким собранным. Он всегда был немного рассеянным, мечтательным. А сейчас – сама деловитость. «Как дела? Очень рад. Мне пора идти. Отличную ты книгу написал!»

12 февраля

Ну конечно. Как я сразу не догадался? Его заменили. Это просто другой актер. Но разве можно так резко менять образ? Видимо, ничего лучшего они не нашли. Надеюсь, мой Шинав со временем придет в себя, что бы с ним ни приключилось.

13 февраля

Это по-прежнему он!

14 февраля

До сих пор не могу сжиться с мыслью о том, что произошло. Бедный парень. Конечно, надо идти спать, но завтра утром картина потускнеет. А сейчас это все стоит у меня перед глазами. Сначала был этот ненормальный разговор после ужина. Шинав, стоящий перед моей дверью. Какой-то весь скрюченный, пришибленный. Господи, что он только не нес! «Кто бессмертней – ты или я? Ну, кто? Не знаешь? А надо знать. Они спросят. Они ищут ответ. Ищут. И найдут. На все вопросы будут ответы». А потом: «Я – бессмертный Шинав. Ты – бессмертный Пятый. Он... ха-ха... он – еще один бессмертный. Так? Нет... Не так! Он – обычный. А я нет. И ты не будешь обычным». И этот тихий, захлебывающийся смех. Я видел, что он абсолютно невменяем. И самое жуткое было то, что в своей невменяемости он продолжал оставаться Шинавом. Или почти им. Он не упоминал ни реальный мир, ни свое настоящее имя, ни свое прошлое. Он только нарушал главный запрет, употребляя слово «бессмертный». И еще говорил иногда о «нем». Наверное, так вел бы себя настоящий Шинав, если бы ему объяснили, что такое

смерть и что такое эксперимент. «Помнишь, там, в Первом периоде, мы были другими? Правда? Это была наша юность. А теперь пришел Седьмой период. Последний».

Я пытался его успокоить. Боялся, что нас кто-то увидит. Что, если это будет тот или та, о ком он так настойчиво говорит? До его комнаты недалеко, но как медленно он шел... И все говорил, говорил. «Его шаги мягки и неслышны. И ходит он бесшумно. Он заходит в наши комнаты. Смотрит на нас. А мы не слышим. Ведь мы бессмертны. Ты писатель – ты должен об этом написать. Пусть читают. Седьмой период уже пришел».

Я ощущал, как трясется его плечо. Потом он вдруг остановился, посмотрел мне прямо в глаза и спросил: «Ты думаешь, я – псих?» Я покачал головой. Он как будто о чем-то размышлял. Затем спросил, куда мы идем. Я сказал, что к нему. Тогда он весь как-то обмяк и, словно больной ребенок, прошептал: «Мне плохо». Я довел его до комнаты, подождал, пока за ним закрылась дверь, и пошел к себе.

Николь не удивилась. Они все знали. «Ложись спать, – сказала она. – Тебе надо выспаться». И я лег. А потом ночью она разбудила меня и сказала идти к нему в комнату.

– Пятый, – ласково позвал женский голос.

Я вздрогнул всем телом. Перед моими глазами, как живой, стоял затравленный Шинав, шепчущий дикие слова.

– Пятый? – повторил голос.

Я глубоко вздохнул. Это была Николь. Просто Николь.

– Да, Николь? Прости, я задремал.

– Ты не собираешься идти на ужин?

– Собираюсь.

– Ты себя плохо чувствуешь?

– Нет, все в порядке. Просто писал, писал и задремал. Спасибо за напоминание.

– Не за что. Приятного аппетита.

Весь ужин мне приходилось заставлять себя улыбаться и поддерживать беседу. Раскрытая тетрадь Пятого лежала в спальне и манила меня к себе своими

темными секретами. Но надо было играть свою роль. Наконец, час спустя я добрался до своей квартиры и опрометью бросился к столу.

Когда я зашел к нему, дверь в спальню была открыта. А там уже стояли Адам, Первый и Третий. Шинав лежал на кровати в какой-то странной позе, и в первый момент я подумал, что он мертв. Затем я понял, что он крепко спит. Крепко и спокойно. «Вы должны отнести его в синий тамбур», – сказала она. Мы переглянулись, и я понял, что они все слышат тот же голос.

«Не бойтесь, он не проснется, и по дороге вам никто не встретится». До этого я никогда не носил спящего человека. По-моему, Адам был самым опытным в таких делах. Кто его знает, чем он занимался до этого. Первый предложил взять Шинава за руки и за ноги, но Адам сказал, что нести должны двое, а остальным надо только поддерживать. По-моему, Первый и Третий боялись его брать. Тогда мы с Адамом взяли его под руки. Он чуть не упал, пока мы его поднимали с постели. Мне было не до наблюдений, но я успел заметить, что в комнате стоит невероятный бардак. Там были какие-то растерзанные книги, вещи валялись как попало. И еще над кроватью был странный рисунок. Неумело нарисованный синий глаз, а через него поперек – красная полоса с короткими поперечными линиями. Будто грубо сшитый шрам. Потом мы шли по коридору, и его безвольная влажная ладонь болталась у меня на плече, пока я не прижал ее. Он бессильно висел у нас на плечах, и его ноги волочились по полу. Синий тамбур был недалеко, наверное поэтому они его выбрали.

15 февраля

Вчера пришлось идти спать, чтобы не выбиваться из режима. После того как мы зашли в тамбур, туда набилась целая толпа. Они забрали Шинава, положили на носилки и унесли. А нам сказали остаться. Мы сидели и почти не смотрели друг на друга. Вообще в тамбурах всегда стоит один стул, но сюда они принесли еще три. Потом пришел Тесье. Как всегда спокойный и самоуверенный. Сказал, что у Шипава случилось психическое расстройство, нервный срыв. Что они давно об этом знали, но нечем было его заменить. Что они допустили ошибку, затянув это так надолго. Благодарил за оказанную помощь. Разумеется, все это должно оставаться в секрете. Разумеется, нам рекомендуется не думать об этом. И разумеется, несмотря на это досадное происшествие, мы должны снова стать

Первым, Адамом, Третьим и Пятым, как только выйдем из тамбура. Пока он говорил, я все время думал о том, кто из этих троих вколол Шинаву снотворное. Наверное, Адам. Он увереннее всех держался. Но тут Адам сам спросил, каким образом Шинав так крепко уснул, и стало ясно, что он тут ни при чем. Тесье совсем не удивился, видимо, ожидал подобного вопроса. И очень внятно объяснил, что во все спальни проведены трубки, через которые можно пустить усыпляющий газ. Именно на случай подобных критических ситуаций. Он очень сожалеет о том, что сегодня пришлось воспользоваться этим средством, но у них не было выхода. Газ абсолютно безопасен для здоровья, и через шесть-семь часов Шинав проснется как ни в чем не бывало. Мы проглотили эту пилюлю, но думаю, что радости это сообщение не вызвало не только у меня. А потом он попрощался, и мы ушли. И снова стали Первым, Адамом, Третьим и Пятым.

На этом запись о происшествии заканчивалась. Я поднял голову и посмотрел по сторонам. Где-то в этой комнате скрывалось невидимое отверстие, через которое в любой момент мог пойти усыпляющий газ. А может, не только усыпляющий. В любую секунду меня могли грубо выключить, словно ненужный электроприбор. Мир вокруг мгновенно стал чужим, враждебным, гнетущим. Мне представилась громада этого здания, пронизанная трубами и проводами, нашпигованная подслушивающей аппаратурой, камерами, датчиками. Огромная машина, существующая ради одного-единственного человека, могущая в любой момент раздавить и смять любого, находящегося в ее необъятных недрах, подвластная мановению пальцев своих бесстрастных создателей и операторов. И я – один из человеческих винтиков в этом чудовищном механизме. Сколько винтиков уже сошло с ума? Сколько из них никогда не смогут оправиться после своего «нервного срыва»? Я тряхнул головой и вернулся к чтению.

17 февраля

Шинав задумчив и мил. Как в старые добрые времена. Только это другой Шинав. Но об этом знают лишь четыре человека. Наверное, это первый раз, когда факт замены одного актера стал доподлинно известен другим.

19 февраля

Как далеко может заходить этот контроль? Что еще они могут предпринять

для блага эксперимента? Имели ли они моральное право сначала наблюдать за тем, как человек медленно сходит с ума, а затем усыпить его, как дикого зверя? И где он проснется? В психбольнице? Что ждет его теперь? Какие еще секреты хранит моя комната? Слишком много вопросов. Слишком много.

20 февраля

Хрупкая психика, чрезмерно развитое воображение, постоянная игра, невозможность поговорить по душам, замкнутое помещение без окон, отсутствие природы, солнца, простора. И вдобавок – сознание того, что где-то рядом ходит странное существо, возвращенное на нелепых истинах в этом склепе среди вечного маскарада. Все это, сложившись и перемножившись, повлекло за собой срыв. Да, его жалко. Но какое отношение жалость имеет к эксперименту? Если бы люди, стоящие за ним, позволяли себе такую роскошь, как жалость, то теория никогда не стала бы практикой. Ведь как ни крути, а это эксперимент над человеческим существом, не дававшим никакого согласия на свое участие. И если я приемлю саму идею эксперимента, то я должен точно так же считать их действия в случае с Шиновом разумными и оправданными. Иначе это лицемерие. Либо я согласен с тем, что такая цель оправдывает такие средства, либо нет.

Он был совсем не так прост, мой предшественник. Я перевернул страницу. Ну вот. Только этого мне не хватало. Два, нет, три листа были беспощадно выдраны. Кусочки бумаги сиротливо топорщились между страниц. Я бесцельно провел по ним пальцем. Что было на этих страницах? Зачем он вырвал их? И он ли? Слишком много вопросов.

22 февраля

Стал обдумывать «Историю троих». Работа – лучшее средство против хандры. Название, конечно, придется изменить.

24 февраля

Катру не прав. Мне такой подход представляется в корне неверным.

26 февраля

Странно, но из многих вещей, оставшихся за порогом, так часто вспоминается музыка. Жаль, что они решили не развивать ее. Хотя причины понятны. Это стихия, которую слишком сложно контролировать. Случайный тревожный аккорд может вызвать такие эмоции, которые напомнят о смерти и

боли лучше, чем самый талантливый рассказчик. Живопись и литература в этом отношении вполне могут сравниться с музыкой, но их гораздо легче держать под контролем. И все-таки жаль.

5 марта

Опять брали кровь. Что-то в последнее время они зачастили. Хоть бы придумали какое-нибудь новое объяснение. Профилактика насморка уже несколько приелась.

15 марта

«История» продвигается быстро, не в пример моим первым попыткам. Такими темпами я закончу ее за два-три месяца.

Забыв о своем первоначальном намерении узнать имя Зрителя, я вчитывался в ровные строчки. После истории с Шинавом мне хотелось найти все крупницы информации, рассыпанные по этим запискам. Однако на страницах дневника царило спокойствие. Пятый писал о своих замыслах, работе, общении. Изредка появлялись его наблюдения за окружающим миром, но ничего нового или важного для себя я в них не находил. Драматические сцены ограничились выносом тела.

Шелестели страницы. Пятый размышлял об эксперименте. Определившись в своем отношении к его моральным основам, он думал о возможных результатах, об их последствиях. Его мысли были холодны, взвешены, порой циничны. Он допускал, что в случае удачи результаты эксперимента будут засекречены больше, чем само исследование. Он сомневался в том, что этот институт – единственный. Он прикидывал, сколько денег должно было стоить это мероприятие и кто мог являться потенциальным спонсором. А после этого он вновь возвращался к вопросу, который волновал его все сильнее и сильнее: удастся ли эксперимент?

К середине третьего года он выпустил четыре книги, был в хороших отношениях с Катру и спокойно смотрел в будущее, ожидая окончания срока, предусмотренного контрактом. И он упорно не упоминал имя Зрителя в дневнике, ограничиваясь словом «кролик».

10 августа

Мой потенциальный последователь очень самоуверен. «Разумеется, я сдам

экзамен с первой попытки». В мою бытность такую уверенность не демонстрировал даже наш отличник. Хотя в логике ему не откажешь. Три часа подряд старался выведать все о моих пристрастиях, связях и распорядке дня. Он действительно верит в то, что через месяц окажется на моем месте. Но несколько слов, которые он произнес в течение беседы, ставят его готовность под сомнение.

11 августа

Встретился со вторым кандидатом. Полная противоположность конкуренту. Смесь наивности и любопытства. Единственный вопрос: «А зачем все это надо?» Приятный парнишка, но шансы его невелики. Вместо того чтобы попытаться узнать о моих привычках и жестах, потратил все время на бессмысленный перекрестный допрос. Впрочем, первый мне понравился еще меньше. Да победит сильнейший.

Встретить себя на этих страницах я никак не ожидал. «Смесь наивности и любопытства». Лестный отзыв, ничего не скажешь. Хотел бы я поговорить с тобой сейчас. Думаю, что с тех пор мои приоритеты немного изменились. Впрочем, изменились ли?

15 ноября

Вышли «Два дня». Пятая книга, она же последняя. Скоро в этой комнате будет сидеть другой человек, отзывающийся на то же имя. Я же тем временем буду привыкать к своему старому имени и сотням вещей и понятий, от которых давно отвык. Буду искренне общаться, дышать свежим воздухом, посещать всевозможные заведения, читать настоящие книги, смотреть на солнце. Интересно, кто сейчас премьер? С поиском работы можно не торопиться. Денег хватит. Может, поеду путешествовать. Лучший способ вспомнить тот мир – это объехать его. А по дороге буду писать книги от имени Пятого. Гонорары будут, наверное, приличные. Впрочем, гонорары в данном случае не самое главное. Слишком много идей накопилось за это время. Жаль, если они так и не будут реализованы. «Поиск» и «Четвертый вопрос» надо обязательно написать.

20 ноября

Катру говорит, что раньше, чем через полтора-два месяца, я отсюда не выйду. Кандидаты продолжают изощряться в способах провала экзамена.

Умник. А сам ты с какого раза сдал? Снова стихи. Ожидание выхода. Какие-то имена, выписанные столбиком. Записи становятся все более редкими и скудными. И наконец...

9 января

Завтра я уйду. Три года, пять книг, которые мне никогда не придется опубликовать, и воспоминания на всю жизнь. Что бы ни произошло со мной в будущем, я всегда буду помнить эти годы. Так, наверное, Алиса, став взрослой, помнила свои детские приключения. По странности это место не уступает Стране Чудес. И тут тоже есть свой кролик. Завтра я выползу из норы и, как сова, начну щуриться от солнечного света. Завтра этот мир безвозвратно отойдет в область воспоминаний. Но это завтра. А пока надо придумать, как...

На этом строка обрывалась посередине страницы. Я перевернул лист, затем еще один, еще... Все они были девственно чисты. Машинально я долистал до конца тетради, но не нашел ничего, кроме небрежных росчерков на предпоследней странице. Голос, говоривший со мной из прошлого, умолк.

Я потер глаза. Внезапно навалилась усталость, сделав голову ватной, а веки тяжелыми. Надежды не оправдались. Вместо того чтобы удовлетворить мое любопытство, этот дневник подсунил набор каких-то неприятных неожиданных фактов, оставив после своего прочтения неясное щемящее чувство. Все, что я хотел – это узнать имя Зрителя и, возможно, еще две-три занимательные детали. А достались мне газовые трубы под потолком да нормальный человек, доведенный до сумасшествия. И ни слова, ни строчки, ни намека об имени того, для кого мы все это разыгрываем!

А ведь он знал. Знал с самого начала. Знал каждый день, каждую минуту. Но для него это знание было настолько очевидным, что ему даже не пришло в голову упомянуть имя в своих записях. Точно также он не описывал свою комнату или обстановку в Секции Встреч. Эта информация была слишком будничной, слишком скучной для того, чтобы уделять ей место в дневнике. То ли дело творческие замыслы или впечатления, вызванные бедным шизофреником. Неожиданно для себя я обнаружил, что старое стремление узнать, кто является Зрителем, никуда

не ушло. А ведь уже давно мне казалось, что я выше этого, что меня это не касается и не интересует. Не раз я спокойно думал о том, что никогда не узнаю, кто из окружающих меня людей считает меня Пятым, и с какой-то странной гордостью радовался своему безразличию. Но оказалось, что при первой же возможности все безразличие слетело, как шелуха. Потрепанная тетрадь всколыхнула застарелое любопытство, и желание узнать правду разгорелось с новой силой.

Надо было идти спать. Хмуро зевая, я побрел в душ. Подставив лицо под тугие струи, я думал о своей находке, оказавшейся настолько бесполезной. Мною владело чувство досады. Так ребенок огорчается, разорвав блестящую упаковку подарка и обнаружив вместо долгожданного набора солдатиков скучную книгу. Ну что ему стоило упомянуть это имя? Хоть вскользь, хоть не напрямую. Мне бы хватило и тонкого намека. Хватило бы? Я вспомнил шелестящие страницы, абзацы, мелькающие перед глазами, свою торопливость и нетерпение. Какое там чтение между строк – я даже толком не читал многие строки. Как гласит старая китайская пословица, «трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если не стараться ее найти». Или «...если ее не искать»? Нечто подобное. Но смысл один и тот же. Так что расстраиваться рано. Сначала надо по-настоящему прочесть дневник. Именно прочесть, а не просмотреть. Не может быть, чтобы он не обмолвился об этом ни словом за три года наблюдений.

И утром я начал читать заново. Благо подозрений мое уединение не вызывало – ведь это был официально одобренный творческий запой. На этот раз процесс чтения был иным. Я не позволял себе пропускать ни одной строчки, ни единого слова. Но – напрасно. И нельзя сказать, чтобы мое внимание совсем не было вознаграждено. Обнаружилось несколько весьма примечательных фактов, упущенных во время гонки по страницам. Было, например, любопытно узнать, что Пятый встречался с Катру – и не раз, и не два. Хотя о чем они говорили во время этих встреч, осталось неясным. И характеристики актеров оказались не такими уж скучными, а даже скорее наоборот – весьма поучительными. И довольно странные детали, такие как внезапно появившаяся и неделю спустя так же внезапно исчезнувшая бессонница, щекотали воображение. Одного лишь не было на этих страницах: имени или намека на пего. Только невинное и раздражающее своей безликостью слово «кролик» выскакивало то тут, то там.

Дойдя до сцены с выносом тела, я хотел перескочить ее целиком, так как очевидно было, что в это время Пятому было не до Зрителя. Но, решив быть последовательным, все-таки начал читать. И вновь тяжесть этого вечера передалась мне через короткие скупые фразы. Я как будто своими глазами видел нелепую, странно согбенную фигуру Шинава, темнеющую у моей двери. Я будто сам слышал его горячечный шепот: «...пришел Седьмой период. Последний...» И я тоже боялся, чтобы мы не попались на глаза тому или той, о ком он так навязчиво говорит... Что?! Еще не веря, отказываясь верить в абсурдность этих слов, я еще раз перечитал их. Потом еще раз. И еще. «Я пытался его успокоить. Боялся, что нас кто-то увидит. Что, если это будет тот или та, о ком он так настойчиво говорит?» Как это – «тот или та»? Это что – попытка иронии? Намек на то, что он такой женоподобный? Или на то, что она такая мужеподобная? Нет, в этот момент Пятому было не до иронии. Значит...

Все странности и непонятности этого дневника сложились вдруг в одну четкую и ясную картину. И пословица вдруг выскочила из глубин памяти, будто только ждала удобного случая. «Трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно... если ее там нет». За три года Пятый не упомянул имя Зрителя по одной простой причине. Он его не знал.

Глава одиннадцатая

Некоторое время я бессмысленно смотрел в стену невидящим взглядом. Знание, которое я с таким нетерпением искал, пришло, но пришло вывернутое наизнанку, сделав черное белым, а белое черным. Пятый не знал Зрителя. Ему было известно не больше, чем мне. Неожиданно в памяти всплыл Тесье и его слова: «Ваша группа должна заменить последних людей, которым известен этот человек». Ложь! Предыдущее поколение тоже не знало этого человека. Вот передо мной лежит немое, но такое красноречивое доказательство их незнания. Но зачем? С какой целью понадобилось внушать нам, что именно с нас начинается эпоха засекречивания?

Сдерживая эмоции и стараясь избегать скороспелых выводов, я выстраивал цепочку рассуждений. Мне было сказано, что Зрителю недавно исполнилось двадцать пять и что в течение трех-четырех лет можно будет определить, стареет

ли его организм. Кроме того, меня пытались уверить в том, что личность Зрителя не являлась тайной для моего предшественника. На самом же деле меня обманывали. Предыдущему Пятому загадочный подопытный тоже не был известен. Следовательно, три с лишним года назад он уже выглядел как двадцатипятилетний, иначе его личность было бы невозможно скрывать. То есть тогда ему было двадцать два, сейчас ему двадцать пять, и для двух поколений актеров он неизвестен. В этом нет ничего странного, некоторые люди в свои двадцать два года выглядят старше, чем другие в двадцать шесть. Хороший вариант? Хороший. Красивый? Еще какой красивый. Только маловероятный. Даже слишком маловероятный. Если бы дела обстояли именно так, что мешало Тесье сказать мне правду? Однако он очень четко дал мне понять, что в режим секретности они стали переходить лишь год назад и что Зритель известен человеку, которого я сменю. Значит, у него была причина нагромождать эту ложь. Должна была быть. Такие как он ничего не делают без хорошей причины. А с хорошей не останавливаются ни перед чем. Что-то он хотел от меня скрыть. Причем в отличие от ситуации с именем подопытного хотел это сделать так, чтобы я не догадывался о самом существовании секрета. Это уже какой-то абсолютно другой уровень секретности. «...Тайна сия велика настолько, что даже знать о ней не пристало непосвященным». Но что он скрывал? Что стало бы мне ясно, если бы я знал, что Шеналю тоже не был известен Зритель? Точнее, что должно мне стать ясно сейчас, после этого нечаянного открытия? Что-то очень важное, что-то касающееся самой сути эксперимента... Что же это? Что? Возраст! Истинный возраст Зрителя.

Я вскочил и стал возбужденно мерить шагами комнату. Зрителю не двадцать пять. Иначе мне бы не ввали. Он должен, обязан быть старше. На сколько? На год? На два? Нет, оперировать надо трехлетними сроками. Значит, на три года. Или на шесть? Создается слишком много версий. А есть ли между ними существенная разница? Нет, конечно же, нет. Все сводится к двум вариантам. В первом из них Зрителю исполнилось двадцать пять три-четыре года назад, и примерно тогда же его личность стали скрывать от актеров. В этом случае я – первый Пятый (вот ведь нелепое словосочетание), которого обманывают. Если дела обстоят действительно так, то совсем скоро, может быть, в течение нескольких месяцев, мои тюремщики выяснят, стареет ли Зритель. Звучит

заманчиво. Но не так заманчиво, как второй вариант. Что, если они обманывали и моего предшественника? Что, если Зрителю уже за тридцать? Что, если дикий, нелепый, невероятный эксперимент уже удался?!

На меня нахлынул мощный поток мыслей и чувств. «Удалось! Удалось!» – радостно кричал внутри какой-то тоненький голосок. «Не может быть. Тут что-то не так», – осторожно возражал ему здравый смысл. Все эти месяцы, начиная с того момента, когда Тесье открыл передо мной тайну института, я подсознательно верил в то, что эксперимент провалился задолго до своего начала. Несмотря на холодную уверенность исследователей, теория, положенная в его основание, представлялась мне в высшей степени наивной. Послеоперационный разговор с Катру притупил мой скептицизм, но не смог поколебать недоверие, вызываемое самой идеей этого масштабного опыта. Еще вчера, читая записки Пятого, я немного удивлялся тому, как во всех отношениях логически мыслящий человек мог серьезно задумываться об исходе эксперимента. А сегодня именно благодаря этим записям я получил гораздо больше почвы для сомнений, чем их автор. Неужели этот безумный замысел принес реальные плоды? И по этим залам ходит бессмертный человек? Или, по крайней мере, человек с замедленным старением. И каждый день я, возможно, беседую с ним. Да сколько же ему лет? Тридцать? Тридцать пять? Сорок? Или все сто?

Мне вдруг вспомнились старинные книги в кабинете Тесье. И, словно сорвавшись с привязи, воображение понесло меня галопом против течения времени, отсчитывая год за годом, перескакивая одно десятилетие за другим, назад, в глубь веков. Там, в полутемном подвале, при мерцающем свете факелов, отбрасывая причудливую пляшущую тень на закопченную стену, какой-нибудь Роджер Бэкон или Леонардо да Винчи писал: «Вырастить же бессмертного отрока можно, не поведав ему о неминуемой кончине с момента появления его на свет божий...» А может, это мрачный и гениальный генерал ордена иезуитов, оторвав свои помыслы от Железной Маски, отдавал приказ начать опыт по выведению бессмертного человека в одной из тайных лабораторий? И, передавая свое знание от поколения к поколению, старея и умирая вокруг своего вечно юного создания, сотни ученых копили опыт и хранили страшную тайну. А их агенты рыскали по всей Европе в поисках подходящих актеров, словно жрецы, ищущие новые

жертвы для своего ненасытного божества. Мне стало жутко.

А затем я чуть не рассмеялся. Ну какой да Винчи? Какие иезуиты? А пластические операции? А ди-намики, вживленные всем актерам? А камеры? А, наконец, все медицинские исследования, проводимые над Зрителем? Разумеется, ни о каких столетних опытах и речи быть не может. Даже если эксперимент и удался, то начат он был тридцать, ну максимум сорок лет назад. До этого времени не существовало ни медицины, ни техники, требующейся для осуществления этого грандиозного замысла. Хотя идея могла возникнуть и раньше.

Эти соображения направили мои мысли в новое русло. Если предположить, что первая стадия опыта удалась, то со временем будут достигнуты и какие-то практические результаты. Но может быть, не «будут», а «были»? Что, если первое поколение препаратов уже существует? Не фантастические эликсиры, доставшиеся по наследству от прапрабабушки, не средство Макропулоса, а реальные, научно синтезированные лекарства, способные замедлять или останавливать процессы старения. Несомненно, даже если они и существуют, им еще очень далеко до совершенства. Несомненно, их будут еще не один год испытывать на лабораторных животных. И несомненно, нельзя рассчитывать на то, что они появятся в открытой продаже. Но они реальны! Я прикрыл глаза, чувствуя, как невидимый груз медленно сползает с плеч. Его присутствие не ощущалось до этой минуты, до того момента, когда я понял, что мой срок, возможно, продлится дольше, чем восемьдесят, от силы сто лет. Никогда прежде не казался мне этот срок таким кратким, как сейчас. Мы привыкли смиряться с тем, что считаем неизбежным, но только до тех пор, пока нам не показывают, что мы ошибались и неизбежного можно избежать. Я чувствовал себя как слепец, увидевший свет, как осужденный на казнь, которому даровано помилование. Кто знает, сколько дополнительных лет сможет подарить мне эта бесцветная жидкость (почему-то препарат виделся именно таким). Но сколько бы их ни было – это отсрочка, которой я постараюсь хорошо воспользоваться. Сколько дел я смогу еще сделать, сколько ощущений испытать! Я ощущал пьянящий прилив энергии. Как мал, как унижительно мал срок, отпущенный природой. Человек только успевает накопить знания, опыт, желания, только входит во вкус жизни и тут же попадает в руки безжалостной старости. И смерти. И хотя мы притворяемся на благо эксперимента, что забыли об этом простом факте, на

самом деле забыть об этом нельзя. Но теперь, теперь все будет иначе. Все должно быть иначе. И мне уже чудилась вечная молодость и вечная радость, которую она принесет.

– Пятый?

Я вздрогнул, возвращаясь к реальности.

– Ты решил сегодня пропустить обед?

– Нет-нет. Я иду.

– Снова увлекся творчеством?

– Угу.

– Как идет? Хорошо?

– Да так себе. Честно говоря, не особо, – промямлил я, с тоской думая о более чем скромных результатах своей литературной деятельности.

– Ну старайся, старайся. У тебя есть еще несколько дней.

– А продлить срок нельзя?

– Извини, но на это тебе лучше не рассчитывать, – сказала Николь без тени жалости. – Если ты принимаешь свои книги так близко к сердцу, тебе надо было подумать об этом раньше. У нас график.

Идя в Секцию Трапез, я смотрел по сторонам и заново переживал покинувшее меня ощущение новизны. Эта необыкновенная для нормального человека обстановка давно стала обыденной, карикатурный уклад жизни успел превратиться в быт. Не плохой, не хороший, а просто до скуки привычный быт. Но теперь он больше не заслонял дерзкое и масштабное исследование, для которого был создан. И хотя согласно моим же собственным рассуждениям эксперимент имел еще все шансы провалиться, мне больше не удавалось быть таким абсолютным скептиком, как раньше. Напротив – теперь нужно было прилагать усилия для того, чтобы не впасть в противоположную крайность. Меня распирало глупое желание поделиться тайной. Хотелось влезть на стул и гаркнуть: «Вас обманывают! Вы не первые! Те, кто были до вас, тоже не знали, кто он такой!»

«Интересно, в чем нас еще обманывают?» – думал я, отмахиваясь от глупого порыва и непроизвольно вглядываясь в приветливые лица. За одним из них

скрывался человек, возможно перешагнувший недостижимый для всего человечества рубеж. Живой, реальный человек, в котором, быть может, воплотились тысячелетние мечты всего человечества. Любое из этих лиц могло принадлежать ему. Растворившись в толпе актеров, он был неотличим от них, даже не подозревая об этом. Он жил где-то среди нас – обычных, медленно движущихся к смерти людей, которые давали ему возможность быть тем, кем он был.

В столовой шла бурная дискуссия. Выяснилось, что я отстал от жизни. За время моего затворничества неутомимый Четвертый организовал первый в истории шашечный чемпионат. Состязания должны были состояться через три дня, а пока все общество шумно обсуждало претендентов на победу. Если шансы Двенадцатого на первое место почти ни у кого не вызывали сомнений, то по поводу второго места мнения разделились. Одни считали, что победит Адад, другие склонялись в сторону изобретателя игры Адама. Сходство имен порождало некоторую путаницу в спорах, так как порой оказывалось, что спорщики говорят об одном и том же человеке. Я вспомнил слова Николь: «У нас график» – и подумал, что, возможно, незримые режиссеры решили таким образом скрасить задержку в выпуске моей книги. Взяв порцию, я подсел к галдящим болельщикам, с неудовольствием обнаружив напротив себя Восьмую. Она приветливо кивнула мне и повернулась обратно к моему родителю, находившемуся в центре внимания.

– А я говорю, – вещал Третий, – что Адам не просто займет второе место, но еще и выиграет все партии. Не зря же он изобрел игру. Турнир – это не какая-нибудь послеобеденная партия, тут он постарается.

– Ну, это еще как сказать, – недоверчиво возражал Шинав. – Если он такой сильный игрок, почему же Лия его вчера обыграла? И не один раз, а дважды. Я сам смотрел. А что скажет литература? – обратился он ко мне, заметив мое прибытие.

– А что там говорить, – сказал я, орудуя тупым ножом. – Конечно, победит Адад. Он еще и с Двенадцатым потягается.

– Ну, это еще надо доказать, – протянул Третий.

– Вот турнир и докажет. Хотя это не теорема, а аксиома, – добавил я где-то слышанную фразу.

– Вообще, превосходство в игре – это такая теорема, которую каждый игрок стремится доказать себе и другим, – раздался спокойный голос Восьмой.

Произнося эту странноватую формулировку, она улыбалась, но ее темные выразительные глаза пристально смотрели на меня с каким-то серьезным изучающим выражением.

– Правильно, – радостно согласился Третий, который, как и все остальные, явно не нашел в этой фразе ничего странного. – Каждый игрок. А не только самые лучшие. На то и турнир.

– Да, – неожиданно пошел на попятный Шинав, – на то и турнир. Завтра посмотрим.

Я невнимательно слушал их болтовню и все никак не мог отделаться от впечатления, что Восьмая своей репликой пыталась навести меня на какую-то мысль. Несколько раз я посматривал на нее, но она больше не поворачивалась в мою сторону и, казалось, была всецело поглощена беседой. «Что имелось в виду?» – думал я, наблюдая за тем, как она задумчиво слушает очередные соображения Третьего. Теорема, которую доказывают себе и другим... Звучит знакомо. И как-то неуловимо состыкуется с моей собственной фразой. Может, это известные слова из книги? Или фильма? И, дополняя мое высказывание, Восьмая пыталась загнать меня в новую ловушку? Скажем, рассчитывала на то, что я увлекусь, начну цитировать дальше и бодро нарушу запрет, даже не заметив этого. Ведь цитирование любой книги из той жизни рано или поздно должно привести к нарушению основных правил нашего этикета. И людей вокруг немало. Хотя это обстоятельство как раз ничего не значит. Впрочем, нет, конечно, значит: ведь ошибись я в их присутствии, на меня поступило бы сразу несколько доносов. Выходит, ловушка? Что, милая, хотелось выкопать мне яму и сразу же туда спихнуть? Ну что ж, неплохая попытка. Совсем неплохая. Да вот беда – не помню я, откуда эти слова. Соответственно, продолжить фразу и свалиться в яму не могу. Рад бы помочь, но не имею такой возможности. Разве что кто-нибудь другой придет на помощь. Стоп. А ведь кто-то другой действительно мог помочь.

Ну-ка еще раз, по порядку. Почему я думаю, что Восьмая строила мне западню? Потому что она так странно посмотрела на меня, говоря об этой «теореме». Но ведь если это известная цитата, то не только я, но и любой из присутствующих мог ее неосторожно подхватить. Значит... Значит, имеем

несколько вариантов. Либо ловушка не была предназначена персонально для меня, а являлась некой волчьей ямой – кто попадет, тому и рады. Спрашивается, зачем в таком случае нужно было смотреть именно на меня? Либо я наконец-то развил в себе серьезную манию преследования, и мне вообще все это померещилось. И взгляд, и подтекст – все. Либо она считала, что я единственный, кто знает эту фразу. Но тогда эти слова не могут быть цитатой.

Пока я все больше и больше запутывался в своих рассуждениях, общество расходилось. Некоторые направились в Секцию Встреч, кто-то сообщил, что пойдет вздремнуть, остальные прощались и уходили, не рассказывая о своих планах. Удалились, продолжая вновь разгоревшийся спор, Шинав с Третьим. Беседуя с женой изобретателя шашек, ушла Восьмая. Махнув мне на прощание, их догнал Четвертый. Я проводил его взглядом и подумал: «А ведь точно, как в старые добрые времена. Восьмая, Четвертый, Пятый. Десятого, правда, тут нет, но он должен быть где-то неподалеку». Здесь все неподалеку. Если бы я не знал, что Мари и Поль не прошли экзамен, то мог бы вообразить, что это они идут по Секции Трапез. Но они экзамен не сдали.

И тут во мне шевельнулось сомнение. «Нет, – сказал я себе, – это невозможно. Абсолютно невозможно». Разумеется, они провалились. Мне это хорошо известно. И все же, и все же... Откуда изначально появилась у меня эта непоколебимая уверенность в их провале? Так сказала Николь. Милая, хорошая Николь. Если бы мне это сообщил Тесье, я давно бы поставил под сомнение правдивость такого утверждения. Ну если бы не давно, то по крайней мере сейчас, после прочтения дневника. Теперь-то я знаю, как хорошо тут умеют дезинформировать. Однако так как эта информация исходила от Николь, да еще и при достаточно явном неодобрении Тесье, у меня не было причин сомневаться в ее достоверности. Николь всегда относилась ко мне хорошо. Николь не стала бы врать. Николь вообще пошла на прямое нарушение своих обязанностей, спасая меня во время разговора с Эмилом. И все же – что, если в тот день она меня обманула? Даже не она, а они. Хорошо продумали, подготовились и очень убедительно разыграли сценку под названием «Ах, какая жалость». Это потом уже она, узнав меня поближе, стала мне помогать. А тогда ей просто приходилось действовать в соответствии с указаниями Тесье. И ничего плохого она в этом, наверное, и не видела. На благо эксперимента делаются вещи и посерьезнее. Да

им даже не надо было изобретать этот трюк. Старый как мир подход – «плохой следователь, хороший следователь». Но ведь я сам задал вопрос о Мари и Поле. Выходит, они предвидели его и заблаговременно подготовились? Хотя, зная меня, предвидеть это было несложно.

Я задумчиво ковырнул вилкой еду и, поняв, что пытаюсь сделать это уже в третий раз, вышел из оцепенения. Вокруг никого не было. Передо мной стояла пустая тарелка. Да, задумался маститый писатель, замечтался. Совсем потерял связь с реальностью. Сердясь на свою несобранность, я, пожалуй, более эмоционально, чем следовало, выкинул посуду и пошел к себе. Радужные мысли, владевшие мной пару часов назад, как-то поблекли. Их заслонило это новое подозрение, которое не давало думать ни о чем и ни о ком, кроме Мари.

Два дня протекли как в тумане. Вначале я пробовал писать, но после нескольких часов бесплодных попыток понял, что в таком состоянии ни о какой литературной деятельности не может быть и речи. Пытался размышлять об эксперименте и его вероятном успехе, но бросил и это. Восьмая приковывала к себе все мои мысли. Вновь и вновь я возвращался к одному и тому же вопросу: а что, если это действительно она? Все ее взгляды, слова, действия – все то, что я считая проявлениями коварства и плодами черных замыслов, обретало теперь совсем другой смысл. Она не искала мои промахи – она хотела понять, кто скрывается под маской Пятого. Она не расставляла мне ловушки – она пыталась намекнуть о себе. Она не была удачливой конкуренткой – она была самой Мари! Я вызывал в памяти каждый разговор, каждую мелочь и не находил ничего, что противоречило бы этому простому утверждению.

Я забыл обо всем. Драгоценный, бесценнейший дневник Пятого был небрежно брошен в ящик и подвергнут забвению. Что значил он по сравнению с одной мыслью о том, что Мари живет чуть ли не в соседней комнате. Неужели каждый день я разговаривал с ней, считая, что говорю со злобредной незнакомкой? И пока она раз за разом пыталась сказать мне о своем присутствии, я с упрямством истинного параноика видел в ее попытках одну лишь угрозу? Такие мысли доводили меня до того, что в какой-то момент я был готов наплевать на все и отправиться к Восьмой с четким и недвусмысленным вопросом. Однако здоровое сомнение брало верх. А что, если я ошибаюсь? Ведь

даже сейчас ее поведение можно продолжать истолковывать как коварное. Все факты отлично поддаются любому из двух противоположных толкований. Тогда, придя к ней с таким вопросом, я собственными руками разорву свой контракт. Хорошо героям любовных романов: им всегда сердце подсказывает правильное решение в сложных ситуациях. Думать этим счастливицам приходится относительно редко, и, как только заходит речь о серьезном вопросе, им достаточно прислушаться к голосу этого органа – и дело в шляпе. Мое же сердце лишь равнодушно билось, оставляя привилегию принятия решений весьма одуревшему от своих выводов мозгу.

При встречах с Восьмой мне приходилось собирать всю выдержку, чтобы ничем не выдать своего волнения. Иногда мне казалось, что я узнаю Мари, ее голос, ее жесты. Но в следующий момент наваждение проходило, и передо мной снова оказывалась та хитрая и вероломная женщина, от которой не приходилось ожидать ничего, кроме подвоха. Я чувствовал, что долго так продолжаться не может. Мне было необходимо узнать ответ на свой вопрос.

– Мольберт? Картина?

– Нет, он имеет в виду большую книгу!

– Книги не бывают таких размеров.

– Тогда что это?

– Не знаю, но только это не книга.

– Дверь? Я угадал – это дверь!

– Почему ты так думаешь?

– Он кивнул.

– Он не кивал.

– Нет, кивнул. Первый, правда, ты кивал?

– Видишь, он качает головой.

– Но я точно видел, что он кивал.

– Какая разница, кивал или нет, если сейчас он это отрицает?

– Первый, зачем ты кивал?

– Это полка?

– Зачем ты кивал?

– Первый, перестань нас мучить. Что ты пытаешься показать?

Разделившись на две команды, треть населения мира коротала время за нехитрой игрой. Игрок должен был показать своим товарищам фразу или слово, загаданное ему командой противников. Сложность заключалась в том, что слова надо было именно показывать, то есть говорить категорически запрещалось. Первый, который был не особо силен в этой игре, уже довольно долго запутывал свою команду, рисуя в воздухе какой-то загадочный прямоугольник. В другое время я бы немало позабавился: эти бедняги просто сходили с ума, пытаюсь понять, что имеет в виду их неуклюжий товарищ. Но сейчас мне было не до забав. Рядом, весело заливаясь смехом, сидела Восьмая. Вдруг она замолчала, как бы прислушиваясь к чему-то, а затем засмеялась опять, но теперь как-то сдержаннее. «Меньше эмоций», – вспомнил я.

Желание узнать правду кипело и не находило выхода. Я перебирал один способ за другим, но все они казались слишком опасными или недостаточно хорошими. Как дать ей понять, кто я такой? И как узнать, кто она такая? Как ни изощрены были вопросы, приходившие мне в голову, ни один из них не был достаточно хорош. Нужен был намек, который могла понять лишь она, нужен был ответ, который не мог дать никто другой.

Тем временем благодаря титаническим усилиям Первого (или, скорее, несмотря на них) противники догадались, что прямоугольник должен был обозначать зеркало.

– Еще немного – и они разгадают все предложение, – обратилась ко мне Восьмая, отвлекаясь от зрелища. – Надо бы подумать над следующей фразой. Есть идеи?

Она вопросительно перевела взгляд на сидевшего слева от меня Четырнадцатого.

– Ваша очередь думать, – отозвался тот. – И так две последние фразы предложил я. Теперь мне пора отдохнуть.

И решение неожиданно пришло само собой. Вспоминая давнюю-давнюю беседу в уютном кафетерии и внутренне напрягаясь, я выговорил:

– У меня есть одна – «Не поработав, нельзя отдохнуть». Как тебе?

Восьмая посмотрела на меня с улыбкой.

– Неплохо, но, по-моему, слишком легко, – ответила она без малейшей задержки. – Только слово «поработав» будет несколько сложно показать. Но в

целом они с этим справятся быстро.

Я перевел дух. Все, это не она. Конец наваждению. И надеждам.

– Слишком просто, – авторитетно подтвердил Четырнадцатый.

«Тебя-то кто спрашивает?» – мысленно огрызнулся я.

– А что вы скажете о таком варианте, – спросила не-Мари, смотря на него, – «Чтобы переварить знания, надо поглощать их с аппетитом»?

– Для моего вкуса немного заумно, – донеслось слева, – а впрочем, сойдет. В этих словах что-то есть. Пятый, а ты что думаешь?

Пятый повернулся к Восьмой.

– Мне нравится, – одобрительно сказал он. – В меру сложно и изящно. Я ждал от тебя чего-то подобного. А потом мы еще им загадаем «Аппетит приходит во время еды».

– Не-е... – протянул Четырнадцатый, – это будет слишком очевидно. Не стоит.

– Не стоит, – с улыбкой согласилась Восьмая. Пятый беззаботно пожал плечами.

– Да я просто пошутил. Конечно, эти фразы слишком связаны одна с другой.

А внутри Пятого с дикими радостными криками носился Андре.

В эти дни я понял, что имел в виду человек, который первым сказал «душа поет». Моя душа не просто пела – она заливалась радостными трелями, позабыв обо всем, что волновало ее совсем недавно. Даже неоценимое открытие, пришедшее со страниц дневника, не вызывало теперь ни малейшего интереса. Зрителю больше чем двадцать пять? Ну и что? Нас обманули? Ну и что? У них, может быть, есть практические результаты? Ну и что с того? Мне еще нет тридцати. И неподалеку живет Мари...

Я и сам не предполагал, до какой степени успел влюбиться в нее. Она была здесь. Она была рядом. Она пыталась распознать меня, следовательно, я был ей небезразличен. Стоило мне подумать об этом, как на моем лице начинала возникать беспричинная для окружающих улыбка. К счастью, малообоснованными улыбками тут никого нельзя было удивить. Казалось, ничто не могло омрачить эту бьющую через край радость.

За три дня я повстречался с Мари лишь несколько раз, но ее образ не

покидал мое воображение ни на минуту. Порой я не мог понять, вспоминается ли мне ее прежнее или нынешнее лицо, но даже не пытался разобраться в этом. Мельчайшие детали возникали в памяти и напоминали о ней. Смех, тонкие пальцы на моей руке, задумчивый взгляд, мимолетный поцелуй в коридоре. Она приходила в мои мысли с утра и оставалась в них до того момента, когда, ведя с ней мысленную беседу, я засыпал. А на следующее утро я поднимался с одной-единственной целью – провести как можно больше времени с ней. Если мне не представлялась возможность поговорить, я старался хотя бы слышать ее голос. Если, не вызывая подозрений, нельзя было сделать и это, я прикладывал все усилия для того, чтобы хотя бы увидеть ее. Теперь мои дневные маршруты всегда увеличивали шансы на нашу встречу; места, которые я занимал, теперь всегда повышали вероятность того, что наши глаза встретятся. Это была томительная и сладкая одержимость.

И в то же время я старался быть предельно осторожен, понимая, что, находясь в таком состоянии, могу легко навредить не только себе, но и Мари. Достаточно было забыть на мгновение, для того чтобы совершить непоправимую ошибку. Встречая Восьмую, я был Пятым и никем иным. Я не позволял себе улыбаться радостней или беседовать дольше, чем месяц назад. Как в былые времена, я обдумывал каждое слово, контролировал каждое движение, каждый жест. Порой было очень сложно заставить себя оборвать разговор, грозивший затянуться, но приходилось идти на это. Еще сложнее было, кивнув, пройти мимо якобы по своим делам.

Наши разговоры казались мне воплощением двусмысленности. Любой фразой я пытался сказать ей: «Я так скучал по тебе. Ты нужна мне. Я люблю тебя». Но мои средства были скупы, и, несмотря на все усилия, у меня не получалось выразить все свои мысли.

- Ты ведь знаешь, что я работаю над книгой?
- Да, Пятой.
- Я не очень доволен тем, что написал в последнее время.
- Почему?
- Мне кажется, что я уделяю недостаточно внимания моей главной героине.
- Ты бы хотел посвятить ей больше страниц?
- Я бы хотел посвятить ей все страницы, но, будучи писателем, я не могу это

сделать. Мне надо уделять внимание другим действующим лицам.

– Я понимаю.

– Ты понимаешь?

– Да, я думаю, что хорошо понимаю, о чем ты говоришь.

– Это как бы конфликт личных пристрастий и законов жанра.

– Ничего страшного. Ты справишься.

– Надеюсь. По крайней мере, со временем. Ладно, я пошел. До встречи.

– Увидимся.

И мы расходимся, приветливо улыбнувшись друг другу. Вечером, придя домой, я восстанавливал в памяти наши разговоры. И каждый раз в них обнаруживался новый смысл, возможно даже тот, который Мари вовсе не вкладывала в свои слова.

Временами я задавал себе очевидный вопрос: а не вызвана ли эта пламенная влюбленность обстоятельствами, в которых мы находимся? Запретный плод сладок, и сложно было вообразить плод, окруженный большими запретами. Возникли бы у меня такие же чувства, не будь мы скованы в своих действиях? Стал ли бы я так же радоваться одному намеку, если бы нам не надо опутывать свои слова паутиной двойного смысла? И не ослабнет ли мое влечение в тот день, когда все препятствия исчезнут? Но каждый раз я приходил к одному и тому же ответу. Да, своей влюбленностью я немало обязан обстоятельствам. Именно они придали ей полноту и силу, которые, возможно, не возникли бы в других условиях. Но теперь, когда это чувство поселилось во мне, оно не уйдет вслед за вылепившими его обстоятельствами. И вновь душа принималось за свое веселое пение.

Однако в эти радостные душевные трели вплетались минорные нотки. Как ни крути, а Мари была для меня абсолютно недоступна. Более того, не существовало ни малейшей надежды на улучшение ситуации. Об официальном разрешении на роман говорить не приходилось. Связи были строжайше запрещены, равно как и любые проявления сексуальности на людях. Наши одежды были свободны и непроницаемы, наши женщины не знали косметики и завивки. Кокетство и флирт совершенно не были знакомы бессмертному обществу. Говорить о сексе было не то что бы неприлично, а неинтересно. Хотя

всем было известно, откуда появляются дети. Просто этому процессу придавалось не больше значения, чем стрижке ногтей. В отличие от нормального человеческого общества, секс не нес на себе ореола наслаждения и двусмысленности. Все аспекты супружеской жизни оставались личным делом немногочисленных пар. Неудивительно, что на фоне этих негласных запретов повсеместное развитие искусств порой представлялось мне какой-то гигантской сублимацией.

Единственной формой связи между мужчиной и женщиной являлся брак. Примечательно, что местное супружество было в буквальном смысле «союзом, угодным небу». Ибо каждый союз заключался по прямому повелению Господа. Без какой-либо видимой причины Всемогущий мог объявить о том, что такой-то и такая-то должны вступить в брак для того, чтобы впоследствии увеличить население мира. Мужчина при этом всегда был старше женщины. Этот деловой подход нес в себе что-то, на мой взгляд, унижительное. Однако этика нашего мира во многом расходилась с моими представлениями, и я, следуя совету Тесье, старался «плевать на обществоведение». Разумеется, в реальности такого принудительного спаривания никогда не происходило. Все существующие браки были заключены в незапамятные времена, и никто не знал, когда Господь пожелает создать новый союз. Никого, впрочем, это и не волновало.

Раньше я иногда задумывался над тем, как бедному подопытному преподавали эту доктрину. Наверное, маленький Зритель вприпрыжку прибежал к маме и спрашивал:

– Мама, а почему вы с папой решили сделать меня?

– Потому что так повелел Господь, – улыбалась она в ответ.

– А как вы узнали об этом? – вопрошал малыш.

– Однажды все люди услышали голос Господа, который повелел нам с твоим папой стать мужем и женой.

– А я тоже когда-нибудь услышу этот голос? – не унимался любознательный ребенок.

– Конечно, услышишь, моя радость, – ласково отвечала мама.

– А кто станет моей женой?

– Та, кого выберет Господь.

– А кого он может выбрать?

– Не знаю, сыночек. Кого бы он ни избрал, она еще не родилась.

– А сколько я буду этого ждать?

– Никто не знает этого. Но тебе не надо торопиться. В этом нет ничего особенного.

Малыш задумывался, а потом задавал маме нелегкий вопрос:

– А почему я должен ждать, пока Господь выберет мне жену? Почему я не могу выбрать ее сам?

«Потому что невозможно раз в три года подбирать женщин, которые будут одновременно хорошими психологами и превосходными актрисами, согласятся спать с тобой, будут неотличимы друг друга в голом виде и при этом смогут абсолютно одинаково вести себя в постели», – с жалостью думала она. Но вслух отвечала:

– Потому что Господь несравнимо мудрее нас. Он лучше знает, что должно происходить в мире. А теперь давай я прочитаю тебе книжку.

Так что мне оставалось уповать либо на голос небес, либо на свою изобретательность.

Несколько дней спустя я сообщил Николь о том, что мои литературные попытки не увенчались успехом. За отсутствием альтернативы я не возражал против публикации своей «рукописи». Моя менторша отнеслась к этому сообщению весьма равнодушно.

– Ты совсем отказываешься от своей идеи или все-таки попробуешь писать? – спросила она.

На фоне последних событий недавняя затея казалась теперь совсем непривлекательной. Уныло корпеть над полными фальши сочинениями, вместо того чтобы разговаривать с Мари? Спасибо, не надо. Однако концепция «творческого запоя» мне понравилась, и я решил не отказываться от такой возможности уединиться.

– Конечно, буду пробовать, – бодро ответил я. – Только надо больше времени. Трудно писать, сестра.

К моему удивлению, пояснять последнюю фразу не пришлось.

– Как хочешь, Серапионов брат, – отозвалась Николь. – Заказ на следующую книгу мы будем давать через три месяца. Если до этого времени что-то напишешь

– дай знать. Желаю удачи.

«Ладно тебе прикидываться, – пробрюзжал я про себя. – Никакой удачи ты мне не желаешь, притворщица». После встречи с Мари мое отношение к мадемуазель Луазо стало весьма прохладным. Вначале я был просто зол на нее за тот спектакль, который она разыграла на пару с Тесье. Затем, когда раздражение немного улеглось, я понял, что обижаться не за что: ведь она просто делала свою работу. Но именно поэтому никаких причин любить ее тоже не было. Вспоминая ситуацию с Эмилем, в которой она, якобы нарушая свои обязанности, пришла мне на помощь, я начал сомневаться в ее искренности. Действительно, разве им было выгодно дожидаться, пока я нарушу запрет? Ну и что было бы дальше? Меня пришлось бы выгонять, следовательно, немедленно появилась бы необходимость срочно искать замену. Лишние поиски, волнения, затраты. Гораздо умнее предотвратить проблему. Только в этот раз вместо кнута использовать пряник. Я этот пряник съем и вместо злости преисполнюсь благодарности. А после этого стану считать милую женщину, протянувшую мне его, своим лучшим другом в этом жестоком мире.

В результате подобных размышлений я пришел к выводу о том, что Николь играет роль милой наставницы, точно так же как я сам играю роль Пятого. Пришлось взвалить на себя еще один образ и начать разыгрывать перед ней недалекого благодарного парнишку. Благо, основные черты этого персонажа всегда были под рукой – достаточно было вспомнить свое собственное недавнее поведение.

– Завтра отнесешь рукопись Двадцатому, – сказала Николь. – Больше тянуть нельзя.

– А каким образом будут распространяться в этот раз книги? – спросил я, осененный внезапной идеей.

Николь задумалась.

– В прошлый раз их просто выложили в Секции Встреч, в позапрошлый была презентация... Пожалуй, нам все равно. У тебя есть какие-то специфические пожелания?

– Я бы предпочел презентацию, – ответил я, стараясь казаться безразличным. – Ты же знаешь, новый стиль мне не особо нравится.

– Пожалуйста, – немедленно согласилась она. – Думаешь скрасить первое

впечатление?

– Попробую, – усмехнулся я в ответ.

Как только микрофон был выключен, я схватил лист бумаги. На этот раз литературный процесс не пугал меня. Опасения вызывал лишь недостаток времени. Мне надо было так много успеть написать.

Книги расходились неплохо. Ощущая себя не то продавцом, не то подписывающей открытки знаменитостью, я сидел за широким столом в Зеленой Секции Искусств и одарял проходящих улыбками и книгами. Справа от меня возвышалась синяя стопка экземпляров.

– Пожалуйста, пожалуйста, – говорил я, раздавая шероховатые томики. – Если у вас возникнут какие-либо комментарии, буду очень рад услышать, обсудить. Пишите прямо на полях, заходите, сообщайте.

– Новая манера письма... – задумчиво говорили читатели, пробегая взглядом первые строчки. – Интересно, интересно.

– Думаю, что попытка не удалась, – сокрушался я, качая головой. – Но книга уже написана, не выкидывать же ее. Следующая должна быть лучше. Впрочем, не мне судить.

Краем глаза я следил за Восьмой. Она разговаривала с Евой в противоположном конце секции и вовсе не торопилась подходить. Больше всего мне хотелось оставить бездарные писания на произвол судьбы и подойти к ней. Но, разумеется, ничего подобного я не делал. Наконец Ева указала рукой в мою сторону, и собеседницы, продолжая разговор, направились ко мне.

– Ну, чем ты нас порадуешь? – спросила праматерь, подходя к столу.

– Новым стилем, – важно ответил я, протягивая ей экземпляр.

– А меня и старый устраивал, – отозвалась она, принимая книгу.

Я улыбнулся.

– Мне, как и всякому художнику, надо экспериментировать. Иначе искусство не развивается. Не только Седьмой имеет такую привилегию.

Ева фыркнула.

– Надеюсь, что твои эксперименты принесут более удачные плоды.

– Кто знает, – сказал я. – Прочтешь – сообщишь свое мнение.

– Не сомневайся, – пообещала она. Улыбнувшись ей еще раз, я перевел

взгляд на Мари.

– Восьмая, ты ведь тоже возьмешь одну, правда?

– Конечно, – кивнула она.

Я подсунул правую руку под книги, сжал стопку между ладонями и, перевернув ее на ребро, поставил обратно на стол.

– Неплохо, – довольно сказал я, осматривая корешки.

– Что неплохо? – поинтересовалась она.

– Половину уже разобрали. Приятно видеть интерес.

– Не скромничай, – ответила Мари, – ты ведь отлично знаешь, что твоих книг все ждут.

Я изобразил смущение.

– Так уж и все. Думаю, что некоторым они не особо интересны. Ладно, о чем это мы? Вот, держи, – и я подал ей крайнюю книгу справа. – Буду рад комментариям.

– Не думаю, – сказала Ева, которая за это время успела что-то прочесть. – Мои комментарии тебя вряд ли обрадуют.

– Критика всегда полезна, – смиренно согласился я.

Два дня спустя Восьмая вручила мне за завтраком книгу.

– Извини, но мне не очень понравилось, – сказала она, глядя мне в глаза. – Я подчеркнула особо неудачные места, но даже если бы они были написаны по-другому, книга осталась бы слабой.

Я взял книгу, стараясь держать ее корешком вниз.

– Спасибо, Восьмая. Постараюсь учесть все комментарии. Но хотя бы что-нибудь тебе пришлось по вкусу?

– Да. Некоторые страницы удались, – с улыбкой ответила она.

Мне стоило больших усилий неторопливо закончить еду, поговорить с Ададом и выслушать критические замечания Шестой. Путь домой был также усеян препятствиями в виде назойливых читателей. В последние дни все стремились поговорить со мной, для того чтобы выразить свое удивление, а то и разочарование. Как и следовало ожидать, с момента выхода книги ни одного хвалебного отклика я не услышал. Спектр отзывов начинался нейтральным: «Повесть как повесть» и заканчивался Евиным: «А ты уверен, что тебе не стоит

подумать о переквалификации?» Но сейчас литературные вопросы волновали меня не больше, чем погода за стенами этого здания.

Зайдя в спальню, я, как обычно, плотно закрыл за собой дверь, глубоко вздохнул и раскрыл книгу. Прямо в середине, в том же месте, куда я вкладывал свое полное нежных слов послание, лежал сложенный лист. Мелькнуло тревожное подозрение о том, что Мари не заметила моего письма и действительно написала комментарии к этому нелепому произведению. Я медленно развернул бумагу. «Дорогой Андре», – гласил лист, покрытый красивым летящим почерком. «Дорогой Андре, я так рада тому, что ты здесь»... Что могло быть лучше, чем стоять и раз за разом перечитывать слова, за которыми скрывалось ответное признание? Только одно. Встреча.

Я полюбил библиотеку. Эта сокровищница знаний содержала в себе все книги, написанные со дня сотворения мира. Ни одно книгохранилище Земли не могло похвастаться подобной полнотой собрания книг. Все, что когда-либо было придумано, записано и издано, располагалось тут, в мудрой тишине, доступное всем и каждому. На стройных стеллажах стояли проза, стихи, критика, научные труды, документальные отчеты – ни одно произведение не было забыто. Все знания и творческие плоды человечества были сконцентрированы в этом помещении. Но за это Секцию Книг мог бы полюбить настоящий Пятый. Моему же сердцу она стала близка из-за других сокровищ, которые изредка появлялись в ее стенах. Я находил в книгах то, чего не вкладывали в них авторы. И для этого не надо было вчитываться в каждое слово или проводить часы, осмысливая особо важную страницу. Достаточно было снять некую специфическую книгу с полки, прийти домой и, дрожа от нетерпения, извлечь скрытую между страниц записку Мари.

В наших письмах было все, что мы не могли высказать лично. Не часто после того как в каждом доме появился телефон, эпистолярный жанр становился столь важным средством общения. «Знаешь, что было самым важным событием вчерашнего дня? – писал я. – Я видел тебя. Ты пересекла Секцию Встреч и исчезла. Но исчезла ты для всех, кроме меня. Никто не знал этого, но на самом деле ты осталась со мной. Я продолжал видеть тебя, слышать твои шаги, вглядываться в твое лицо». Год назад подобные фразы вызвали бы у меня лишь усмешку, а весь

обмен записками показался бы мелодраматичным. Но как ни странно, сейчас эти слова рождались сами собой. И устав от постоянного притворства, я спешил выплеснуть их на бумагу.

Мы старались не рисковать и обменивались письмами достаточно редко. Было очень маловероятно, что за десять минут, прошедшие после того, как рука Мари поставила скучную монографию на полку, кто-то опередит меня и заберет эту книгу из безлюдной библиотеки. Но как ни мал был риск, он все же существовал. Поэтому обмен посланиями случался не чаще чем раз в несколько дней. И каждое письмо лишь увеличивало желание личной встречи.

«Правда, хорошо было бы встретиться? – задал я однажды риторический вопрос. – Не Восьмой и Пятому, а нам с тобой. Хотя бы на пять минут. Перебрал сотни вариантов, но все они слишком рискованны. Эти камеры невозможно обмануть. Я уже готов на то, чтобы попросить разрешения у Тесье». Пять дней спустя, читая ответ, я не поверил своим глазам. «Думаю, что Тесье спрашивать не стоит, – отвечала Мари. – Обманув нас обоих, он достаточно четко показал свое отношение к такой идее. Но, возможно, мы могли бы обойтись и без его благословения. Дело в том, что...»

Я пересекал Секцию Встреч, доброжелательно кивая в ответ на приветствия. В этот послеобеденный час народу тут было немного. Задержавшись на минуту из-за Адада, который напомнил мне о необходимости явиться завтра к нему для очередных проверок, я обогнул улыбающуюся в пространство статую и оказался в коридоре. Здесь мне приходилось бывать достаточно редко. Ничего особо интересного в этих краях не было. Несколько квартир, тамбур да маячащий впереди бледно-розовый простор Секции Поэзии. Ощущая на себе взгляд невидимых камер, я шел, гадая, следит ли кто-нибудь сейчас за моими перемещениями. Обычно я не задавался подобным вопросом, но сегодня у меня имелись причины желать, чтобы моя персона была оставлена без присмотра.

Коридоры и секции просматривались отменно. Камеры были установлены через каждые несколько метров, таким образом, что любая точка пространства была видна по меньшей мере в двух ракурсах. Я выяснил это еще в ту далекую пору, когда, привыкая к новой внешности, сам следил за обитателями этого мира. Находясь за пределами жилищ, скрыться от вездесущих наблюдателей было

невозможно.

В квартирах ситуация была несколько иной. Камеры располагались в двух противоположных углах гостиной (или «внешней комнаты», как ее именовали бессмертные). Утопленные в своих скрытых гнездах, они позволяли видеть всю комнату, за исключением крошечных «слепых пятен» в двух других углах.

Призадумавшись, можно было представить себе более удачное решение, например камеру с круговым обзором, укрепленную в центре потолка. Тем не менее создатели этого гигантского комплекса либо не подумали о такой возможности, либо, что более вероятно, рассмотрели и отвергли этот вариант по каким-то им одним известным причинам. В любом случае полуметровые «пятна» не грозили ни малейшим осложнением. Камеры исправно показывали все, что происходило в комнате.

Однако ничто не вечно. Не только люди, но приборы рано или поздно выходят из строя. А испорченные приборы могут иногда сослужить хорошую службу. Пока Мари так же, как и я, изучала этот мир через экран телевизора, ее внимание привлекла маленькая неполадка. Одна из камер в ее будущей квартире не поворачивалась до предела вправо. Влево ее можно было развернуть до упора, но при повороте в другую сторону она застревала примерно на полдороге, оставляя невидимым небольшой треугольник. Неизвестно, в результате чего возник этот дефект, но, так или иначе, устранять его никто не собирался. И вот теперь он должен был сделать меня невидимым в тот момент, когда, задержав дыхание, я шагну из внешней комнаты во внутреннюю.

Слева слышались шаги. Кто-то, уверенно ступая, приближался ко мне по перпендикулярному коридору. Я приготовил дежурную улыбку. Мгновение спустя из-за угла показался задумчивый Двенадцатый, неся под мышкой шахматную доску. Он был настолько поглощен своими мыслями, что даже не заметил меня. Повернув налево, он некоторое время шел передо мной, а затем исчез за дверью тамбура. Я проводил взглядом его крепкую фигуру и тотчас же забыл о нем. Цель моего путешествия находилась уже совсем недалеко.

И снова, как много-много дней назад, я стою перед дверью. Только на этой двери нет номера, и открывает мне ее не Мари, а Восьмая.

– Пятый? – приветливо удивляется она.

– Вот, – говорю я, – принес твою накидку. Ты забыла ее вчера в Секции Встреч.

– Ой, спасибо, – радуется она. – А я уже не знала, где ее искать. Что же ты стоишь? Проходи.

– Ты не занята? – на всякий случай уточняю я.

– Нет, абсолютно не занята. Я просто читала, – говорит она, и, следуя ее жесту, я прохожу в комнату.

Через пять минут светского разговора, даже не взглянув в сторону слепо таращащейся на меня камеры, я встал с кресла, сделал шаг в сторону и исчез из поля зрения наблюдателей. А еще через полчаса я покинул квартиру Восьмой, прилагая все усилия для того, чтобы оставаться Пятым. Хотелось смеяться и петь. Короткая встреча сделала меня более счастливым, чем многодневная переписка. Момент неловкости, шутка, рассеявшая скованность, и разговор. Тот искренний, свободный разговор, которого мне так не хватало. И первый поцелуй у порога. А уже через мгновение – ожидание новой встречи.

Будто синхронизируя свои действия с моими, из тамбура появился Двенадцатый. На этот раз он соизволил обратить на меня внимание, так как мы шли навстречу друг другу. Поравнявшись со мной, шахматист отсалютовал и продолжал удаляться в направлении Секции Поэзии. Несмотря на то что мои мысли витали далеко, что-то в его облике насторожило меня. Проще всего было обернуться и посмотреть ему вслед. В обычный день я бы так и сделал. Но то, что было уместно в другой день, не годилось сейчас. Сегодня я был самым примерным пай-мальчиком. К тому же зрительную память полезно тренировать. Так что же это было? Одежда? Походка? Какой-то предмет? Ах, вот оно что. Не предмет, а его отсутствие. За время своего пребывания в тамбуре Двенадцатый успел избавиться от доски. М-да, неважная маскировка. Вот так, прямо среди бела дня, контактировать с внешним миром? Какие-то они стали беспечные. Интересно, что он им передал? Текст шахматного учебника? Что-нибудь вроде «Теория ладейных эндшпилей в условиях отсутствия смерти»? А меня зачем-то гоняли туда ночью. Впрочем, им виднее. А может, по их подсчетам, сейчас тут должно было быть пусто, и мое внезапное появление в коридоре явилось для них полнейшим сюрпризом? Не ожидает ли меня самого в таком случае сюрприз?

Ладно, будем надеяться на лучшее. И, забыв о Двенадцатом, я мысленно вернулся к нашему свиданию.

Время меняло свой темп. Оно то неслось вскачь, то едва ползло, медленно приближая момент очередной встречи. И очередного безрассудства... Что, если меня позовут, пока я у Мари? Что, если они обратят внимание на то, что я исчез? Что, если они сочтут, что Пятый начал слишком часто наведываться к Восьмой? На каждый случай был заготовлен план действий, но всего не предусмотреть. Да и планы эти были далеко не идеальными. И все же, понимая степень риска, мы не могли заставить себя полностью отказаться от свиданий. Одна короткая встреча, затем еще одна... Приступ осторожности... Три недели без переписки... Как долго они тянутся... Нет, нам надо, надо встретиться.

– Когда?..

– Давай завтра вечером. После ужина. Я занесу тебе книгу, о которой мы сегодня говорили с Шестой и Адамом...

– Хорошо, я буду ждать...

Мы медлили с уходом из гостиной. Казалось, что-то мешает нам. Принесенная книга была подвергнута тщательному анализу, разговор с Адамом был неоднократно упомянут, все способы усыпить внимание потенциальных наблюдателей были использованы. Но что-то продолжало удерживать нас в мягких креслах. Наконец Мари поднялась и, сказав: «Я скоро вернусь», скрылась во внутренней комнате. Выждав минуту, вслед за ней туда прошел я.

– Почему ты не хотела уходить? – спросил я.

– А почему не хотел ты? – спросила она в ответ. А потом пришла ночь, полная нежности. Одна из тех редких ночей, которые остаются с тобой на всю жизнь.

Я лежал с открытыми глазами, но не видел ничего, кроме темноты. Она была не такой, как бывает ночью в доме – прозрачной, разбавленной лунным или фонарным светом, позволяющей видеть очертания предметов. Это была другая, истинная, черная, как сажа, темнота. Та темнота, которая по ночам заполняла наши спальни. Я слышал дыхание Мари. Тихое-тихое дыхание. Затем слышался

шорох.

– Ты спишь? – спросила она шепотом.

– Нет, – тоже шепотом ответил я.

Почему-то шепот казался наиболее уместным сейчас.

– Как ты думаешь, – спросила она, помолчав, – удастся у них эксперимент?

Мне не хотелось говорить сейчас об эксперименте. И тем более рассказывать о дневнике. Для этого нужен был долгий и серьезный разговор. «Ты узнаешь, – подумал я. – Но не сейчас. Потом».

– Не знаю, – сказал я.

И это была правда. Ведь я действительно не знал.

– Мне его жаль, – сказала она вдруг. Я понял, о ком она говорит.

– Почему ты уверена, что это он, а не она?

– Считается, что мужчины надежнее женщин. Хотя так считают только сами мужчины. И, кроме того... – Мари замолчала.

Я прикоснулся к ее руке.

– Что кроме того?

– Кроме того, было бы слишком жестоко брать девочку. Ведь пока идет эксперимент, ее лишают возможности иметь детей. И скорее всего, чем бы он ни закончился, у нее никогда не будет ребенка.

«Какое отношение жалость имеет к эксперименту?» – вспомнил я фразу из дневника. А вслух спросил:

– А почему это можно делать с мальчиком?

– Мальчика тоже жаль. Но это не то.

Я приподнялся на локте. Мне хотелось увидеть Мари, но эта чернильная тьма была непроницаема. И я только представлял себе ее лицо.

– Хорошо, пусть это будет мальчик. Парень. Но почему ты жалеешь его? Ведь если эксперимент удастся, он будет жить гораздо дольше нас.

– Я это понимаю, – ответила Мари. – Но разве такая жизнь кому-нибудь нужна?

– Тогда их эксперимент бесполезен, – сказал я.

– Почему? – в ее голосе послышалось удивление.

– Потому что ты жалеешь его. А жалость всегда направлена сверху вниз.

– Что значит «сверху вниз»?

– Невозможно жалеть того, кто лучше тебя. Жалость – это когда чувствуют: мне в чем-то лучше, чем тебе. Я умнее, здоровее, удачливее тебя. И мне с высоты моего превосходства тебя жаль.

– Да, мне лучше, чем ему, – согласилась Мари.

– Значит, для тебя важнее не то, сколько ты живешь, а как. И наверное, для многих людей тоже. А если так, то эксперимент бесполезен. Даже если люди станут жить дольше, они не станут от этого счастливее.

– Наверное, ты прав, – сказала Мари. – Но иногда очень хочется, чтобы жизнь не была такой короткой.

«Да, – подумал я, – действительно, так хочется пожить подольше»

– А что важно для тебя? – спросила она после короткой паузы.

– Чтобы ты была со мной, – ответил я. – Иди сюда.

Глава двенадцатая

Конечно же, о дневнике надо было рассказать раньше. Я все тянул, ждал удачного момента, не хотел заводить длинный разговор, и теперь получалось как-то совсем неудобно. Будто я хотел скрыть от Мари свое открытие. А ведь ничего подобного у меня и в мыслях не было. Но как за полчаса пересказать содержимое этой толстой тетради? А заодно и свои выводы, подозрения, надежды. Такие невеселые мысли бродили у меня в голове, когда однажды вечером я извлек дневник из стола и стал его перечитывать.

Читать не хотелось. Слишком далеки стали в последнее время события, описанные предыдущим Пятым. Я вяло переворачивал страницы. Просмотреть этот манускрипт, конечно, надо. Большинство подробностей стерлось из памяти, унесенные новыми переживаниями, а Мари, несомненно, будет любопытно узнать, и что, и где, и как... А разговариваем мы нечасто, в письмах об этом писать нельзя, выносить дневник из комнаты – это вообще безумие. Вот и получается, что надо сидеть и, сдерживая зевоту, в очередной раз читать это творение. Мужественно одолев половину тетради, я шлепнул ее на стол и, заложив руки за голову, откинулся на стуле.

Мощный мужик был этот Шеналь. Почему «был»? Есть. У него еще вся жизнь

впереди. Ну, вся не вся, а лет пятьдесят еще осталось в запасе. И если в том мире он будет с такой же энергией браться за дела, как в этом, то, наверное, я о нем еще услышу. Что он тут только не делал! Казалось бы – сиди и не тужи, отдыхай, зарабатывай капитал. А вот ему не сиделось. Он и календарь вел (зачем?), и дневник строчил, и над экспериментом размышлял, и с Катру подружился. Ну и, конечно, книги писал. Это его главное достижение. Я вот не смог. Хотя я журналист, а он физик. И все-таки ему удалось в этих условиях создавать шедевры, а мне – нет. Ирония судьбы. Жаль, рано он ушел. Написал бы еще десяток приличных книг, а то, кроме его произведений, тут и читать нечего. Библиотека ломится от книг, но их только в качестве снотворного можно использовать. Или, в крайнем случае, как подставки. Вот если бы он согласился писать, когда его попросили... Конечно, Николь лицемерит. «Не заинтересован в деньгах, неинтересно зарабатывать на жизнь...» Сказала бы прямо – мало предложили. Вот столько считали нужным потратить, а больше ни сантима. Дали бы половину того, что дают за участие в эксперименте, так быстро бы разбудили в нем интерес к презренным деньгам. Тем более что эти книги писать ему нравилось. Это я точно знаю. По-моему, он даже в дневнике упоминал о том, что не против подзаработать на этом. Где-то в середине. Или ближе к концу?

Я лениво протянул руку за дневником. Нет, не здесь. И не здесь... Вроде это было после вырванных страниц... Тут? Нет, и не здесь... Ладно, какая разница, где-то он об этом писал. А, вот этот абзац. Да это почти самый конец. За три страницы до оборванной строчки. Кстати, почему он ее не дописал?

«...По дороге буду писать книги от имени Пятого. Гонорары будут, наверное, приличные». Вот! Что я вам говорил? Все на свете имеет цену. «...Впрочем, гонорары в данном случае не самое главное». Ну-ка, ну-ка... «...Слишком много идей накопилось за это время. Жаль, если они так и не будут реализованы». Что?! «... "Поиск" и „Четвертый вопрос“ надо обязательно написать».

Я захлопнул дневник. Снова эта чертова тетрадь переворачивала все с ног на голову. Так он хотел писать? Даже не из-за денег? Просто хотел, и все? А когда его об этом попросили и пообещали кучу денег в придачу, он отказался? И даже не счел нужным поделиться своими идеями? Предпочел, чтобы они навсегда остались нереализованными? Что-то тут не так. Дневник не дописан. Страницы вырваны. Волевой и талантливый человек, который привык осуществлять свои

идеи, вдруг неожиданно, наперекор своим планам отказывается от этого. Что-то они тут темнят. Ох, темнят. Надо будет разобраться с этим. Хорошо подумать и разобраться. Прямо завтра с утра. Нет, с утра надо идти к Ададу. Сдавать очередную порцию крови. И зачем она только им понадобилась? Как будто нельзя брать ее только у Зрителя. Кровь! Я резко выпрямился на стуле. Теперь все стало на свои места.

Мари отнеслась к моему рассказу спокойно. «Должен же эксперимент прийти к какому-то итогу, – сказала она. – И вполне логично, что они этот итог скрывают. Я бы тоже так делала». Но мои новые выводы она встретила иронично. «Неправдоподобно, – гласил ее вердикт. – Хорошо для фильма, но слишком жутко для реальной жизни». Однако меня было не так легко переубедить. Каждый аргумент я продумал не один раз. И теперь именно новые выводы представлялись мне более правдоподобными. Реальная жизнь порой бывает страшнее любых фильмов. И хотя Мари с легкой иронией отбрасывала мои предложения, я не сдавался.

– Хотя бы согласишься с тем, что это предположение позволяет объяснить все.

– Что «все»?

– Все. И несоответствия между дневником и тем, что сказала мне Луазо. И постоянные анализы. И энцефалограммы. И то, что дневник оборван на полуслове. И многое другое. Все факты. От первого до последнего.

Мари поджала ноги и, усевшись в кресле по-турецки, лукаво взглянула на меня.

– Ты сгущаешь краски. Все эти факты могут быть отлично объяснены без твоей мрачной теории. Хочешь, ты будешь называть факт, а я буду рассказывать тебе, чем он вызван.

Она веселилась и не собиралась скрывать этого. Было очевидно, что она считает этот разговор не более чем забавным умственным упражнением. Глядя на нее, я ощущал себя Кассандрой, беседующей с жизнерадостными жителями Трои. Стоит яркий солнечный день, голубеет бездонное небо, весело щебечут птицы, и легкомысленным троянцам не хочется думать о грозящей им опасности. Стены Трои крепки и надежны, стрел у них много, провианта достаточно, и сама

могущественная Афродита стоит за них. Что там каркает эта безумная девка? И только Кассандра видит смерть, реющую над обреченным городом. Перед ее глазами – трупы, кровь, неистовые враги, разящие направо и налево. Но когда она говорит об этом грядущем ужасе, ей никто не верит. Горожане сохраняют свою жизнерадостность.

Моя жизнерадостность пропала в тот вечер, когда, напряженно думая, я собирал воедино разрозненные детали. Я извлекал их отовсюду: с безмолвных страниц дневника, из своих воспоминаний, из окружавшей меня повседневной действительности. И, мысленно раскладывая их, я с ужасом обнаруживал, как точно они прилегают одна к другой. Да, у меня не было веских доказательств своей правоты, но точно так же не было ни одной мелочи, которая опровергала бы эту новую и жуткую в своей убедительности теорию. И уже один этот факт заставлял меня подозревать, что за этими весело размалеванными стенами таится неведомая опасность. Я чувствовал, что над нами нависает смутная, темная угроза. Но пока что я был в одиночестве.

– Рыцарь отказывается принять вызов? – поинтересовалась Мари.

– Рыцарь принимает вызов, – мрачно ответил я, – но опасается, что дама пожалеет о своем легкомысленном поступке.

– Не пытайтесь запугать бедную даму. Итак, приступим. Ты утверждаешь, что никакого подопытного не существует, эксперимент проводится над ничего не подозревающими актерами, а образ Зрителя – это просто идеальный способ держать их в рамках эксперимента. При этом ты не имеешь ни малейшего представления о сути того эксперимента, который проводится над всеми нами. Правильно?

– Почти, – ответил я. – Я по-прежнему допускаю, что эксперимент ведется над Зрителем и что актерам ничего не грозит. Но я считаю, что существует большая вероятность того, что... в общем, того, что ты только что описала.

– Уточнение принято, – благосклонно сказала Мари. – Я же утверждаю, что у тебя нет никаких серьезных оснований для подобных выводов, и берусь тебе сейчас это доказать. Слово за вами, мсье. Каков ваш первый аргумент?

Обстановка начинала напоминать экзамен Катру, но здесь я чувствовал себя гораздо увереннее.

– Если верить записи в дневнике, после истечения контракта Шеналь

собирался писать книги от имени Пятого. Причем он придавал значение как самому процессу, так и гонорарам. Однако, согласно Луазо, он не только не сделал этого по собственному почину, но и отказал им, когда они просили его написать книгу и обещали хорошо заплатить.

– И каков твой вывод?

– Луазо врет. Шеналь никогда не вышел отсюда – или вышел в таком состоянии, в котором книги писать невозможно.

– Не принимается. Твой предшественник благополучно вышел отсюда, получил больше денег, чем он может потратить за всю жизнь, встретил свою старую любовь, обнаружил, что она по-прежнему питает к нему теплые чувства, и понял, что есть вещи гораздо более важные и интересные, чем написание бесполезных книг.

– Хорошо, – согласился я. – Твоя версия не хуже.

Мари не удовлетворил такой ответ.

– Моя версия лучше, потому что она гораздо правдоподобнее. Что еще?

– Дневник оборван на полуслове. Несколько страниц вырвано.

– Вывод?

– Что-то произошло в тот вечер. Шеналь успел только вырвать особо опасные страницы и кинуть дневник за стол. Может, за ним пришли. А может, пустили газ.

Мари сделала страшные глаза:

– И, теряя сознание, он пытался скрыть свои записи?

– Да.

– А что он сделал с вырванными страницами? Теряя сознание, съел?

Я промолчал.

– Драматично, но маловероятно, – подытожила моя экзекуторша. – Дневник он, конечно, бросил за стол. Но вовсе не потому, что почувствовал опасность. Просто он понимал, что вынести тетрадь ему не удастся, и не нашел ничего лучшего, чем спрятать ее в комнате. Ну, а страницы он вырвал задолго до этого. Чем-то они ему не понравились. Или наоборот – там были записаны какие-то особо удачные формулы или стихи, и он забрал их с собой.

– А почему он оборвал запись?

– Потому что, как некто справедливо заметил, за ним пришли. Ну, не совсем

пришли, а просто сказали, что пора выходить. Вот он и вышел. Похоже на правду?

– Похоже, – согласился я.

– Два – ноль, – сказала Мари. – Что дальше?

– Дальше кровь, энцефалограммы и прочие анализы.

– И что тебя в них тревожит?

– То, что их регулярно делают всем актерам. Если эксперимент проводится только над одним человеком, зачем нужен этот спектакль?

– Затем, чтобы скрывать этого человека от всех остальных. Нельзя же проверять только одного.

– Это понятно. Разумеется, ходить на эти процедуры надо всем. Но зачем же делать настоящий анализ мне или тебе?

– А-а, крови жалко? – сощурилась Мари. – Значит, бедного мальчика можно колоть, а тебя нельзя?

– Да при чем тут это, – сказал я, стараясь не раздражаться.

– Ни при чем, – согласилась она. – И твои подозрения тут тоже ни при чем. Понятно, что анализы делают всем без исключения для того, чтобы даже сами врачи не знали, кто такой подопытный.

– Ты не находишь, что это звучит несколько натянуто? – поинтересовался я.

– Не нахожу, – отрезала Мари.

Она явно наслаждалась происходящим. Игравшая на ее губах улыбка говорила о том, что я не смог поселить в ней и тени подозрения. Я вздохнул.

– Ну, если даже это не кажется тебе подозрительным, то остальные доводы ты вообще проигнорируешь.

– Возможно, – согласилась она. – Но ты попробуй. Или благородный рыцарь просит пощады?

– Еще нет, – ответил я. – Что ты скажешь о том, что кричал свихнувшийся Шинав?

– Ничего, кроме того, что я ему искренне сочувствую.

– Неужели все эти крики «он обычный, а я нет», «и ты не будешь обычным» не вызывают у тебя никаких подозрений?

– Если бы крики психически ненормальных людей вызывали у меня подозрения, то в Париже я бы тряслась от страха, прочитав любую бульварную газетку. Они все пророчили или конец света послезавтра в три часа, или

повальное изнасилование инопланетянами.

– Но сейчас-то мы не в Париже.

– А ты уверен? – лукаво спросила она.

– Хорошо, – сказал я. – Оставим в покое Шинава. Хотя к нему мы еще вернемся. Помнишь, давным-давно мы все встречались со своими предшественниками? Еще до первого экзамена.

– Помню, – ответила Мари.

Ее лицо приняло несколько напряженное выражение. «Неужели в их беседе была тоже какая-то странность?» – мельком подумал я.

– На следующий день Поль был очень задумчивый и даже не приставал к Эмилю. Помнишь?

– Припоминаю.

– Так вот, он был таким задумчивым, потому что после короткой перепалки посетитель сказал ему буквально следующее: «Я – обычный человек, который притворяется бессмертным. А тебе притворяться не придется» .

– И это все? – спросила Мари с каким-то облегчением.

– Все, – подтвердил я.

– Ну и что в этом страшного? – удивилась она. – Он просто намекал на то, что Полю надо лучше учиться.

Сама не зная того, она почти слово в слово повторила то, что я сказал Полю в тот день. Но с той далекой поры мои взгляды кардинально изменились.

– А о чем говорили вы? – поинтересовался я. Мари пожала плечами.

– Уже точно не помню. Обо всем понемногу. А что?

– Мне показалось, что мой вопрос вызвал у тебя неприятные воспоминания.

– Ничего неприятного там не было, – уверенно сказала Мари.

– А все-таки? Или ты боишься говорить об этом, потому что ваш разговор подтверждает мою теорию?

– Он ничего не подтверждает. Просто я просила ее после выхода наружу позвонить моим родителям и сказать, что у меня все нормально.

– А она отказалась, – утвердительно сказал я.

– Наоборот, согласилась, – ответила Мари.

– Тогда что же тебе не понравилось?

– Когда она ушла, я обнаружила в ее кресле бумажку, на которой записывала

номер телефона.

– И ты думаешь, что она забыла ее намеренно? Для того чтобы намекнуть тебе, что она отсюда не выйдет?

– Это ты так думаешь, – ответила Мари. – И именно поэтому я не хотела тебе об этом рассказывать. Конечно, она забыла ее случайно. А если и специально, то правильно сделала. По контракту она не имеет права говорить об этом ни с кем.

– Да, – сказал я фальшивым тоном, – конечно, она забыла ее случайно. И вообще все, о чем я тебе говорю уже целый час, – это полнейшая чушь.

– Я не говорила этого, – с улыбкой возразила Мари. – Твоя теория интересна, но, по-моему, беспочвенна.

– Беспочвенна?

– Конечно. Хорошо, предположим на минуту, что ты прав. Зрителя не существует. Эксперимент ведется над нами. Неизвестно, что они исследуют, но это и не важно. А важно другое – в чем опасность? Как они могут влиять на нас? Они ведь ничего не делают с нами. Ни психически, ни физически. Они никак на нас не влияют. А если так – то пусть исследуют. Нам-то какая разница? Анализы действительно выглядят подозрительно, но ведь они только берут кровь. Они ничего не вводят внутрь.

– А ты уверена, что тебе ничего не вводят внутрь? – тихо спросил я.

Что-то в моем тоне заставило Мари стать серьезнее.

– Во всяком случае, мне об этом ничего не известно, – сказала она после недолгих размышлений.

Я не торопился. Мне хотелось, чтобы она сама сделала этот вывод.

– А если задуматься?

– Ты имеешь в виду, что нам что-то вводят во сне?

– Нет. Хотя сон – это особая статья.

– Тогда как? Внутри можно вводить что-то через кровь или...

Она подняла голову.

– Ты считаешь, что они дают нам какие-то вещества через еду?

Я невесело кивнул. Игры заканчивались. В ход пошла тяжелая артиллерия.

– Я не считаю, что они так делают. Но допускаю такую возможность. Буду очень признателен, если ты убедишь меня в обратном.

Мари напряженно думала.

– Нет, – сказала она наконец. – Это утверждение я опровергнуть не могу. Но его одного недостаточно. У тебя, наверное, есть что-то еще?

– Есть, – согласился я.

– Ты что-то говорил про сон...

– Да. Знаешь, что такое гипнопедия?

– Ты хочешь сказать, что нам что-то внушают во сне? – теперь она растеряла остатки веселости.

– Могут. По крайней мере, все средства для этого у них есть. Ничто не мешает им по ночам нашептывать нам все что угодно. А больше им ничего и не нужно. В наши организмы можно вводить любые вещества через еду. В наши головы можно вбивать все что угодно через эти устройства, – я ткнул себя за ухо. – Всего этого более чем достаточно для каких угодно воздействий – психологических, химических, генетических, любых! Делая регулярные анализы, они могут следить за результатами. А с помощью мифического Зрителя они могут заставлять нас не говорить друг с другом ни о чем, кроме того, что необходимо для их эксперимента. Я не знаю, что они исследуют, я не знаю, как они исследуют, но я знаю, что это здание, – я повел рукой, – является превосходным полигоном для любого исследования над людьми. Причем добровольно находящимися тут людьми.

Теперь Мари была совсем серьезна.

– И ты считаешь, что они так и делают?

Я понимал, что мои слова звучат пугающе, но мне было необходимо заставить ее избавиться от той веселой недоверчивости, с которой она начинала наш спор.

– Я считаю, что для этого у них есть все возможности. Я считаю очень вероятным то, что они этими возможностями пользуются. И я считаю, что нам вполне может грозить серьезная, если не смертельная, опасность.

– Но что нам грозит? Что они могут с нами делать?

– Все, что угодно. В этом-то все и дело. Все, что угодно. Но если они что-то делают, это должно быть как-то связано со смертью. Какое-то комплексное исследование. Способы замедления старения, способы воздействия на психику, что-нибудь в этом роде.

– А что происходит с теми, кто пробыл здесь три года?

– Не знаю, – ответил я. – Может быть, их переводят в другое помещение. Туда, где проходит следующая фаза эксперимента, в чем бы она ни заключалась. Может быть, их действительно выпускают на свободу, хотя это маловероятно. А может, просто убирают как ненужный шлак.

Мари сидела в глубокой задумчивости.

– Нет, – твердо сказала она наконец, – все равно я тебе не верю. Подожди, не возражай. Все, что ты сказал, звучит очень убедительно, но это ничего не значит. Ты ведь просто говоришь, что вот так, посреди Франции, в конце двадцатого века над нами экспериментируют как над крысами. Я не могу в это поверить. Это абсурд. Мы же не в фильме. Нет, дай мне закончить. То, в чем ты пытаешься меня убедить – это какое-то сумасшествие. Мы в цивилизованной стране, мы граждане цивилизованной страны. Нас нельзя просто посадить в клетку и пичкать препаратами без нашего согласия. Этого тут никто не допустит. Ни один человек в здравом уме на такое не решится. А тем более целая организация. Понимаешь? Этого просто не может быть!

Она замолчала.

– Значит, не может быть? – спросил я.

– Не может.

– Никто не допустит?

– Никто, – упрямо повторила она.

– А что будет, если завтра, нет, не завтра, сегодня – нас перевезут на другой конец света? Или просто убьют? Что будет тогда? Кто не допустит этого? Кто пошевелит пальцем для того, чтобы это предотвратить? Или хотя бы чтобы наказать виновных? Кто вообще об этом узнает?!

Мари хмуро молчала.

– Ты хотела передать своим родителям, что у тебя все в порядке? А что они знают о том, где ты и что с тобой происходит? Что им известно о тебе? В лучшем случае то, что ты завербовалась на работу в какой-то институт. Ну, еще, может быть, номер телефона, по которому ты звонила, чтобы дать согласие. Хотя ты его наверняка им не давала. Но даже если и давала, можешь не сомневаться, что по этому номеру до Тесье дозвониться нельзя. Ну и что можно сделать с такой ценной информацией? Или им известно о тебе что-то еще? Или кому-то другому? Или хотя бы тебе самой? Кто-нибудь в целом свете, хоть один живой человек,

кроме этих экспериментаторов, знает, где ты находишься? Где я нахожусь? Где все мы находимся?!

Я уже больше не следил за своими словами, не пытался приуменьшить, смягчить те подозрения, которые терзали меня. Слова лились сами собой, выплескивая мрачные накопившиеся мысли.

– Да с нами в любой момент можно сделать все что угодно, и никто в цивилизованной Европе никогда не узнает об этом. В крайнем случае, через пять лет в той самой бульварной газетке напишут об исчезающих молодых людях. И разумеется, в это никто не поверит. Мы все попались на жирную приманку и радостно согласились на эту полнейшую секретность. А знаешь, что произошло в результате? Мы потеряли всю ту неприкосновенность, в которую ты так веришь. Почему ты так упорно отказываешься даже предположить, что я могу быть прав? Ты, которая настолько раскована в своем воображении?

Мари удивленно взглянула на меня.

– Ты не знаешь, что я имею в виду? Да ту легкость, с которой ты поверила в мою первую теорию. Разве это не странно? Конечно, Шеналь не знал о Зрителе потому, что тот перестал взрослеть, а вовсе не потому, что его вообще не существует. Ты с готовностью допускаешь, что эксперимент в том виде, в котором нам его описали, удался. Ты без колебаний, без сомнений, вопреки всем своим знаниям веришь в то, что человеческое бессмертие реально. И при этом ты наотрез отказываешься даже предположить... только предположить, что группа исследователей что-то хладнокровно делает с ничего не подозревающими людьми. Это, по-твоему, слишком страшно и неправдоподобно для реальной жизни. В двадцатом-то веке? Да в двадцатом веке люди делали и делают гораздо более страшные вещи и в гораздо более страшных масштабах. И по-моему, гораздо проще поверить во что угодно, в любые гнусности самых фантастических размеров, чем допустить, что не знающий о смерти человек не будет стареть.

Моей веселой Мари больше не было. Вместо нее в кресле сидела серьезная, нахмурившаяся девушка. Я понял, что мне удалось хотя бы частично передать ей ту тяжесть, которая давила на меня уже несколько дней. И мне стало жалко ее и немного стыдно за то упорство, с которым я пытался разрушить спокойный мир, в котором она жила.

– Мари...

– Только не надо сочувствовать, – быстро сказала она. – Ты хотел, чтобы меня прорвало, и ты этого добился. Не порти впечатление.

– Подожди, я не договорил.

– Ты договорил. Теперь я верю.

– Нет, я все-таки не закончил. Я хочу, чтобы ты понимала, что я на самом деле хотел сказать. Я не пытался напугать тебя. Я не думаю, что нам надо впадать в панику и начинать бояться каждого шороха. Я только пытаюсь убедить тебя в том, что нам нельзя продолжать слепо и бездумно верить во все, что нам говорят. Мы должны попробовать узнать, что с нами происходит. И может быть, окажется, что нам ничего не грозит.

Пока я произносил эти слова, Мари сидела, задумчиво глядя перед собой. «Ты не можешь, не должна паниковать, – думал я. – Ты не такая». И она оправдала мои ожидания. Когда я закончил, Мари не ныла и не причитала: «Что же с нами будет?» Она спокойно посмотрела мне в глаза и произнесла:

– Ты прав. Слепо верить нельзя.

Она замолчала на секунду, затем продолжила таким же спокойным и уверенным тоном:

– Если мы узнаем, что опыт ведется над нами, мы можем попытаться нарушить условия контракта. Показать им, что держать нас здесь невыгодно. Мы тут относительно недолго, им, может быть, спокойнее просто выставить нас, чем возиться.

– Шинав, – сказал я одно слово.

– Что «Шинав»? – спросила Мари. – Ты думаешь... Ты думаешь, он именно так и сделал? Притворился сумасшедшим и сбежал?

– Допускаю, – лаконично ответил я. – Но как раз на основе этого я бы не строил серьезных теорий.

Мари молчала.

– Что ты думаешь теперь? – спросил я.

– Думаю, как нам быть, – сказала она, покусывая губу. – Проблема в том, что мы не можем быть уверены. С одной стороны, этот жуткий вариант. А с другой, то, о чем нам рассказали, по-прежнему может быть правдой. И что тогда? Мы просто потеряем все, для чего пришли сюда. И у нас нет никакого способа проверить, так ли это. Это невозможно.

Я знал, что рано или поздно она произнесет подобные слова.

– Способ есть.

Мари взглянула на меня.

– Как?

– Это займет некоторое время. Но это реально. Единственный способ узнать, экспериментируют ли над нами, – это удостовериться в том, что среди нас нет Зрителя.

Я медленно и с удовлетворением провел жирную черту. Еще одно имя было зачеркнуто. Отныне Четырнадцатый оказывался вне подозрений. Разговор в Зеленой Секции Искусств выхватил его из рядов потенциальных Зрителей и поставил на одну доску с другими актерами. Чрезмерное знание раннего импрессионизма иногда бывает сложно скрыть. Особенно если ты им гордишься и тебя незаметно подталкивают к демонстрации твоих познаний.

Список сокращался медленно, но верно. Хотя порой казалось, что процесс этот идет слишком неторопливо. Я встал и прошелся комнате, разминая затекшие ноги. Да, слишком неторопливо. Но другого выхода нет. Надо набраться терпения, быть настойчивым, не терять спокойствия. Все это было понятно еще несколько месяцев назад, тогда, когда в первый раз позвучало слово «список»...

Если с самой идеей Мари согласилась сразу, то о Деталях мы спорили не один час. Детали, детали... Все дело в них. Легко сказать: «Надо удостовериться в том, что Зрителя не существует». А вот попробуй, удостоверься в этом. Нельзя же подходить к человеку и спрашивать: «Простите, вы, случайно, не актер?»

Нужна была стратегия. «Во-первых, мы можем отместить большую группу людей чисто за счет логических размышлений», – говорил я, шагая по комнате. Мари соглашалась. «А во-вторых, никто не играет идеально. Это почти невозможно. Следовательно, наблюдая за оставшимися людьми, мы рано или поздно сможем понять, все ли они – актеры». Тут пришлось немного поспорить.

– Как ты можешь быть настолько самоуверен? Почему ты решил, что ты наблюдательнее самих наблюдателей? – сердито спрашивала Мари.

– Я не наблюдательнее. Просто то, что достаточно хорошо для них, недостаточно для нас. И они не вездесущи.

– А ты вездесущ.

– Нет, – терпеливо объяснял я, – разумеется, не вездесущ. Но если Зрителя вообще нет, то они должны закрывать глаза на многие проступки актеров. А если он существует, то их наблюдения все равно не идеальны. С какой стати они будут наблюдать двадцать четыре часа в сутки за каким-то актером? Если бы они так поступали, то наши встречи были бы просто невозможны. По идее, они должны следить за теми, кто находится в непосредственной близости от Зрителя, и за новичками. А все остальные актеры предоставлены сами себе. Тут-то мы их и подловим.

– Как?

– Внимательно следя за их поведением, словами, жестами. Надо составить список потенциальных «зрителей» и методично проверять одного за другим. Следить, искать проколы, не упускать ничего.

И я рассказывал Мари о тех мелочах, случайным свидетелем которых мне приходилось быть. Об этих излишне эмоциональных взглядах, о резкой смене настроения, о Двенадцатом и его доске. В конце концов я смог убедить ее в том, что такой путь реален и что, работая вдвоем, мы справимся со всеми актерами достаточно быстро. А потом наши мнения вновь разошлись, и на этот раз серьезнее. Что считать достаточным доказательством «актерства»? Взгляд? Слово? Жест? Мари была категорически против того, чтобы делать окончательное заключение на основе фактов, которые могут быть истолкованы двояко.

– Если человек косится на стены, это еще не значит, что он ищет камеры. Это может быть самый настоящий Зритель, которому просто стало скучно.

– Ты бы видела этот взгляд.

– Даже если бы я видела его, я все равно не считала бы это достаточным доказательством.

– И ты бы просто проигнорировала такую деталь?

– Нет. Я бы запомнила ее, записала бы, подшила бы к делу, если угодно. Но только накопив десяток таких деталей, я пришла бы к выводу, что этот человек – актер.

Мы спорили, крутились на одном месте, обговаривали каждую мелочь, словно адвокаты, работающие над сложным договором. Наконец условия были

сформулированы. Держа в руке исчерканный лист, Мари монотонно читала:

– Правило первое. Человек является актером, если он употребляет слова или выражения, которые абсолютно не могут быть знакомы Зрителю, и в таком контексте, который показывает, что он понимает смысл этих слов или выражений... Правило второе. Человек является актером, если он неоднократно (больше десяти раз) продемонстрировал один или несколько из следующих симптомов: резкое изменение поведения в момент перехода от одиночества к общению с другими людьми; осведомленность о существовании камер...

– Правило девятое. Человек является актером, если он не является Зрителем, – хмуро закончил я, прослушав этот странный документ.

Но Мари не была расположена к шуткам.

– Если хочешь, можешь это записать. Я не возражаю, – сказала она. – Что дальше?

Дальше было самое главное. Предстояло составить список подозреваемых. Существовали очевидные соображения, по которым некоторые люди просто не могли быть Зрителем. Как только мы стали думать над этими соображениями, мы немедленно вспомнили несколько фактов, удивлявших нас еще в пору учебы.

Во-первых, Книга Творения не описывала появление людей в хронологическом порядке. По ней можно было понять, кто является чьим ребенком, но в ней никоим образом не упоминалось, кто из детей появился раньше на свет. Для такого монументального труда подобное отсутствие точности было весьма удивительным.

Во-вторых, математические имена бессмертных не были последовательны. Например, Восемнадцатая была заботливой матерью Десятого. Двадцатый гордо носил звание отца Одиннадцатой. Помнится, когда мы просили Катру объяснить нам причину этой путаницы, он предпочитал отмалчиваться. Единственное, что удавалось выдать из него, было звучащее как издевательство: «Пути Господни неисповедимы». Поль в те дни изощрялся в остроумии, выводя формулу, по которой будет вычисляться имя следующего бессмертного.

– Бедный Поль, он так и не сдал экзамен... – сказала Мари, когда я вспомнил о выкладках нашего незадачливого друга, которого отправили восвояси через неделю после моей успешной сдачи.

– Еще неизвестно, кому из нас больше повезло, – проворчал я, и мы

вернулись к рассуждениям.

Теперь эта беспорядочная система нумерации представала в новом свете. Ее просто невозможно было использовать для того, чтобы вычислить Зрителя. Правда, оставалось непонятно, зачем вообще понадобилось использовать номера вместо нормальных имен. Но эта загадка была отнюдь не самой главной, и мы не собирались ломать над ней головы. Было ясно, что, несмотря на эти препятствия, многих людей можно без колебаний отбросить. Надо было лишь сесть и все четко записать. И мы сели и записали.

Зритель не имел детей. Зритель не мог быть врачом. Зритель не мог быть изобретателем. Зритель не мог быть вообще никем, кто в какой-либо форме вносил в наш мир предметы или знания большого мира. Зритель не был одним из наших соучеников. Зритель не имел вживленного микрофона и, соответственно, шрама за правым ухом. Тут мы поняли, что исчерпали все возможные варианты. Теперь оставалось лишь отобрать людей, которые подходили под эти критерии.

– Покажи ухо, – потребовала вдруг Мари.

Я продемонстрировал шрам.

– Хорошо, тебя вычеркиваем, – сказала она без тени иронии и записала на чистом листе: «Пятый». А затем провела поперек имени ровную черту.

– Заработалась? – поинтересовался я.

– Надо же с кого-то начинать, – ответила она. – А ты бездетный литератор. Если бы не шрам, ты вполне мог бы быть им.

– Раз так, вписывай себя тоже, – потребовал я.

После того как под моим именем появилось перечеркнутое слово «Восьмая», Мари склонила голову и сказала:

– Осталось двадцать восемь. А потом...

О том, что будет «потом», думать не хотелось.

– Давай, записывай, – сказал я, чтобы развеять мрачное молчание. – Адам, Ева...

– Ты уверена, что мы не ошиблись? – спросил я спустя полчаса, с удивлением пересчитывая незачеркнутые имена. – Очень странно получается...

– Уверена, – сказала Мари. – Разве что «Творения» врут.

– Любопытные выводы, – пробормотал я, гадая, почему мне не пришло в

голову составить подобный список раньше.

Выводы были действительно любопытные. Или, скорее, пугающие. С одной стороны, все врачи, изобретатели, инженеры и прочие подозрительные личности имели детей. Все без исключения. У художников, поэтов, философов, лиц без определенных занятий и остальных бездельников потомства не было. Это наводило на серьезнейшие подозрения о том, что Зритель существует и что его личность пытаются скрыть. Загадочное переплетение номеров тоже подталкивало к подобному выводу. А с другой стороны, от нашего списка веяло безнадежностью.

– Ничего не понимаю, – устало сказал я. – Если они хотели скрывать Зрителя, то зачем им понадобилось вводить так много пар? Поручили бы Адаму и Еве нарожать всех людей – и дело с концом. Ну, в крайнем случае, добавили бы еще одно поколение. Так нет же, из тридцати человек им понадобилось иметь шестнадцать родителей. Шестнадцать! Какой смысл в таком развесистом генеалогическом дереве? Если Зритель существует, то оно вдвое увеличивает шансы его найти.

– Вот именно, – невесело отозвалась Мари, – если он существует.

Я хмуро рассматривал наше произведение. Все наша затея представилась мне теперь иначе. Снова передо мной встал образ огромной, равномерно работающей машины. Годами этот гигантский механизм работал без помех, управляемый уверенными хозяевами. Что бы ни делалось в этих стенах, это был четко отлаженный, продуманный и жестко контролируемый процесс. Мелкие неполадки, вроде нервного срыва Шинава, легко корректировались, и, не сбившись ни на секунду, машина неумолимо продолжала свою работу. Борьба с этим бездушным комплексом оставляла не больше шансов на успех, чем попытка остановить несущийся тепловоз, став перед ним на рельсы. И снова я ощутил себя винтиком, незначительной, легко заменяемой деталью этого механизма. Если Зрителя действительно не существует, если опыт ведут над актерами, то нас просто сомнут. Не моргнув глазом, уничтожат, как только обнаружат нашу деятельность. Но именно в этом случае мы не можем позволить себе ждать...

Мари с сосредоточенным выражением лица рисовала какую-то диаграмму. Я с нежностью посмотрел на нее. Посвящать ее в такие мысли я не стал. Я и так уже сомневался, не совершил ли ошибку, когда вовлек ее в это предприятие.

– Нет худа без добра, – сказал я ей.

Она отвлеклась от своего занятия и вопросительно взглянула на меня.

– Теперь нам надо проверить только девятерых, – пояснил я.

– Десятерых, – поправила Мари.

– Почему? – удивился я. – Шестнадцать родителей, четверо нас да Двенадцатый. Получается двадцать один.

– Двенадцатый еще не откинут, – сказала она, качая головой.

– Так давай его откинем.

– Нельзя. У нас нет достаточных доказательств.

– А тамбур? Разве этого не достаточно? Он зашел туда с доской, а вышел без нее.

Мари вздохнула.

– А что, если он – Зритель, который просто забыл там доску?

Я недоверчиво скривился.

– Забыл доску... Маловероятно. Во-первых, он ничего не забывает. А во-вторых, что угодно, но не свою главную ценность.

– Хорошо, – сказала Мари, откладывая в сторону карандаш, – давай проведем обсуждение первого кандидата. Что мы знаем о Двенадцатом?

– Отличный шахматист, – быстро сказал я.

– Это еще не повод для того, чтобы считать его актером.

– Или Зрителем.

– Это вообще не фактор для нас, – подвела итоги Мари. – Что еще?

– Весь перекривился, когда Девятая обратилась к нему. А потом повернулся к ней и стал само радушие.

– Подозрительно, – согласилась Мари. – Но Зрителю тоже могла надоест материнская забота. Есть что-то еще? Я, например, больше ничего о нем не знаю.

Я вспоминал все, что мне было известно о Двенадцатом. Уже давным-давно он утвердился в моем сознании как актер. Значит, были какие-то тому доказательства. Почему я чуть ли не с первого дня знал, что он не Зритель? Слишком умен? А кто сказал, что Зритель должен быть недалеким? И все же умное, плотное лицо Двенадцатого, его спокойный пронизательный взгляд не вязались с неясным образом инкубаторного человека. Но одного этого было бы недостаточно. Было что-то еще, что-то определенное, какая-то ситуация, не

оставляющая и тени сомнения...

– Все? – спросила Мари. – Если у тебя больше ничего нет, мы оставляем вопрос открытым. Привыкай к тому, что быстрых ответов в этом процессе не будет. Разве что ты будешь обращаться за помощью к Тесье.

Я облегченно вздохнул. Так вот что это было. Не одна, а целых две ситуации. Правда, испытание временем выдержала только одна.

– Тесье говорил, что он сам играл Двенадцатого, – безразличным тоном сообщил я.

– Кому это он такое говорил? – недоверчиво поинтересовалась Мари.

– Мне.

– А по какому поводу?

Я описал свою беседу с Тесье и Луазо.

– Очень убедительно, – насмешливо сказала Мари, выслушав мои воспоминания. – Он ведь тебе именно тогда и сказал, что я не прошла экзамен. Правильно?

– Одно другому не мешает, – сказал я.

– Мешает. Если это его заявление о чем-то и говорит, то только о том, что он хотел скрыть от тебя настоящего Зрителя. На основе вашего разговора мы должны скорее подозревать Двенадцатого, чем скидывать его со счетов.

– Тогда он говорил бы об этом всем новичкам, – возразил я. – А ведь тебе никто не пытался показать, что Двенадцатый – актер.

– Ладно, не будем спорить об этом, – миролюбиво сказала Мари. – Это все голословные рассуждения. Но неужели ты всерьез считаешь это доказательством?

– Это – нет, – ответил я. – Несмотря на то, что они немного похожи. А вот то, что Тесье воздействовал на поведение Двенадцатого...

Я сделал драматическую паузу.

– О чем ты говоришь? – нетерпеливо спросила Мари.

– О том, что в тот же день он при мне смотрел на экран и говорил кому-то в микрофон – передать Двенадцатому, чтобы тот вел себя менее эмоционально.

Мари укоризненно улыбнулась.

– Ну и что? Мало ли что он говорил.

– Да, но через минуту Двенадцатый у меня на глазах стал говорить

спокойнее.

На этот раз мои доводы оказались убедительными.

– Ты уверен, что это был Двенадцатый? – озадаченно спросила Мари.

– Да. На все сто.

– И он действительно поменял свое поведение после этого?

– Он сделал именно то, что ему сказали: стал демонстрировать меньше эмоций.

Произнося эту фразу, я вспоминал полутемный зал и уверенный голос Тесье: «Передайте Второй и Двенадцатому: поменьше эмоций». И двух марионеток на экране, послушно повинующихся указаниям этого голоса.

– Принимается, – сказала Мари. – Это, да еще и твоя доска... Значит, осталось девять. И она зачеркнула Двенадцатого.

Но даже девятерых оказалось проверить не так-то просто. Хотя начало поисков было весьма обнадеживающим. Уже через три дня после нашей встречи Пятнадцатая выдала себя. Усаживаясь спиной к Мари в полупустой Секции Трапез, она еле слышно вздохнула: «Опять куриные котлеты». Мари возликовала и едва не побежала рассказывать мне о своей удаче.

После этого эпизода мы уже было решили, что справимся с остальными подозреваемыми за пару недель. Но на этом наше везение и закончилось. Прошел месяц, прежде чем мы смогли вычеркнуть Девятнадцатого. Шестая мучила нас день за днем, увеличивая своим поведением список «галочек», как их называла Мари, но ни за что не давала нам однозначного доказательства. Понадобилась не одна неделя для того, чтобы добыть это незыблемое подтверждение ее актерства. Поэтесса Тринадцатая держалась еще крепче, пока, наконец, путем изощренного перекрестного допроса мы не убедились в том, что она сама не в состоянии срифмовать ни строчки. Со скрипом это можно было бы списать на отсутствие условий для творчества, но при этом она еще и не имела ни малейшего понятия о размере.

Мы ловили каждое слово, каждый взгляд. Мы пользовались каждым поводом для того, чтобы направить разговор в нужное нам русло. Мы подозревали, следили, проверяли гипотезы. И при этом мы сами оставались безукоризненными Пятым и Восьмой. Или, по крайней мере, так нам хотелось

думать.

Цель была поставлена, и каждый вычеркнутый человек приближал нас к ней. И мы просто стремились достичь этой цели, предпочитая не думать о том, что будет, когда все люди в списке будут вычеркнуты.

Я вернулся к столу и уныло взглянул на стопку испещренных пометками листов. Где главный список? Опять я его куда-то задевал... Итак, сколько у нас осталось? Разумеется, вечный Седьмой (ни одной галочки!)... Четырнадцатый только что ушел. Одиннадцатая близка, но еще не совсем... Шестнадцатая была в прошлый раз... Неужели все? Значит, осталось только двое? И на одну из них есть тонны компромата? Можно сказать, еще полтора человека – и все? Когда мы встречались в прошлый раз, оставалось пятеро, и казалось, что их еще так много.

И тут мне дико захотелось увидеть Мари. Не Восьмую. Мари. Обнять ее. Зарыться лицом в мягкие волосы. Увидеть ее улыбку и эти милые ямочки на щеках... За это время мы виделись всего два раза. С каждым вычеркнутым кандидатом наша осторожность росла. И чем больше она становилась, чем чаще на меня нападали эти приступы тоски по девушке, которую я видел почти каждый день.

Но увидеться мы смогли только через неделю. Даже переписка шла теперь медленнее, чем прежде.

Невеселая была эта встреча. Опасность, которая несколько месяцев назад была хоть и пугающей, но все же абстрактной, подошла теперь совсем близко, дышала в лицо. Мы срывали маску за маской – и вплотную приблизились к той черте, за которой срывать их будет не с кого. И когда мы перейдем эту черту, нам придется принимать гораздо более тяжелые решения.

– Одиннадцатую мы скоро добьем, – говорила Мари, сидя в своем любимом кресле. – Хотя торопиться не следует. А вот Седьмой... Либо он идеальный актер, либо...

– Слишком колоритный персонаж, – сказал я. – Нутром чую, что он играет.

Конечно, Седьмой мог еще оказаться Зрителем, но после этих полных разоблачений месяцев я в это не верил.

– Нутра здесь недостаточно, – ответила Мари. – Ошибаться мы не имеем

права. Не та ситуация.

– Я знаю. Но он не Зритель. И кроме того, одна галочка все же есть.

– Ты опять про квадрат?

– Ну не мог он сам его придумать. Не мог, и все.

Мари зябким движением закуталась в свою накидку. В сгустившихся «сумерках» ее силуэт темнел на фоне светлой стены.

– Андре, это только квадрат. Любой мог додуматься до него. Особенно если годами не заниматься ничем, кроме живописи. Даже цвета не те.

– Рубенс ведь не додумался, – возразил я.

– Хорошо, – засмеялась она, – пусть будет одна галочка. Доволен?

Я кивнул. Некоторое время мы молчали.

– Ты думал о том, что будет дальше? – спросила Мари, когда я встал и присел на пол возле ее кресла.

Конечно, я думал. И не раз. Как ни отгонял я от себя эти мысли, как ни давил в себе это тоскливое ожидание беды, я не мог не думать об этом. Сколько еще протянутся наши поиски несуществующего человека? Неделю, ну две, ну от силы месяц. А что делать дальше? Когда станет окончательно ясно, что нас обманули? Когда, откусывая кусок хлеба, можно будет лишь гадать, какая гадость была замешана в тесто, из которого он приготовлен? Когда каждый день мы будем понимать, что нас меняют – и не будем знать, как, и зачем, и в кого или во что мы превращаемся? Что мы будем делать тогда? Попытаемся бежать? Но как? Даже если пробовать симулировать «нервный срыв», кто сказал, что отсюда нас выпустят живыми? И что, если Мари никогда не выйдет из этих стен? Когда я думал об этом, безнадежная тоска отступала на задний план. В такие моменты меня скручивало от ненависти. Нет, я не дам этим мерзавцам что-либо сделать с Мари! Еще не знаю, как, каким способом, но не дам!

Впрочем, один способ начинал смутно вырисовываться. Но подробно я его еще не продумывал. Почему-то мне казалось, что, начав разрабатывать этот способ в деталях, я окончательно признаю, что опыт ведется над нами.

– Да, думал, – ответил я, чувствуя, как легкая ладонь опустилась мне на плечо. – Убедимся в том, что Седьмой – Зритель, дотянем здесь оставшиеся два года или сколько там нам осталось, получим кучу денег, выйдем отсюда и будем жить долго и счастливо.

Но моя попытка не удалась.

– А если мы убедимся в том, что Седьмой – не Зритель? – мягко спросила Мари.

Я вздохнул.

– Есть одна задумка. Не ахти что, но реальнее всех остальных вариантов. Включая захват заложников и подкоп.

– А что, – оживилась Мари, – было бы здорово захватить Тесье в заложники!

– И кормить его нашей едой, пока он не сознается, что они тут делают! – подхватил я.

– Ну, а теперь серьезно, – сказала Мари, все еще смеясь. – Что за способ?

– Понимаешь, что бы мы ни придумывали, мы по-прежнему в их руках, – неохотно начал я. – И они могут делать с нами все что угодно. Почему? Потому что они уверены в том, что никто не знает, где мы находимся. Это незнание – их главное оружие.

– И ты хочешь намекнуть им на то, что это не так? Что кто-то знает, где мы? Но ведь пока нас сюда не привезли, мы и сами не знали, куда едем.

– Правильно. Но мы ведь заранее знали, когда и откуда нас заберут.

– То есть за их машиной могли следить? – медленно сказала Мари. – Кто-то мог ехать за ними всю дорогу...

– Или у меня в кармане могла быть маленькая радиометка, – продолжил я. – Конечно, это слишком отдает шпионским детективом, но ты только представь себе такой сценарий. Какая-то организация – скажем, полицейский департамент – расследует дело об исчезающих молодых людях. Известно, что они уже не первый год пропадают по всей Франции. Все они, как один, незадолго до исчезновения идут на какое-то собеседование. Перед тем как отправиться туда, некоторые из них даже показывали объявление своим друзьям. И за неимением лучшего способа департамент решает послать по подобному объявлению профессионала, то бишь меня. Почему именно меня? Потому что я внешне похож на некоторых молодых людей, которые исчезли за последние десять лет. Я бодро прохожу собеседование, кладу в карман метку и покорно даю отвезти себя в институт. А мои шефы каждую секунду знают, где я нахожусь. Правдоподобно?

– А почему бы и нет? – сказала Мари. – Очень здравая версия. Ты у меня молодец, – нежно прибавила она. – А что дальше? Шантаж?

– Ага, – отозвался я, – старый добрый шантаж. Если с нами что-то произойдет, вам не поздоровится. Так что лучше всего опустите нас на свободу.

– Не очень связно. Если ты полицейский, то почему ты просто хочешь отсюда убежать? Скажи им: не смейте никого трогать! И вообще вы все под арестом.

Я пожал плечами.

– Я же говорил – это только задумка. Арестовывать их я, понятное дело, не могу. Эти ребята не дали бы себя арестовать даже настоящему полицейскому. Главное – поселить в них сомнение. Можно вообще сказать, что это – журналистское расследование и метку мне в карман засунула редакция. Такое утверждение вообще невозможно проверить. Не важно, кто за мной стоит. Важно, что кто-то знает, где я, и поднимет шум, если со мной что-то произойдет.

В комнате стало почти темно.

– Тебе пора идти, – сказала Мари. – Потом ты будешь привлекать больше внимания.

– Ты права, – ответил я. – Но я не хочу уходить.

Глава тринадцатая

– Пятый, – позвала меня Мари, – Пятый, проснись.

«К чему здесь такая маскировка, – недовольно подумал я сквозь сон. – Ну какой я для тебя Пятый?» С трудом разжав набрякшие после ночи веки, я открыл глаза. Комнату заливал утренний свет. Да, пора вставать.

– Давно не спишь? – бодро спросил я, поворачиваясь к Мари.

Ответа не последовало. Мари мирно спала, по-детски держа руку под щекой. Ее темные волосы разметались по подушке. А женский голос у меня голове продолжал звать: «Пятый... Пятый...»

Первым побуждением было вскочить и побежать к микрофону. В следующий момент пришло осознание того, что именно это делать сейчас нельзя. Я рывком сел на постели.

– Ах ты, соня, – укоризненно говорила Николь. – Ну что мне с тобой делать? Ну проснись же...

– Андре?

Я повернулся. Мари сидела на кровати и с недоумением смотрела на меня. Видимо, на моем лице отразилось все напряжение, владевшее мной, потому что уже секунду спустя она наклонилась вперед и тревожно спросила:

– Давно зовет?

Я мотнул головой. Она метнула быстрый взгляд на стол.

– Конечно, выключен, – почему-то вполголоса сказал я.

– Если ты не проснешься, я закричу, – пообещал голос Николь.

Попав с третьей попытки в рукав, я собрался. Мари молча наблюдала за мной. Хотя нас никто не мог слышать, мы не разговаривали.

Самое страшное из всего, что могло произойти, произошло. Мы знали, на что шли, и знали, что подобная ситуация вероятна. Вместе с другими возможными проблемами она была продумана и обсуждена. Правда, неприятный холодок, пробегающий по спине, в теорию не входил. Так же как и едва ощутимое, но все же мерзкое чувство беспомощности. Теперь нам только оставалось действовать так, как было решено в тот вечер. Ждать.

– Не волнуйся, – одними губами сказал я. Мари слабо улыбнулась.

«Почему молчит Николь? – лихорадочно думал я. – Что она сейчас делает? Спокойно ждет? Проверяет все мониторы? Оповещает всех наблюдателей и актеров о пропавшем Пятом? Или с нехорошей улыбкой набирает номер Тесье?» Мне казалось, что эти минуты, заполненные мертвым молчанием, тянутся вечно...

– Ладно, спи, ленивец, – сказала Николь. – Что с тебя возьмешь...

Я перевел дыхание.

– Ну что? – спросила Мари, не спуская с меня напряженного взгляда.

– Все в порядке, – ответил я. – Все в порядке. Как ни хотелось выскочить за дверь, делать этого ни в коем случае не следовало. Надо было подождать хотя бы полчаса. За это время Пятый мог успеть проснуться, встать, умыться, сделать зарядку и в тот момент, когда Николь отвернулась от экрана, покинуть свою комнату.

Я смотрел на Мари. Мы знали, что эта встреча – последняя. Больше рисковать было нельзя. Если бы они заподозрили, что мы встречаемся... Думать об этом не хотелось. Мы будем видеть друг друга каждый день, мы будем

обмениваться письмами, мы даже будем разговаривать, но еще долго, очень долго нам не удастся встретиться.

Никогда в моей жизни время не шло так быстро.

– Пора идти, – сказал я наконец.

Мари взяла мое лицо в ладони и долго смотрела мне в глаза.

– Будь осторожен.

– И ты, – ответил я. – Мы по-прежнему можем переписываться.

– Да, конечно... – думая о чем-то своем, сказала она. – Я надеюсь, что это Седьмой.

– Я тоже.

Она грустно усмехнулась.

– Обманщик. Я знаю, что ты так не думаешь. Но я все-таки надеюсь.

Я поцеловал ее в сухие губы и встал. А затем, превращаясь в Пятого, вышел во внешнюю комнату.

– Надо обсудить твою новую книгу, – сказала вечером Николь. – Никак не могла тебя сегодня разбудить.

– Да что ты говоришь? – удивился я. – А я ничего не слышал.

Два дня спустя Мари написала: «11 – точно (6)». Что означало: «Одиннадцатая – точно не Зритель. По шестому правилу». Если в личных строках мы позволяли себе быть многословными, то во всем, что касалось поисков, наша переписка была лаконична и понятна лишь нам. В свое время я настоял на таком элементарном средстве предосторожности.

Сам не зная зачем, я перечитал наше шестое правило. «Человек не является Зрителем, если он абсолютно недвусмысленно демонстрирует связь с наблюдателями». Интересно, что она сделала? Что бы это ни было, Мари перепроверять не надо. Если уж она написала «точно», то Одиннадцатая не больший Зритель, чем я сам. Значит, остался только Седьмой. Последняя надежда.

Седьмой. Невысокий, ладно скроенный, с непослушной копной темных волос, вечно спорящий и возражающий, он был каким-то слишком живым для Зрителя. Его непосредственность порой граничила с детской. В разговорах он переходил с одной темы на другую, пока не останавливался на чем-то, что его каким-то образом интересовало. Найдя такую тему, он вцеплялся в нее

бульдोजьей хваткой, только для того чтобы так же внезапно потерять к ней интерес полчаса спустя. Если кто-то выражал свое несогласие в таком вопросе, Седьмой мог увлечься спором и не отставать от противника до тех пор, пока не убеждал его в своей правоте. Было непонятно, почему ему позволялась такая живость. Я, например, не раз был вынужден сдавать позиции в спорах, повинуюсь голоску Луазо.

Он был, несомненно, талантлив. Картины его варьировались от бесформенных пятен до превосходно выполненных портретов. Некоторые из них, на мой взгляд, были просто мазней. Но были и такие, от которых нельзя было отвести взгляда. Я не знал, рисовал ли он все эти картины сам, но, по крайней мере, делать это он мог. До недавнего времени я подозревал, что он такой же художник, как Тринадцатая – поэтесса. Однако после того как у меня на глазах Седьмой небрежно набросал Секцию Встреч, пришлось признать, что рисовать он умеет. Причем великолепно.

И вот этот-то человек остался последним в списке подозреваемых. А ведь если отбросить ни на чем не основанный смутный образ анемичного гомункулуса, он мог бы быть превосходным Зрителем. Тем более что вялых анемичных личностей здесь не было вообще. Это объяснило бы все: и его шумную раскованность, и разнообразие картин, и полнейшее отсутствие каких-либо «галочек». А главное, это уничтожило бы то темное чувство опасности, которое охватывало меня все сильнее и сильнее. Но в отличие от актеров, для выявления Зрителя способов не существовало. Надо было продолжать наблюдения, теперь уже концентрируясь только на одном человеке.

Около трех недель спустя я пришел домой в самом радужном расположении духа за последние месяцы. Поводов для радостного настроения хватало. Человек, называвший себя Седьмым, продолжал быть образцовым бессмертным. Несмотря на все наши старания, мы не смогли найти хоть малейший изъян в его поведении. Он был подозрительно естественен для актера. Перед нами начинала брезжить надежда.

Происшествие, нагнавшее на нас страху во время последнего свидания, постепенно изглаживалось из памяти. Николь не стала подозрительней ни на йоту. Посмеявшись над моей сонливостью, она полностью забыла о ней и больше

никогда не упоминала о том страшном для нас утре. Я уже стал подумывать о новом свидании, хотя понимал, что пока это не более чем мечта.

Ну и, наконец, сегодня после двухдневного перерыва я встретился с Мари. Мы столкнулись в дверях кабинки в Секции Врачевания, куда я пришел для очередного анализа крови. Мари, прижимая пальцем белую полоску пластыря, выходила из двери как раз в тот момент, когда я подходил к ней. Мы остановились на несколько минут поболтать, и даже самый придирчивый наблюдатель не смог бы найти ничего предосудительного в этой беседе.

Вследствие всех этих причин я был настроен благодушно. Настолько, насколько мне позволяли изрядно уменьшившиеся подозрения. Зайдя в спальню, я растянулся на кровати и некоторое время лежал, прикидывая, сколько времени надо еще следить за Седьмым, для того чтобы с легким сердцем объявить его Зрителем. Придя к выводу, что двух месяцев должно быть достаточно, я еще больше повеселел из-за относительной краткости этого срока, сладко потянулся и обвел комнату хозяйским взглядом. Комнате такого взгляда явно не хватало. Разбросанные и там и сям вещи возвышались вокруг светлыми курганами. Повсюду вперемешку с книгами и тетрадями лежали листы бумаги, покрытые схемами и вопросительными знаками. Вся обстановка красноречиво говорила о необходимости уборки.

Вздыхнув, я слез с кровати и стал наводить порядок. Процедура заняла около получаса и придала комнате божеский вид. Кроме того, она принесла неожиданный плод – обнаруженную под кроватью длинную линейку. Улыбнувшись этому напоминанию о Седьмом, я отложил находку в сторону и тут же подумал, что надо бы ее вернуть. Поиски поисками, а держать месяцами взятую на один вечер вещь нехорошо. Заодно представляется отличная возможность лишний раз пообщаться с подследственным. Впрочем, какой он подследственный. Самый настоящий Зритель.

Подумано – сделано. Через десять минут я был у Седьмого. Он встретил меня очень радушно и сразу же стал уверять, что я зря беспокоился. Во-первых, про линейку он уже и думать забыл, во-вторых, у него есть другая, в-третьих, он все равно очень рад меня видеть, а в-четвертых, не вообразил ли я снова, что ему нужна линейка для создания картин? Я как мог уверил его, что подобные заблуждения больше не приходят мне в голову, и сразу же согласился на его

предложение присаживаться. В отличие от прошлого визита, в этот раз я был заинтересован в продолжительной беседе. Предоставив мне диван, Седьмой с размаху сел в кресло и немедленно начал повествование о великолепной идее, которая осенила его вчера. Живопись, оказывается, давно нуждается во встряске. Конечно, благодаря некоторым энтузиастам какой-то прогресс имеет место, но все же ничего нового не создавалось уже долгие годы. Течения сформировались еще во Втором периоде и с тех пор не подвергались каким-либо серьезным изменениям. Нужен свежий подход! Нужно что-то истинно новое! Мы не можем больше топтаться на месте. Потенциал, заключенный в изобразительном искусстве, не использован пока и на тысячную долю. Мы должны идти вперед! Больше пока он ничего придумать не смог, но само осознание этой необходимости уже является очень важным шагом на пути к новым высотам.

Я слушал и размышлял о том, какая блестящая жизнь ждала бы его в большом мире. Эта неумемная энергия в соединении с талантом могла выдвинуть его в первые ряды современных художников. Кто знает, может быть, экспериментаторы, сами того не ведая, вырастили нового Дали. А он вынужден был прозябать в этих стенах, даже не подозревая о своих возможностях. С другой стороны, может быть, именно ему суждено было стать символом новой жизни для всего человечества...

– ...впрочем, кое-что я тебе сейчас покажу, – закончил Седьмой и скрылся во внутренней комнате.

Оставшись один, я сделал то, что делают многие гости, будучи ненадолго покинуты хозяевами: встал и прошелся по комнате, осматривая обстановку. Гостиная Седьмого безуспешно пыталась балансировать между комнатой для приема гостей и мастерской-галереей. Мастерская явно побеждала. Для такого небольшого помещения здесь было слишком много картин (разумеется, все они были написаны хозяином).

Картины пестрели на стенах, стояли, прислоненные к ним, на полу, и даже из-под дивана высовывался краешек белого листа. Я прохаживался и вглядывался в полотна, пытаясь вообразить, что думал их уникальный создатель, когда писал их.

Осмотрев все картины, я как хороший гость вернулся на диван. Седьмой задерживался. Я потер лицо, сменил позу и, не зная, чем еще заняться, бесцельно

потянул плотный лист, край которого белел у моих ног. Лист оказался абсолютно чистым, и я чуть было не сунул его обратно, когда мне в голову пришло, что, возможно, рисунок располагается на другой стороне. «Наверно, и там ничего нет», – вскользь подумал я и перевернул лист. С него на меня смотрело хмурое, подозрительное и высокомерное лицо Наполеона Бонапарта.

Что делать теперь? Что ждет нас? Чего добиваются эти люди? Такие вопросы терзали меня, когда, возвратившись домой, я кругами ходил по комнате. Зрителя не существует. Не существует! Все эти рассказы о дерзкой идее, о человеке, не знающем о смерти – все это было сладкой ложью, ловушкой, гигантским обманом. Нас поманили огромными деньгами, и мы словно бабочки на огонь слетелись в это страшное место. И теперь нас, как бабочек, готовили для какого-то гербария. Я с отвращением вспоминал сегодняшней ужин. Порцию каких жутких веществ я добровольно отправил в свой организм? Что они делают со мной? С Мари? В кого мы превращаемся? Что станет с нами через три года?

Да, некоторые из окружающих нас людей подходят к концу своего срока. Да, все они выглядят нормально. Но люди ли это? Или просто оболочки, под которыми осталось немного человеческого? И как, как нам избежать такой же участи? Я метался от вопроса к вопросу. Что здесь происходит? Что с нами делают? Как отсюда бежать? Чего хочет эта невидимая рука, которая безжалостно управляет нами? И в этот момент невидимая рука напомнила о себе.

– Пятый, подойдите, пожалуйста, к микрофону, – произнес холодный голос Тесье. – Мне надо с вами поговорить.

Я замер. Тесье? Неужели это совпадение? За все это время он говорил со мной только однажды, тогда, после разговора с Эмилем.

– Подойдите к микрофону, – повторил голос. – И не пытайтесь сделать вид, что вы спите.

Неужели намек на то утро? Медленно переставляя ноги, я подошел к столу, сел и включил микрофон. Что бы это ни было, никаких доказательств у них нет. Надо быть спокойным... спокойным...

– Я слушаю.

– Очень рад, что смог вас застать.

Снова этот приторный тон. И что это? Опять намек?

– Уже поздно. В это время я обычно дома.

– Очень хорошо. Вы ведь еще не успели лечь, не правда ли?

– Еще не успел. Но собирался.

Главное – не волноваться. Ему ничего не известно...

– Я не задержу вас надолго. Мне необходимо обсудить с вами кое-какие организационные детали, но это не должно занять много времени.

– Детали чего?

– Кстати, мы с вами давно не разговаривали. Как вам вообще живется?

– Спасибо, все хорошо.

– Не скучаете?

– Нет. Он глухо кашлянул.

– Чем занимаетесь в свободное время?

– Простите, что вы имеете в виду? Разве не все мое время свободное?

– Скажем так, чем вы занимаетесь в то время, когда не исполняете свои обязанности? Вы ведь знакомы со своими обязанностями?

– Разумеется.

– Не могли бы вы напомнить мне, в чем они состоят?

– Быть Пятым везде и всегда.

– Превосходный... просто превосходный ответ. Предельно коротко и ясно.

Мне казалось, что он играет со мной, как огромный ленивый кот с мышкой. И я не мог избавиться от ощущения того, что за этим предельно вежливым тоном скрывается едва сдерживаемое бешенство.

– Так как же вы проводите свое время, когда не изображаете Пятого?

Неужели они знают о наших поисках? Или о наших встречах?

– Как я уже сказал, я изображаю Пятого везде и всегда.

Тесье понимающе усмехнулся.

– Вы уверены, что это так?

– Уверен. Всегда, кроме тех моментов, когда я нахожусь в своей внутренней комнате. Я не могу быть Пятым, разговаривая с вами или обдумывая новую книгу.

К чему я приплел книгу? И что он знает? Он должен что-то знать, иначе он бы не стал говорить со мной сам. Тем более так говорить.

– Ну что ж, если вы уверены в том, что эти моменты единственные, мне

остается только вас поздравить. Вы, несомненно, образцовый актер.

Я стиснул зубы. Если я сейчас промолчу, то этим признаю, что в чем-то виноват.

– На что вы намекаете?

– Я? – очень естественно удивился он. – Разве я на что-то намекаю?

– Вы говорите со мной так, как будто я нарушил свои обязанности. Но я знаю, что никоим образом их не нарушал.

– Да-да, – сказал он, – конечно, вы ничего не нарушили.

– Тогда что вы имели в виду?

– А вот что, – угрожающе сказал он изменившимся голосом. – Впрочем, нет... – его голос снова стал бархатным. – Позвольте мне рассказать вам одну занятную историю. Лет пять назад один из моих исследователей пришел ко мне с очень дельной идеей. Он предлагал усовершенствовать устройство, которое мы используем для связи с актерами, и превратить его в радиомаяк. Таким образом, мы бы могли не только общаться с любым актером, но и в любой момент знать его местонахождение с точностью до полуметра.

Он помолчал.

– Несмотря на очевидные преимущества этого усовершенствования, я принял решение не использовать его. Электромагнитные волны, излучаемые подобным устройством, представляли собой потенциальную опасность для человеческого мозга. Хотя угроза эта была чисто теоретической и существование подобного вреда никогда не было доказано, мы отказались от такого подхода. И я ни разу не испытывал сожалений по этому поводу.

Тесье опять умолк. Я представлял его себе – уверенного, властного, спокойного... и готового взорваться в любой момент. И в эту минуту я ненавидел его.

– Сегодня я впервые пожалел об этом решении. Человек, пренебрегающий элементарными правилами, которым он добровольно обязался следовать... человек, который регулярно подвергает риску многолетний эксперимент... человек, который плюет на благо всего человечества... такой человек не заслуживает подобной поправки. Вы знаете, о каком человеке я говорю?

Теперь молчал я. Меня всего распирало от злости, но я крепился. Какой пафос! Какое лицемерие! Прямо мать Тереза, а не хладнокровный

экспериментатор, ставящий опыты над незащищенными людьми!

– Думаю, что знаете, – все так же холодно и спокойно произнес Тесье.

Конечно, я знаю. Но неужели ты думаешь, что я скажу? Не пойман – не вор...

– Не понимаю, о ком речь, – в тон ему сказал я.

– Я так и думал, – с каким-то едва заметным удовлетворением ответил Тесье. – Ну что ж, простите за беспокойство.

– Ничего страшного, – учтиво отозвался я, стараясь скрыть торжество. Похоже, пронесло.

– У меня к вам только одна просьба... – продолжил он. – Будьте осторожны! Поймите, что в следующий раз мы вас все-таки поймем! Прекратите ставить эксперимент под угрозу! Не лезьте в постель к той актрисе, которая через месяц заменит нынешнюю Восьмую.

Если бы он сказал: «Постарайтесь не кричать, когда в вашу комнату пойдет иприт», мне было бы легче.

Я напрягся, как от удара. Это блеф... Им ничего не известно... Он просто пытается меня запугать...

– Почему вы говорите мне об этом? – я сам удивился тому, насколько спокоен был мой голос.

– Потому что с нас хватит одной беременной женщины. Отныне вам придется сдерживать свое либидо.

Я почувствовал, что мой лоб покрывается испариной. Этого не может быть. Та ночь? Мари была уверена, что все в порядке...

– Видимо, у вас больше нет вопросов, – сказал Тесье. Теперь в его голосе явно слышалось удовлетворение. – Спокойной ночи. Возвращайтесь в образ Пятого.

– Стойте, – тихо сказал я. – Откуда вы знаете, что она беременна?

Тесье молчал.

– Откуда вы знаете, что она беременна? – настойчиво повторил я.

Молчание.

– Откуда вы знаете... – начал я, забывая обо всем.

– Хватит! Теперь вопросы буду задавать я, – сказал он. В голосе его появились металлические нотки. – Мы знаем, и если бы вы были поумнее, то догадались бы откуда. Но в особом уме вас заподозрить нельзя. Женщина, с

которой вы спали, невзирая на запреты, беременна. Обсуждать здесь нечего. Теперь нам надо удалить ее из эксперимента таким образом, чтобы ничем не нарушить его ход. С вами я говорю только затем, чтобы предупредить об этой замене и о том, что больше нарушений я не потерплю. Забудьте о Восьмой и обо всех остальных женщинах. Станьте, наконец, Пятым! И оставайтесь им. Остальное – не ваша забота. Это все.

– Я хочу знать, что произойдет с Мари, – медленно сказал я. Выкручиваться теперь не имело смысла.

– А меня не интересует, что вы хотите знать, – отрубил Тесье. – Знайте свое место. Это все, что от вас требуется.

– Что вы собираетесь делать с Мари? – повторил я, игнорируя эту грубость.

– Что будем делать? – переспросил он, – А что мы можем делать, по вашей милости? Хорошо было бы сделать аборт.

Я вздрогнул всем телом.

– Но кто-то все равно должен заменить ее во время операции, а кроме того, она вряд ли согласится. Так что нам придется срочно искать замену и готовить ее по ускоренной программе. Потом мы их поменяем, и ваша Мари отправится рожать. Денег у нее хватит на самый хороший госпиталь. Мы о ней позаботимся.

Его «позаботимся» прозвучало как обещание. Я мог только представлять себе, насколько страшной будет эта забота.

– Что касается вас, то я с радостью отправил бы вас восвояси. Но, к сожалению, это не так просто сделать. Запасная актриса на роль Восьмой была неплоха, и за месяц мы доведем ее до ума. Ваш же напарник был безнадежен, поэтому пока мы вынуждены довольствоваться вашими услугами. И имейте в виду: если вы попытаетесь хоть чем-то навредить, вы будете жалеть об этом до конца своих дней.

– Не смейте ничего делать с Мари, – повторил я, закрывая глаза. – Не смейте.

– Да что вы заладили свое? – с раздражением сказал Тесье. – Что мы с ней можем сделать? Она уйдет точно так же, как и все актеры, у которых истекает контракт. Ничего особенного ее не ждет. Конечно, она была здесь только треть срока, так что все будет пропорционально ...

«Она уйдет»... «мы позаботимся»... «пропорционально»... Даже в этой гладкой лжи сквозит угроза. Как мне узнать, что они собираются с ней делать? Да

какая разница, что именно они сделают. Ясно, что они не собираются выпускать ее. Что делать? Что я могу сделать?!

– Почему вам надо ее удалять? Разве вы не можете добавить одного ребенка?

– А, это будет ваш вклад в эксперимент? – саркастически осведомился Тесье. – Да, теоретически мы можем ввести ребенка в окружение подопытного. Но что вы прикажете делать, если ваш младенец заболевает и умрет? Весь эксперимент и так уже находится под угрозой в результате ваших сексуальных походов. Только не хватало, чтобы Восьмую стало тошнить от нашей еды.

«От нашей еды»... я чувствовал, что еще немного – и я сам взорвусь.

– А если вдруг выкидыш... – продолжал он, как бы размышляя – Какая глупость! – сказал он вдруг с чувством. – Да вы представляете себе, что вы натворили? Если что-нибудь произойдет при подопытном...

И тут у меня отказали какие-то внутренние тормоза.

– Перестаньте мне пудрить мозги со своим экспериментом! – заорал я, уставясь в стенку. – Можно подумать, мне неизвестно, что никакого подопытного не существует! Мне все равно, что вы тут делаете, но если хоть что-нибудь произойдет с Мари, вы об этом пожалеете!

И неожиданно Тесье умолк.

– Что вы сказали? – спросил он мгновение спустя.

Я перевел дух. Действительно, что я сказал?

– Я вас правильно понял: вы считаете, что подопытного не существует?

Только теперь я осознал, какие именно слова произнес. Что делать? Выкладывать карты на стол? Но ведь я не готов. Ничего толком не продумано. Детали не проработаны. Хорошей версии как таковой не существует... Тесье молчал. Выбора не было.

– Да, вы меня правильно поняли, – проговорил я. – Мне известно это и многое другое. Но даже не думайте о том, чтобы убрать меня. За мной стоит большая организация.

– Ах, вот как, – задумчиво сказал он. – Организация.

– Да, – подтвердил я, мысленно повторяя свои аргументы и содрогаясь от их нелепости.

– И вы можете привести хоть одно доказательство в пользу того, что вы не

врите?

И я привел ему доказательства. Здесь было все – и радиометка, и мое специальное задание попасть на место Пятого, и постоянная слежка, и даже «нам известно все о Пьере Шенале». Эта была сумбурная и, наверное, достаточно неправдоподобная речь. Теперь, когда я произносил свои заготовленные фразы, они казались мне ужасно неуклюжими. Но делать было нечего. По крайней мере, у них не было никакой возможности проверить, говорю ли я правду. А не зная этого, они не могли просто отмахнуться от моих слов.

– ... поэтому я советую вам просто выпустить ее на свободу как можно скорее. А про все то, что происходит в вашем институте, мы еще поговорим, – закончил я на убедительной ноте.

Реакция Тесье была абсолютно неожиданной.

– Ну-ну, – сказал он и отключился.

Синий тамбур был пуст. Я закрыл дверь, ощутив под рукой легкий толчок замка, и огляделся. Даже если это ловушка, они хотят сохранять видимость правдоподобия до конца. Иначе бы здесь не стоял второй стул. Хорошо... Один спокойный взгляд на эту обновку, два уверенных шага вперед... Если за мной следят, они должны видеть только уверенного в себе агента. Правда, неплохо бы еще знать, как должен вести себя такой агент. Не книжный, а настоящий.

Я опустился на стул, храня на лице безразличие. Они меня побаиваются. Надо поддерживать в них это отношение. Во что бы то ни стало. Их боязнь – это моя единственная надежда. Прошло уже два дня, а с нами еще ничего не произошло. Мари в порядке, я видел ее сегодня. Что же до меня, то сегодня утром я проснулся в целости и сохранности, хотя им ничего не стоило сделать мой сон вечным. Значит, они боятся. Разумеется, они подозревают, что мой рассказ – ложь. Но одно дело подозревать, другое – знать. Я уверен, что уже второй день они мечутся в поисках решения, придумывая, как поступить с нами. Пока все остается по-прежнему. Каждый ведет свою игру. Однако теперь хитрый Тесье что-то задумал. «Вам ничего не угрожает... Мы предоставим вам доказательства». Верить ему, конечно, нельзя. Но не идти было бы глупо. Вполне может быть, что он просто хотел выманить меня в тамбур для того, чтобы убрать без лишних свидетелей. Но убрать меня можно и в спальне, а отказавшись идти, я

продемонстрировал бы неуверенность и страх. В моей новой роли такие ошибки с рук не сходят. Поэтому я тут.

Как он пытался вывести, что мне известно! Три беседы, одна длиннее другой. Вкрадчивый голос, настойчиво бормочущий в голове. «Уверяю вас, вы не правы... Все не так, как вам кажется...» И вопросы, вопросы, вопросы. «Как вы пришли к подобным выводам? Что вам известно? Каким образом вы узнали о Шенале?» Мне известно многое, уважаемый вивисектор. А что не известно, то несложно угадать. Но неужели вы рассчитываете на откровенность? И я раз за разом повторял свою версию: мы знаем о вас все, мое местонахождение известно, не делайте глупостей... Надо отдать Тесье должное, глупостей оп пока не делал. Он вообще никогда их не делает.

А потом он отключался, и наступали тоскливые часы раздумий. Бесстрашный агент исчезал, и вместо него появлялся напуганный своими открытиями экс-журналист. Он терзался страхом за Мари, стискивал кулаки в приступах бессильной ярости и готов был выть от свинцового чувства неопределенности, охватывавшего все его существо. А за всем этим тихо звенела непривычная, не вяжущаяся с окружающим кошмаром мысль: «У меня будет ребенок...»

– О чем задумался?

Я вздрогнул. Вот так Джеймс Бонд. Даже не слышал, как открылась внешняя дверь.

– Я не...

Кто это? В проеме двери стоял совсем не тот, кого я ожидал увидеть. Я ждал кого угодно – Тесье, Луазо, Катру, бритоголового, даже профессионального убийцу в черной маске, но никак не этого человека. Если это действительно он.

– Так говоришь, тебя послали на мое место? – спросил мой двойник, усаживаясь на стул.

Если что-то и изменилось в нем, то это цвет кожи. Теперь он был загоревший, словно пляжный спасатель. Все остальное осталось таким же: и спокойный изучающий взгляд, и уверенная небрежная манера сидеть, и это умение с первого слова завораживать собеседника.

Если бы не загар, я мог бы вообразить, что смотрю в зеркало. Но это не он. Двойников они создавать умеют. Хотя нет. Это может быть именно он. Ведь я не

знаю, что они делают с актерами.

– Как тебя зовут?

– А ты стал неприветливым.

Он зевнул, прикрывая рот кулаком.

– Извини, перемена часового пояса. Так вот, раньше ты был гостеприимнее. Я бросаю все, лечу десять часов, не высыпаюсь – и все из-за того, что у кого-то разыгралась подозрительность. А в результате ты со мной даже не здороваешься.

– Ты тоже не поздоровался, – я уже полностью взял себя в руки.

Он улыбнулся.

– Ну что ж, привет, тезка. Давай выкладывай, что у тебя произошло.

– Как тебя зовут? – повторил я. Загоревшее отражение, сидевшее напротив, стало серьезным.

– Меня зовут Пьер Шеналь. А теперь скажи мне, каким образом ты узнал мое имя и вообще что все это значит.

Я усмехнулся.

– Тесье решил, что таким образом он добьется большего успеха? Можешь передать, что ему надо направить свои усилия в другом направлении.

– Ты не веришь, что я – Пьер Шеналь? – задумчиво спросил он.

– Нет, – ответил я. – Ты либо не он, либо человек, который когда-то был им. В любом случае, ты не тот Шеналь, который пришел сюда четыре года назад.

– Теперь я понимаю, о чем говорил Тесье, – произнес он, качая головой. – Хорошо, давай по порядку. Веришь ты мне или нет, но я – действительно тот самый человек, за которого себя выдаю. Я пробыл здесь три года, изображая Пятого. Когда мой контракт истек, меня сменил ты. Мы встречались с тобой за несколько месяцев до этого. Потом я получил свои деньги и через месяц уехал из Франции. А два дня назад со мной связался злющий Тесье и попросил срочно прилететь сюда. Вначале я отказался, так как дела эксперимента меня сейчас не волнуют. Однако он продолжал настаивать. Пока ты мне веришь?

– Продолжай, – сухо сказал я. Он снова зевнул.

– М-да. Похоже, что ты основательно погряз в своих теориях. Короче, я не соглашался до тех пор, пока он не сказал мне, что мой последователь близок к сумасшествию и только мой приезд может спасти его, а заодно и все исследование. Этот последователь, оказывается, вбил себе в голову, что его

кругом обманули и экспериментируют над ним самим и всеми актерами. Я бы махнул рукой и на это, но когда он сказал, что ты утверждаешь, что был послан чуть ли не разведкой, для того чтобы занять мое место... тут я уж не смог удержаться. В общем, не знаю, зачем ты наплел старику Леону такие страсти, но все это – полная чушь. Понимаешь?

Его уверенный голос вселял в меня больше сомнений, чем все заверения Тесье. Но ведь Зрителя действительно не существует. Даже если предположить, что все его слова – правда, Зрителя здесь все равно нет.

А раз его не существует, значит, опыт ставят над актерами. Больше ставить не над кем. Он, может быть, сам не знает, во что они его превратили.

– Как ты можешь доказать, что ты действительно – Пьер Шеналь?

– А как ты можешь доказать, что я не Шеналь? – хитро поинтересовался он. – Не знаю. Могу показать паспорт, но думаю, что для тебя это не доказательство. Могу продолжать уговаривать тебя. Могу... – он задумался, – нет, больше ничего не могу.

– Где ты сидел во время нашей встречи? – спросил я.

– Спроси что-нибудь полегче, – фыркнул он. – По-моему, в кресле. А ты на кровати.

– О чем мы говорили?

– Ты зачем-то пытался узнать, что здесь творится. Прямо сгорал от любопытства. Так же как и сейчас, – добавил он.

– А что я должен был, по-твоему, делать?

– Узнавать повадки Пятого. Ну, как еще ты меня проверишь?

Да, похоже, что это Шеналь. Те же мысли, что и в дневнике. Значит, по крайней мере, их не убивают. И даже через год они еще остаются людьми. Я почувствовал, как страх за Мари немного ослабил свою ледяную хватку.

– А почему ты так уверен, что я не оттуда? – я сделал неопределенный жест.

Он усмехнулся.

– Потому что я-то жив и здоров. А ты утверждаешь, что тебя послали после того, как я исчез. Кроме того, Тесье убежден, что ты врешь, а я ему верю. Он обычно не ошибается.

Я улыбнулся. Разговор начинал мне нравиться.

– Ты жив, с этим спорить нельзя. И я допускаю, что год назад я говорил

именно с тобой. Но на твоём месте я бы не стал утверждать, что здоров.

Мой гость озадаченно посмотрел на меня.

– О чём ты?

– Что тебе известно об эксперименте? – спросил я, игнорируя его вопрос.

Он медленно покачал головой.

– Извини, об этом тебе надо говорить с Тесье. Я здесь только для того, чтобы убедить тебя в том, что тебе ничего не грозит.

– Жаль, но пока что ты не очень в этом преуспел, – сказал я. – Но если ты не хочешь говорить о том, что здесь творится, то хотя бы послушай.

Он взглянул на меня как взрослый на забавного в своей серьёзности ребенка. Я терпеливо выдержал этот взгляд. Мы ещё посмотрим, кто кого убедит.

– Ты уверен в том, что опыт ведётся над одним человеком, не так ли?

Он кивнул.

– И этот человек тебе неизвестен. Правильно? Тебе не сообщили его имя, так же как и другим актёрам.

Человек, называвший себя Шеналем, промолчал.

– Можешь не отвечать, – сказал я. – Риторический вопрос. Я знаю не только это, но и то, что ваше поколение актёров было якобы первым. Тебе сказали, что те, кто были до вас, знали его имя.

Это был удар наугад, но я был уверен, что прав. Задумчивое выражение его лица только подтвердило мой вывод.

– А знаешь ли ты, что и мне рассказали точно такую же сказку? О том, что мы – первые. О том, что мой предшественник, то есть ты, знал имя подопытного. Станный обман, не правда ли?

Тень озабоченности скользнула по его лицу.

– Они обманули нас, – продолжал я ковать железо, пока горячо. – Тебя, меня, всех. Этот несчастный ребенок, выращенный в незнании смерти – его нет и никогда не было! Мне достоверно известно, что он не существует. Вообще не существует. Именно поэтому нас и обманывают. Теперь ты веришь?

– Не понимаю, – озадаченно проговорил он. – Каким образом...

– Неважно, – оборвал я его. – Это так. Поверь мне. Этот человек выдуман специально для того, чтобы удерживать актёров в их ролях. А сам эксперимент велся и ведётся над актёрами. Над нами. Сначала над тобой, теперь надо мной.

Шеналь недоверчиво смотрел на меня, и было видно, что он о чем-то напряженно думает. Я понял, что попал в точку. Теперь надо было заставить его поверить до конца.

– Сомневаешься? – спросил я. – Тебе страшно признать, что ты был Зрителем... кроликом?

И вдруг его лицо просветлело.

– Разумеется! – воскликнул он и звонко хлопнул себя по лбу. – Мой дневник! Ты прочитал мой дневник!

Я опешил. Он вовсе не был напуган. Он ликовал. Он радовался, как ребенок.

– Вот откуда ты взял мое имя. Правда?

Он перегнулся через стол, блестя глазами на загорелом лице.

– Ты ведь просто прочитал мой дневник. Ну скажи, так или нет? Ну?

Я не был готов к этому. Я растерялся. Я просто молчал, хотя надо было говорить. А когда я заговорил, уже было поздно. Он понял, что я читал дневник.

– Разумеется, все пошло оттуда, – говорил он, улыбаясь во весь рот и не обращая внимания на мои возражения. – Ты нашел мой дневник. Прочел его, сложил два и два и понял, что тебя обманули. Как ты смог его вытащить? Я-то думал, что он будет лежать в этой щели вечно.

Я чувствовал себя полным идиотом.

– Но почему ты решил, что кролика не существует? – спросил он вдруг. – Я бы сделал совсем другой вывод.

Я пытался собраться с мыслями. Что, если я ошибся? Что, если актерам действительно ничего не грозит? Продолжая упираться, я упущу неповторимый шанс узнать, что произошло в действительности. При этом не обязательно отказываться от своей легенды. Даже будучи послан на его место, я мог найти эту тетрадь. Но тогда мои вопросы будут звучать смешно...

– Почему ты отказался писать? – спросил я наконец, прерывая его восторженные возгласы.

– Отказался писать? О чем ты говоришь?

– После того как ты вышел отсюда, тебе предлагали писать книги для Пятого. Ты отказался. Почему?

Он улыбнулся. – Ты поймешь, когда закончится твой контракт.

– Но ведь ты хотел написать эти книги. У тебя были идеи.

– Идеи... Понимаешь, после трехлетнего перерыва начинаешь ценить многие вещи, на которые раньше не обращал внимания. И тогда оказывается, что писать книги для кролика – это не самое интересное дело. Особенно если у тебя так много денег.

Он вдруг снова оживился.

– Слушай, а ты случайно не из-за этого вообразил, что со мной что-то случилось?

На этот раз в точку попал он. Но я все еще не был убежден в том, что ошибся. Хорошо, пусть мои поиски были основаны на неверной предпосылке. Но ведь Зритель действительно не существует!

– А как же обман? Зачем они внушают каждому актеру, что он – первый?

– Наверное, у них есть на то причины, – сказал он с едва уловимой насмешкой.

– Так ты знаешь, что тут происходит?!

– Тут происходит именно то, о чем тебе рассказали – уникальный опыт. И ставят его над одним человеком. И этот человек – не ты.

Я уже почти забыл об образе бесстрашного агента.

– Но я знаю, что его нет!

– Ты ошибся, – мягко сказал он.. – Наверное, ты его каким-то образом искал и не нашел. Ты в чем-то ошибся. Он существует.

– Ты знаешь, кто он такой? – спросил я в упор. – Я не прошу называть его имя. Только скажи, знаешь ли ты его. Да или нет?

Он отрицательно покачал головой.

– Его имя мне неизвестно.

– Тогда почему ты убежден в том, что он существует?

– Потому что у меня нет оснований считать иначе.

Он встал.

– Надеюсь, я смог убедить тебя в том, что со мной ничего не произошло. Забудь об этой ерунде, продержись тут еще два года, а потом иди и радуйся жизни. Тебе ничего не грозит. Понимаешь? Ничего не грозит. Я могу ответить еще на какие-то вопросы?

О чем я мог его спрашивать? За десять минут он разрушил башню ужаса, которую я воздвигал много дней подряд. Он был «жив и здоров» и уже одним

своим появлением выбивал из-под моей теории ее краеугольный камень. Он не знал, кто такой Зритель, и не стремился это узнать. Он даже не задумывался о том, почему меня обманули в этом вопросе. А почему, кстати, он не задумывался?

– Ты сказал, что у них есть причины внушать всем актерам, что подопытному – двадцать пять. Допустим, ты прав. Тогда это может означать только одно. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Он сосредоточенно кивнул.

– Это обозначает, что он действительно не стареет, – веско сказал я, глядя ему в глаза. – Это так?

– Извини, – Шеналь развел руками, – Чего не знаю, того не знаю.

Он задержался с ответом на какую-то долю секунды. Но даже этого мне хватило для того, чтобы понять, что он врет. Несомненно, однозначно врет – первый раз за все время нашего разговора.

Через минуту после его ухода в комнату вошел Тесье, держа в руке какие-то белые листки.

– У меня нет времени, – сухо начал он без какого-либо приветствия. – У меня нет времени разбираться с вашими капризами и детскими кошмарами. Ваша нелепая подозрительность уже обошлась мне очень дорого и продолжает высасывать деньги и усилия из моего проекта и моих людей. Срочные билеты из Таиланда обходятся, между прочим, весьма недешево.

Он сел на стул и угрюмо уставился на меня из-под сросшихся бровей.

– Я не буду разбираться в ваших побуждениях. Только что вы получили доказательства, которые я нахожу неопровержимыми. И не воображайте, что я делаю это из страха перед этой мифической организацией. Вашим фантазиям я не верю ни на грош.

Я открыл было рот, но Тесье не дал мне сказать ни слова и четко угадал мой вопрос.

– Не верю, потому что это полнейшая ерунда. Если бы вы были посланы полицией, вы не бегали бы по девочкам, вместо того чтобы заниматься делом. Кроме того, мы проводим доскональную проверку всех кандидатов и узнаем о них больше, чем они сами знают о себе. А про байки об исчезающей молодежи я вообще не говорю. Надо быть параноиком, чтобы сделать такие идиотские выводы из какой-то тетради. Что он там понаписал? Да, разумеется, ваш разговор

прослушивался – брюзгливо сказал он, заметив мое движение. – Только не делайте обиженное лицо. Короче, доказательства вы получили. А чтобы вы совсем перестали сомневаться... вот... ознакомьтесь.

И он небрежно бросил на стол свои листки. По гладкой кремовой поверхности стола веером разлетелись черно-белые фотографии. Я осторожно взял ближайшую.

Секция Встреч. Снято из угла, недалеко от длинного прохода. На переднем плане – чья-то мощная спина. Справа от нее вполборота стоит Ева. А между ними, чуть поодаль... да, это не ошибка... ребенок. Мальчик. Ему года три, не больше. Сияющий карапуз радостно бежит навстречу камере. Точнее, несется он, конечно, к человеку, стоящему спиной к камере. Маленькие ручки с растопыренными пальцами протянуты вперед. Все лицо – одна сплошная радость. Хоть бери и используй для плаката о счастливом детстве.

Я отложил фотографию и взял следующую. Тот же ребенок на диване в окружении моих хохочущих «родителей». Указывает пальцем на Третьего и что-то говорит с непосредственной детской улыбкой. Рядом стоят Адад, снова Ева, Шинав. Сзади виднеются несколько фигур, но кто они, понять невозможно – слишком далеко. Видимо, мальчонка только что выдал что-то забавное, так как все присутствующие заливаются смехом. Актеры первого поколения (если это действительно они) поразительно похожи на моих современников. Их практически нельзя отличить от людей, с которыми я разговариваю каждый день.

Еще фотография – те же действующие лица, только мальчик уже стоит на диване, опираясь на плечо Второй... Секция Поэзии. Тринадцатая что-то с выражением декламирует. Мальчик спит в кресле у нее за спиной.... Секция Искусств. Шинав с мальчиком. Указывая на картину, что-то объясняет, ребенок слушает с неожиданным для его возраста вниманием... Игры, беседы, веселые моменты странного детства.. Последняя, фотография. Снова Секция Встреч. Ребенок сидит на диване и, склонив голову, слушает, как ему читают книгу. А читает ее ему... Пятый. Я.

Я поднял взгляд на Тесье. Он хмуро и выжидающе смотрел на меня.

– Ну? – осведомился он, – это достаточно убедительно?

– Интересные фотографии, – уклончиво ответил я.

С того момента, как он кинул снимки на стол, я гадал, каким образом мне выгоднее всего отреагировать. Кадры были, бесспорно, убедительные. И мой первый гость, будучи живой копией Шеналья, блистал здоровьем. Доказательства и в самом деле выглядели неоспоримыми. Почти неоспоримыми. Как ни соблазнительно было поверить им и забыть об этом кошмаре, я не мог сделать этого, не покрывив душой.

Ведь мы проверили всех актеров. Всех до единого. А создать живую копию не так уж сложно, особенно при их многолетнем опыте. Не говоря уж о фотографиях. Так что ни одно из этих доказательств не опровергло мои выводы окончательно. Но с другой стороны, что дало бы мне сейчас запирательство? Несмотря на то что Тесье мог избавиться от меня одним движением пальца, он это не делал. Взамен он предпочел пойти на заметные неудобства, убеждая меня в том, что мои подозрения беспочвенны. Значит, каковы бы ни были бы его побуждения, у него есть причины оставлять меня в живых. Он ведет себя так, как будто не собирается причинять нам вред. Предположим, он врет, и эксперимент все же ведется над нами. Чего я добьюсь, заявив ему сейчас о своем недоверии? Только того, что он махнет рукой на все уговоры и решит, что «хороший свидетель – мертвый свидетель»? И сегодня же ночью претворит эту концепцию в жизнь? А уж если допустить, что мы все-таки, ошиблись... Тогда выходит совсем глупо. Продолжая упорствовать, я просто отказываюсь от того остатка денег, которые он еще может мне заплатить.

Все эти мечущиеся мысли вели к одному выводу – надо сделать вид, что я верю. Но не признавать, что я все выдумал про полицию. Потому что, если Тесье лжет, это единственная причина, по которой мы все еще живы. Пусть думает что угодно. Пока надо согласиться, а там посмотрим. Но ведь это несовместимо. Если я верю – значит, я выдумал свою «полицейскую версию». Если я настаиваю на ней – значит, я по-прежнему не доверяю ему. Кроме того, Тесье прав: если бы меня заслали сюда, я не стал бы рисковать всем, встречаясь с Мари. Просматривая снимки, я метался от одной идеи к другой, пока последняя карточка не легла на стол. Так и не придя к однозначному выводу, я произнес: «Интересные фотографии».

И стал ждать его реакции. Реакция последовала незамедлительно и только лишний раз подтвердила, с каким пронизательным противником я столкнулся.

– Колеблетесь, – сказал Тесье.

Тон его был не вопросительным, а утверждающим. Затем он стал участливым.

– Перед вами такая сложная дилемма. Признаться этому людоеду в своей глупости или цепляться за свою версию? А вдруг он прав? А вдруг нет? Вопрос жизни и смерти... Хватит! – вдруг рявкнул он. – За все время существования проекта я ни разу не сталкивался с подобной глупостью! Да если бы мы экспериментировали над актерами, неужели бы я с вами разговаривал?! Прихлопнул бы как муху – и дело с концом!

И странно – хотя этот взрыв негодования мог быть искусственным, он каким-то странным образом уничтожил мои сомнения. Если бы Тесье уговаривал меня, взывал бы к совести и рассудку, сетовал на то, что я не даю им нормально работать, я бы проигнорировал все его увещевания. Но он, не мудрствуя лукаво, признал, что при других обстоятельствах уничтожил бы меня. Конечно, он мог разыграть этот гнев, он мог сейчас спокойно продумывать следующую реплику, он мог снова обманывать...

– Вы меня убедили, – сказал я. – Меня никто не посылал. Я нашел в комнате дневник Шеналья и сам сделал вывод о том, что подопытного не существует. А теперь можете прихлопывать меня как муху.

– Не буду, – сухо ответил он. – А надо бы.

Глава четырнадцатая

– Угадай, что они сказали? – Не буду.

– Почему?

– У меня нет никаких оснований для выводов.

– А ты попробуй.

– Не буду пробовать. Если я просто скажу наугад, ты подумаешь, что я так хочу.

– Не подумаю.

– Подумаешь. Я тебя знаю.

– Ну хорошо. Они сказали, что это девочка. Они уверены только на девяносто пять процентов, но я думаю, так и есть.

– Девочка? Здорово!
– Не притворяйся. Ты хотел мальчика.
– Неправда! Мне все равно. Я очень рад девочке.
– Обманщик.
– Но я действительно рад.
– Я знаю. Но ты больше хотел мальчика.
– Все, пора, – вмешался другой женский голос, – вы уже говорите на десять минут дольше, чем полагается.

– Николь, дай нам еще пять минут, – взмолился я. – Целый месяц этого ждали!

– Пять минут, и ни секундой больше, – строго сказала она.

Пять минут пролетели мгновенно. Прозвучали последние слова прощания, и родной голос пропал. Снова на месяц. До следующего визита к врачу.

Я выключил микрофон и бесцельно взял в руки карандаш. Желтая шестигранная палочка напоминала о настоящем мире, несмотря на то что попала ко мне напрямую от Господа. Я вспомнил, как, теребя отца за большую руку, настойчиво спрашивал его, каким образом графит попадает в дерево. Отец был явно незнаком с этим технологическим процессом и пытался придумать его на ходу. Впрочем, то, что он не знал правильного ответа, я понял значительно позже... А в третьем классе белобрысый Жером Лекер на спор перебивал карандаш мизинцем. Одноклассницы восторженно охали, а я сказал, что он бьет не пальцем, а тем местом, где начинается ребро ладони, и мы подрались... А мой дядя, мамин брат, показывал мне, как, воткнув в карандаш полусогнутый перочинный нож, можно поставить его на стол под абсолютно неестественным углом...

Как давно все это было... Дядя еще был жив, у мамы еще не пробивались седые волосы, жизнь казалась бесконечной. Сколько воспоминаний из-за какого-то карандаша... В последнее время все напоминало мне о том мире. Хотя сам по себе он меня мало интересовал. Но там была Мари, носившая в себе нашего будущего ребенка. Мою еще не родившуюся дочку. Если бы не эти беседы, я бы совсем затосковал.

Спасибо Тесье – он ведь мог свести наше общение к тому короткому разговору, в котором Мари сообщила мне, что она у себя дома, что ей выплатили

деньги и что чувствует она себя хорошо. В тот вечер я полностью распрощался со страхом за ее жизнь. Она действительно была снаружи – в этом сомневаться не приходилось. Ее голос я не спутал бы ни с каким другим, она отвечала на мои вопросы, следовательно, это не была запись, и я готов был поклясться, что говорила она не под угрозой. Слишком естественна была ее речь. Она рассказывала о том, что пока будет жить у родителей, о том, как непривычны ей стали сотни вещей (здесь вмешался Тесье и очень вежливо попросил не обсуждать эту тему), говорила, как она скучает обо мне и что будет ждать. В тот вечер я поверил в то, что, какие бы цели ни преследовал эксперимент, Мари теперь вне опасности.

Потом была еще одна беседа с Тесье, в которой он известил меня о том, что в целях поддержания моего спокойствия разрешает получасовые телефонные разговоры раз в месяц. Я был очень приятно удивлен, так как совсем не ожидал подобных поблажек. Под конец он выразил надежду на то, что я больше не буду создавать проблем, пожелал приятного времяпрепровождения и исчез. И потекли бессмертные дни. Я был снова не сыщиком, а актером и очень усердно старался показать наблюдателям, что мой Пятый ничуть не изменился. Порой на меня нападала хандра, когда я думал о том, как еще долго не встречу с Мари. Полтора года представлялись невероятно длинным сроком. Но потом я вспоминал о деньгах и брал себя в руки.

Лишь один вопрос терзал меня: в чем мы допустили ошибку? Чье естественное поведение мы неверно сочли за игру? Их было всего пятеро – тех, кто могли быть им. Всего пятеро молодых мужчин, один из которых никогда не видел солнца. Никогда не бывал за пределами этого здания. И никогда не слышал слова «смерть». Кто этот человек, было не так уж важно. Важно было найти неопровержимое доказательство его существования. Найти и окончательно успокоиться. И получить все основания называть себя дураком и параноиком.

Я просматривал свои записи. Все эти «галочки» были такими надежными, такими бесспорными. Они так четко указывали на то, что все эти пять человек – актеры. В них не было ни капли фантазии, они были фактами – сухими однозначными фактами. И все же среди этих строчек крылась ошибка. Ошибка, которая едва не стоила мне всего, ради чего я сюда пришел.

Правда, существовала еще одна вероятность. Крошечная, но очень страшная.

Что, если ошибки не было? А была лишь жуткая игра, которую вели со мной. И была она настолько сложна, что я даже приблизительно не понимал ее цели. Встреча с Шеналем, фотографии, разговор с Тесье, благополучный уход Мари, наконец, мое собственное безмятежное существование – все эти детали плотно смыкались вместе, не оставляя ни малейшего повода для подозрений. И все же за каждым из этих пятерых числились поступки, которые мог совершить только актер.

Что-то хрустнуло. Я с удивлением обнаружил, что держу в руках две половинки сломанного карандаша. Спокойнее, спокойнее... Разволновался? Или силушку девать некуда? Так пойдя отожмись. А может, просто трусишь? Боишься за себя? Именно за себя, ведь Мари уже в безопасности. Да, пока я не избавлюсь от этой ложки дегтя, даже бочка меда не будет в радость.

Вечер прошел интереснее, чем обычно. После ужина в Секции Встреч возник Седьмой и сообщил, что в Секции Поэзии Четвертый и Шестая устроили публичное буриме. По его рассказу выходило, что оба они в ударе и пропустить такое зрелище никак нельзя. Общество тут же снялось с места и перетекло в Секцию Поэзии, где игроки действительно блистали изящными экспромтами. Сложно было сказать, сочиняют ли они сами или у их невидимых попечителей вдруг проснулся поэтический дар, но строфы были веселыми, хотя и не всегда качественными. Тут было и обычное буриме с заранее определенными рифмами, и более рискованная, непонятно как допущенная начальством, разновидность «строчка-за-строчкой». «...Соперник рифму не нашел», – нападала Шестая. «Но тут Двенадцатый пришел», – бойко отвечал ей Четвертый, простирая руку в сторону Двенадцатого, который на самом деле показался в этот момент из прохода. Бессмертная публика веселилась.

Возвращался я обратно с группой восторженных болельщиков. Общественное мнение склонялось к тому, что надо устраивать больше таких конкурсов. Все-таки поэзия хорошо развлекает и при этом настраивает на высокий лад. Как и вся литература в целом. «И вообще, – сказал Адам, поглядывая в мою сторону, – у нас давно не было новых книг». – «Действительно, – немедленно оживилась Восьмая, – что же ты, Пятый? Давно пора». «А я и пишу», – отозвался я, думая, что на Восьмую она похожа, а вот на Мари – ни капельки. Хотя,

если задуматься, звучит такое утверждение очень странно. «Да он просто ленится», – сказала Восьмая. «Вовсе я не ленюсь, – запротестовал я. – Пишу каждый день. Только вчера немного застрял с сюжетом. Надо там подумать над одним моментом». «Ты уж подумай, – попросил Адам, – мы ждем». «Ждем, ждем», – подтвердил Третий. «А вот прямо сейчас и подумаю», – решительно сказал я. Мы как раз проходили мимо очередной Комнаты Размышлений. Той самой, через которую Двенадцатый посылал передачи наружу. Красной просьбы не мешать на двери не было, и приступ вдохновения напрашивался сам собой. «Прямо сейчас», – повторил я и, отстав от собеседников, распахнул дверь в тамбур. И остолбенел.

Комнаты Размышлений были всегда пусты. словно идеальные гостиничные номера, они в любой момент были готовы к новым посетителям. Стол, стул, бумага и карандаши на тумбочке в углу. И ничего больше. А тут прямо посреди стола красовалась шахматная доска с неоконченной партией. Справа от нее лежали два листа с какими-то пометками. С другой стороны, аккуратно расставленные в два ряда, возвышались сбитые фигуры.

– Ты сюда? – раздался сзади голос Двенадцатого.

Я повернулся. Шахматист проскользнул мимо меня в комнату и, подойдя к столу, несколько мгновений смотрел на доску.

– А-а, ерунда, – пробормотал он наконец и одним движением сгреб фигуры. – Сюда обычно, кроме меня, никто не ходит, вот я и стал иногда оставлять здесь доску. Мне эта комната больше всех нравится. Цвет тут, знаешь, такой приятный. Раньше здесь появлялся Каин, но он уже давно разлюбил это место, – бодро рассказывал он, с грохотом кидая фигуры в ящик.

Я смотрел на него в полной прострации.

– Все, комната твоя, – сказал он, с треском захлопывая доску. – В следующий раз буду аккуратней.

Я автоматически улыбнулся ему и секунду спустя остался один. Потом закрыл дверь и присел на стул. Вот так, со случайности все началось, случайностью и закончится. Надо же – выставил человека из Комнаты Размышлений... Мыслитель. Вот и размышляй. Обычных Детей приучают с детства – кушать надо в одном помещении, играть в другом, мыться – в третьем. А как должен вести себя мальчик, которого научили, что и для размышлений

существуют специальные комнаты? Правильно – удаляться в них для размышлений. Или для того, чтобы без помех сразиться в шахматы с самым сильным в мире противником. С самим собой.

А как же эпизод с Тесье? Этот четко исполненный приказ «поменьше эмоций!»? Это не могло быть совпадением. Ведь их беседа действительно стала спокойнее. Уж это никак нельзя объяснить. Двенадцатый обязан был услышать команду. А раз так, не мог он быть Зрителем...

Но комната каким-то магическим образом помогала размышлять. Или просто теперь мне не мешала предвзятость, с которой я раньше подходил к этому вопросу. С каким-то безразличием я вспомнил, как несколько дней назад Николь шепнула мне за обедом: «Новый Двадцатый немного волнуется. Не говори с ним так быстро. Дай ему возможность обдумывать слова». Думай, мыслитель, размышляй... Для того чтобы изменить темп беседы, достаточно отдать указание одному человеку. Одному, а не двум! Я видел своими глазами, как Вторая и Двенадцатый стали говорить спокойнее, но ведь этого можно было добиться с помощью одной Второй. А она уже мягко перевела разговор в другое русло. И именно поэтому Тесье так встревожился. Это не два актера обсуждали картину. Актер там был всего один. Вернее, одна.

Вот и все. Загадки больше нет. Только что я выгнал отсюда самого Зрителя. Теперь можно было вздохнуть и с легким сердцем притворяться Пятым еще полтора года.

Но у Тесье были другие планы. Недели через три он связался со мной, как всегда выбрав момент поздно вечером, когда я находился в своей комнате. К этому времени я уже прошел через стадию усиленного самобичевания и пребывал в относительном душевном спокойствии. Эпитеты, которыми я награждал себя, стали уже цензурными. Ошибки еще не были забыты, но уже были прощены и даже частично оправданы. Тем неожиданней прозвучало для меня сообщение Тесье. Точнее, это можно было назвать приговором. В изысканных выражениях руководитель проекта поведал о том, что, заботясь о ходе эксперимента, вынужден заменить меня другим актером. Это будет лучше как для исследования, так и для меня. Мне самому должно быть очевидно, что я слишком озабочен посторонними вещами, для того чтобы продолжать оставаться

идеальным Пятым. С каждым днем вероятность ошибки возрастает, и замена – это единственно верное решение в сложившейся ситуации. Часть денег мне выплатят, хотя я этого не заслужил своим возмутительным поведением.

Я слушал его с двойственным чувством. С одной стороны, это было ужасно. Эпопея с поисками Зрителя не осталась безнаказанной, и теперь меня просто выгоняли за ворота. Это было позорно и стыдно. А с другой стороны, я и сам понимал, что после ухода Мари слишком много думаю о ней и о том мире. Хотя я был уверен, что это не так уж бросается в глаза. Похоже, я ошибся и в этом. «В любом случае, – думал я, слушая Тесье, – замена – это дело далекого будущего. Сначала им надо найти кандидатов, потом их три месяца учить, затем ждать, пока они сдадут экзамены, потом еще минимум недели четыре...»

– Когда вы хотите меня сменить? – спросил я, когда он сделал небольшую паузу. – Месяцев через шесть-семь?

– Вы неверно поняли меня, – бесстрастно ответил Тесье. – Замена произойдет сегодня. Через час.

Все-таки этот человек умел шокировать. Я ощутил себя обманутым и использованным.

– Через час?! И вы не могли предупредить меня заранее?

– А зачем? – сухо спросил он. – Для того, чтобы вы стали еще больше мечтать о выходе и еще меньше обращать внимание на свои обязанности? То, что вы нам не подходите, стало понятно еще в тот день, когда мы получили этот оригинальный анализ крови. Ну, а после ваших скандалов говорить вообще было не о чем. Искать замену мы стали в тот же день. Месяц назад один из кандидатов сдал экзамен. Сегодня он готов.

– А как же встреча со мной? – немного растерянно спросил я.

– Мы организовали ему встречу с вашим предшественником. По ряду соображений это показалось нам более разумным шагом. И не надо делать вид, что это вас расстраивает.

– Но у меня действительно нет повода для радости.

– Почему же? – поинтересовался Тесье. – По-моему, есть, и даже не один. Вы, наверное, не отдадите себе отчета в том, что нарушили не один, а несколько пунктов контракта. По каждому из них, повторяю, по каждому, я имею полное право убрать вас из эксперимента, не заплатив ни сантима. Тем не менее вам

будут выплачены деньги. Раз уж вы заговорили об этом – вам будет выплачена огромная сумма, составляющая треть вашего первоначального вознаграждения. С учетом всего, что вы натворили, это более чем щедрое вознаграждение за услуги. А кроме того... Подумайте – уже через три дня вы сможете увидеть Мари.

– Почему через три дня? – зачем-то спросил я.

– Несколько дней вы будете адаптироваться к обычным условиям. Мы не хотим, чтобы, вернувшись Домой, вы вели себя словно Рип Ван Винкль. Вам и так придется мучиться оттого, что вы ни с кем не можете поделиться впечатлениями.

– Не волнуйтесь, – ответил я, раздраженный его намеком. – Никому про ваши достижения я не расскажу, будете пить свой эликсир сами – пока все остальные будут подыхать от старости. Ваш секрет в безопасности.

После того как я отдал им дневник Шеналея, я не скрывал, что знаю об обмане. Меня только злила эта стена секретности, которую они воздвигали вокруг своего открытия.

– Очень хорошо, – сказал Тесье, кашлянув. – Подождите-ка одну секунду...

Послышался шорох, как будто он прикрывал микрофон рукой.

– Я все равно не согласен, – еле слышно прошелестел его голос в моей голове. – Потом...

Мне показалось, что я слышу голос Катру, но что он говорит, разобрать было невозможно. «...Давно говорил», – донеслось до меня. Но я скорее угадал, чем услышал эти вырванные из контекста слова. Затем шорох еще раз резанул слух, и вновь возникший Тесье стал давать мне последние наставления.

И снова был поход в одиночестве через сумрак. Теперь эти залы не казались чужими и враждебными. Напротив, я испытывал какое-то сожаление, пересекая ставшие такими знакомыми помещения. Полтора года – долгий срок. За это время может стать близким район, город. Что уж говорить об одном здании. Было время, когда эти огромные комнаты казались странными, потом они обратились в грозные, пугающие, а затем они стали просто привычными и оставались такими до этого вечера. А теперь мне было жалко их покидать.

«И тени оживут вокруг, прорвав воспоминаний круг...» Вон там, между изогнувшейся статуей и нелепой картиной, стоял стол, за которым я раздавал книги. Прощай, Зеленая Секция Искусств. Отныне слово «искусство» не будет

обязательно ассоциироваться с цветом. Последний взгляд вокруг, вздох – и шаги уводят меня в следующий зал. Здравствуй, Секция Встреч. Самая просторная, до сих пор поражающая своими размерами... Здравствуй и прощай. Сколько воспоминаний связано с тобой. Здесь состоялась та памятная игра, во время которой из-под маски Восьмой впервые выглянула Мари. Вон тот проход ведет в Секцию Книг; через высокие стеллажи прошло столько трепетных писем. А если обогнуть эти мягкие кресла и пройти чуть дальше, окажешься перед переходом в Секцию Поэзии. Тем самым, в котором находится вход в бывшую комнату Мари. Но мне надо свернуть раньше. Дорога в Желтый тамбур не проходит через все памятные места.

Есть что-то несправедливое в этом поспешном прощании. Любой отъезд хранит в себе надежду на возвращение. Мы не знаем, что ждет нас, и подсознательно допускаем, что когда-нибудь вновь пройдемся знакомыми тропами. А сейчас в воздухе витает неестественное чувство определенности. Независимо от того, захочу ли я вернуться сюда, мне никогда не удастся побывать здесь еще раз. Никогда.

В Желтом тамбуре меня ожидал незнакомец. Был он весь какой-то безликий и невзрачный.

– А где Люсьен? – спросил я его.

– Какой Люсьен? – равнодушно отозвался он. От дальнейших разговоров я решил воздержаться.

Вновь, как полтора года назад, замелькали бесчисленные коридоры и лестницы. Я все ждал громяющего железного пролета, но к нему мы так и не пришли. И наконец, дверь.

– Вам сюда, – сказал мой молчаливый спутник. – Утром операция, потом трехдневный отдых.

– Какая еще операция? – встрепнулся я.

Он равнодушно посмотрел на меня. Потом постучал полусогнутым указательным пальцем у себя за ухом.

– А, имплантат, – догадался я.

– Угу, – кивнул он. – Местный наркоз, десять минут. Все, располагайтесь.

Он распахнул передо мной дверь и ушел.

Я остановился на пороге. Помещение слабо освещалось идущим из коридора светом. Обычная комната. Нет, не совсем обычная. В обычных комнатах не бывает больших матовых экранов. В обычных комнатах на стеклянных столиках не лежат аккуратные стопки газет. В обычных комнатах на стене не висят календари. Посреди обычных комнат не стоят угловатые сумки с ручками. Сумки... Да это же мои чемоданы с вещами! И какой же это экран? Простой телевизор. Все забыл... Все подчистую. Да, еще – в обычных комнатах нет окон. Окон вообще нигде нет. Куда же может вести окно, если за стеной – ничто?

Не зажигая света, я подошел к окну и прижался лбом к холодному стеклу. Снаружи была непроглядная ночь. Темная и, наверное, холодная. Но она была живой. Там горели какие-то подслеповатые огни, там ощущалось какое-то движение. Там были невидимые люди. И вверху, в густой пелене облаков, расплывалось светлое пятно, за которым угадывалась луна. «Вот и все, – подумал я. – Вот и все»!

– Присаживайтесь, Андре, – сказал чей-то голос. – Нам надо поговорить.

Я стремительно повернулся. В кресле у стены, заложив ногу на ногу, сидел Катру.

– Присаживайтесь, – повторил он, мягким движением толкая дверь, из-за которой я не увидел его, когда вошел в комнату.

Стало совсем темно. Затем щелкнул выключатель торшера, и уютный теплый свет осветил лицо Катру. Он почти не изменился со времени нашей последней встречи. Только лысина немного увеличилась. Было в нем что-то от римских патрициев, какой-то грустный величественный аристократизм. Я медленно опустился на диван.

– Вы хотите поговорить о моих ошибках?

– Нет, – ответил он, рассматривая меня, – скорее о своих.

Понятно, сейчас мне предстоит выслушать горькую исповедь учителя, ошибившегося в своем ученике.

– Да не переживайте вы, – сказал я, – вы-то ни в чем не ошиблись. Запрет ведь я не нарушил, а значит...

Катру небрежно двинул рукой, как бы отмахиваясь от моих слов, и спросил:

– Что вам известно об эксперименте? Я усмехнулся.

– Чуть больше, чем вы сочли нужным мне рассказать.

– А подробнее?

Во мне стало расти глухое раздражение. Все это было уже обсуждено с Тесье. Все было десять раз пережевано и объяснено. Зачем он пришел сюда – для того чтобы вызвать во мне раскаяние за свои поступки?

– Послушайте, – начал я, – давайте обойдемся без этого разговора. Вы отлично осведомлены обо всех моих поисках и выводах. Не думаю, что доктор Тесье скрыл от вас какие-то подробности. Поэтому...

И снова он прервал меня этим жестом.

– Не надо. Этот разговор нужен не мне, а вам. Если он вообще кому-то нужен. Понятно? – он строго взглянул на меня.

Затем помолчал и немного устало спросил:

– Так вы хотите говорить, или мне уйти?

– Не уходите, – хмуро сказал я.

Катру удовлетворенно кивнул. И повторил свой вопрос:

– Что вам известно об эксперименте?

– То, что он находится не в той стадии, о которой вы сообщаете всем актерам.

– И в чем же именно мы обманываем актеров?

– Вашему подопытному не двадцать пять лет.

– Так-так... – снова покивал он, будто мой ответ чем-то его удовлетворил. – И пришли вы к этому выводу, читая дневник вашего предшественника?

– Да.

– Сколько же лет этому человеку?

– Не знаю, – терпеливо ответил я, пытаюсь понять, к чему клонится наша беседа. – Может, тридцать. Может, все тридцать пять.

– Расскажите подробнее, – попросил он. – Расскажите все, что вы смогли узнать.

И я рассказал. Вначале я говорил неохотно, потом, подзуживаемый вопросами Катру, вошел во вкус.

– Ну что ж, – сказал он, когда я закончил, – в проницательности вам не откажешь. Значит, по-вашему, мы еще не получили эликсир бессмертия, но уже вплотную подошли к его созданию? Опыт наш удался целиком и полностью,

теперь дело за чисто механическими процессами: синтезировать, улучшать, дозировать... выдавать кому надо... Правильно?

Я молча кивнул. Катру сцепил пальцы и задумчиво посмотрел на меня.

– Доктор Тесье, которого вы неоднократно упоминали, очень неохотно дал свое согласие на этот разговор. Очень, очень неохотно... Но вы так уверены...

Высказав эти малопонятные слова, он опять замолчал, теперь уже надолго.

– Вы правы в одном. Человек, над которым ведется этот опыт – не ваш сверстник.

Я затаил дыхание.

– Но с оценкой его возраста вы ошиблись. Ему не тридцать лет. И даже не тридцать пять. Он на два года младше меня. В этом году ему исполнилось пятьдесят.

Какое-то мгновение он молчал, как бы оценивая эффект сказанного. Эффект был велик. Такого я даже не предполагал. Пятьдесят лет... Пятьдесят лет! Я понял, что передо мной открывается тайна. Та невероятная, тщательно скрываемая, грозная тайна, к которой до этого времени мне удавалось лишь едва прикоснуться.

– Люди, которые стояли у истоков этого эксперимента, были очень умны, – негромко продолжал профессор. – Двое-трое из них были, пожалуй, гениальны. Остальные – необычайно предусмотрительны и прозорливы. Определяя условия проведения эксперимента и создавая этот комплекс, они предусмотрели все. Даже то, что уже через двадцать лет техника шагнет так далеко вперед, что наблюдения будут вестись совсем другими приборами. Такими, о которых они не имели ни малейшего представления в то время. Что уж говорить о полувековом сроке. И тем не менее даже сегодня, когда мы хотим внедрить новые системы, использовать последние технологии, мы можем делать это с минимальными сложностями. Мы находим все на своих местах.

Даже та неприятность, что случилась неделю назад... Починка систем отопления могла бы стать сплошным мучением, если бы не этот великолепный дизайн. Впрочем, не о том речь. Они были очень умны. И все же кое в чем они ошиблись. В том же, в чем ошиблись вы. Да, мы доказали, что человек, не знающий о смерти, не подвержен влиянию старости. Безумная идея, созревшая у погибшего в Соппротивлении человека, оказалась гениальной. И теоретическая

важность этого достижения огромна. Однако его практическая ценность равна нулю. Или очень близка к нему.

Он провел рукой по лбу. Я смотрел на него с недоумением. Как это – равна нулю? У них тут живет бессмертный человек, а они рассматривают это как любопытное теоретическое открытие?

– Мне повезло – я пришел в эксперимент в то время, когда это еще не было ясно, – сказал Катру, поднимая голову. – Мне довелось быть тут, когда многие верили в успех, а некоторые еще боялись поверить в него. Эксперимент в те дни находился в состоянии чуда. К этому времени уже было доказано, что организм остановился в развитии. Надо было видеть эти лица, чтобы понять всю радость, владевшую людьми. Понимаете? Все сбывалось. Все. Любой эксперимент – это попытка, и наша попытка день ото дня становилась все более успешной. Мы хотели растить человека, который не знает о смерти. Мы вырастили его! Он не заболел, не зачах в искусственных условиях, не вырос шизофреником, не сходил с ума от отсутствия половых контактов. Мы надеялись на то, что он не будет стареть. Эти надежды тоже сбылись! Ему было тридцать с лишком... с хорошим лишком, но по всем показателям его биологический возраст не превышал двадцати пяти. Мы хотели исследовать его. И это тоже было возможно благодаря мудрости тех, кто начал эксперимент. Мы могли делать с ним все, что угодно, не вызывая у него никаких подозрений. Главное было позади. Теперь начиналась практическая часть. Идея была проста: раз он остается молодым, значит, в его организме идут какие-то процессы, задерживающие старение. Скажем, вырабатываются какие-то специальные частицы в крови, идет нестандартное деление клеток, все что угодно. Я не специалист в этих вопросах, моя область – психология, но все микробиологи и генетики дрожали от возбуждения. И они налетели на бессмертный организм со своими приборами, будучи уверены, что через год-другой раскусят этот механизм. А там – рукой подать до создания лекарства. До пресловутого эликсира молодости. До противоядия от яда старения.

Катру замолчал. Было видно, что он вспоминает то золотое время, о котором говорит. Я все еще не понимал, что же у них стряслось. Затем у меня стало формироваться какое-то, подобие идеи. Если теория оправдалась, но практическая ценность равна нулю, значит... Но ведь это поправимо. Это просто

дело времени.

– Ваши методы еще недостаточно совершенны? Вы не можете четко понять этот механизм?

– Не все так просто, – ответил он. – Если бы в этом была вся загвоздка! Хотя начиналось это именно так. Года через два после того, как было официально признано, что он не стареет и было дано «добро» на исследования, положение оставалось таким же. Мы просто не понимали, почему это происходит. Более того, у нас не было даже намека. Этот парень абсолютно не менялся, но мы не могли даже приблизительно нащупать, что же именно задерживает его организм в развитии. Восторженность немного улеглась и сменилась некоторой озабоченностью. Но наши исследователи не унывали. «Это вопрос уровня, – говорил тогда Осака. – Эритроцит нельзя увидеть невооруженным глазом. Надо копать глубже». И они копали еще не один год. И по-прежнему оставались на месте. Ни один анализ, ни один тип исследования не показывал разницы. Он был таким же, как обычный двадцатипятилетний человек. И тогда впервые кто-то высказал эту простую и страшную мысль. А что, если этого различия вообще не существует? Ни на каком уровне. Вы бы видели, что тут началось! Это заявление было не просто встречено в штыки. Оно было объявлено чуть ли не ересью. Разумеется, различие есть! Не может не быть! Просто наш уровень науки не позволяет его обнаружить. Единственным, кто не кричал, что это чушь, был Тесье. Он примерно в это время стал руководить всем комплексом, и многие ожидали, что он вообще запретит подобные разглагольствования. Но он, будучи очень резок во всех остальных вопросах, занимал тут скорее выжидательную позицию. А потом... Упадочные настроения всегда опасны. Впрочем, это не совсем верное слово... В общем, постепенно мысль эта стала овладевать многими умами. Ведь подопытный: остановился в развитии именно в возрасте двадцати пяти лет – четко на том пороге, который мы установили сами. А если бы мы окружили его сорокалетними людьми? Дошел бы он до того же возраста? И как бы ни допотопна была наша наука, мы все-таки умеем копнуть очень глубоко. Мы не умеем менять, мы не умеем лечить, зачастую даже не можем понять, но видеть-то мы можем... Понадобилось десять лет для того, чтобы осознать это печальное состояние дел. Но уже давно все ясно. Эксперимент зашел в тупик, и из этого тупика нет пути назад.

Сначала я напряженно ловил каждое его слово, ожидая внезапной трагической развязки, но к этому месту все это стало казаться мне чуть ли не бредом. Они что, решили махнуть рукой на все только потому, что за десять лет не смогли понять, почему их создание остается молодым? Некоторые вещи исследовали столетиями.

– Не понимаю, – начал я, – почему...

– Это сложно понять, – жестко сказал Катру. – И еще сложнее принять. Но похоже, что дело обстоит именно так. Между ним и обычным человеком нет никакой разницы. И никакого противоядия в его организме тоже нет. И не было. Такого противоядия вообще ни в каком виде не существует. Он просто не принимал яд. А мы все принимали. Все поголовно. Все страждущее человечество. И ежедневно по капле продолжаем подливать его себе и друг другу. Вопрос был с самого начала поставлен неверно. Вопрос не в том, почему не стареет он. А в том, почему стареем мы. И если мы хотим кого-то сравнивать, для того чтобы понять механизм старения, надо сравнить двадцатипятилетнего человека и сорокалетнего. Обычный человек в этом смысле представляет собой гораздо больший интерес для исследования, чем этот уникум. Мы стареем и умираем, потому что уверены, что должны стареть и умирать. Потому что мы верим в это на таких глубинных уровнях сознания, которые мы не можем контролировать. Ни во что, ни в одну другую идею человек не верит так неистово, так свято, как в неизбежность своей смерти. Мы даже не верим в это – мы знаем. А между тем наиболее правильный вывод из этого полувекового эксперимента состоит в том, что смерть от старости – это атавизм. Но в отличие от других атавизмов этот не исчезнет в процессе эволюции. Потому что он не физиологический. Именно та связь мозга и тела, которая делает подопытного вечно молодым, заставляет всех остальных стареть. Это один и тот же фактор. Никто не должен стареть и умирать. Никто! Мы не создали бессмертного человека из этого младенца. Мы лишь ввели его в естественное человеческое состояние. В то состояние, в которое сами не можем и, наверное, никогда не сможем войти. Кто знает, сколько миллионов лет назад произошел этот скачок. Может быть, даже в тот момент, когда человек стал человеком. Но люди всегда жили в мире, наполненном старением и смертью. И всегда будут жить в нем. Мы сами сжигаем свои тела, отдавая себе приказ стареть.

– Но ведь разница все-таки есть! – горячо сказал я. – Пусть не там, где вы предполагали. Не в крови, не в клетках. Вы же сами сказали – это мозг. Различие у него в сознании! Раз приказ стареть не отдается, значит, его мозг чем-то отличен.

– Конечно, отличен, – с легкостью согласился Катру. – Так же, как и ваш мозг отличен от моего. Но если вы умеете писать стихи, а я – нет, то вся современная наука не в состоянии взять это ваше умение и привить его мне. Мы не можем имитировать работу мозга. Так, простейшие биотоки, примитивные команды. Как можно говорить о глубоком исследовании мозга, если мы не знаем даже элементарных вещей? Никто не знает, что такое мысль, никто не знает, что такое личность, разум, душа, наконец. Мы не знаем абсолютно ничего. Может быть, когда-нибудь, через сотни или тысячи лет, люди смогут проникнуть так глубоко. И тогда же они, возможно, смогут дотянуться до тех нитей, которые связывают разум и тело. Может, им даже удастся остановить старение. Но только наш эксперимент помогает в этом не больше, чем изыскания средневековых алхимиков. Он уже давно перестал быть попыткой доказать теорию, создать эликсир, облагодетельствовать человечество. Он превратился в попытку осознания того простого факта, что зная о смерти, нельзя от нее уйти. И надо сказать, осознавать это очень горько. Он хрустнул сцепленными пальцами.

– Это в какой-то мере иронично. Только это очень страшная ирония. Люди – единственный биологический вид на всей планете, способный поставить такой эксперимент и обнаружить, что старение не является обязательным атрибутом жизни. И только люди в состоянии осознать, что им никогда не будет доступна жизнь без старения. Жизнь без смерти. Вы еще молоды, вам это все кажется абстракцией. Мне пятьдесят два... Вы знаете, как это мучительно? Каждый день видеть его, понимать, что он не меняется, знать, что ты ничем не отличаешься от него, И знать, что ты одряхлеешь и умрешь, а он – нет. А еще страшнее – сознание того, что ты не можешь не давать этот яд своим детям.

Я молчал. Я уже начинал чувствовать, что еще не раз вспомню этот разговор и, возможно, не раз пожалею о том, что он состоялся. Но сейчас меня занимал другой вопрос. Неужели все так безнадежно? Ведь одного-то человека они вырастили.

– А почему бы не использовать, тот опыт, который вы накопили? Только в больших масштабах? Можно построить целый город, взять сотню детей и растить

их, используя ваши методы. А потом появится следующее поколение, и, может быть, они унаследуют эту особенность?

– Мы думали об этом, – печально сказал Катру. – Колония... Мы – одни, вы – другие... Но это означает, что с момента рождения детей надо полностью изолировать от их родителей, семьи, всего нашего мира, возвести вокруг них мир-суррогат и растить их там, вдали от отравленного смертью человечества. И все для чего? Для того чтобы, не зная ни отца, ни матери, ни реального мира, они росли в этом склепе, не подозревая о смерти? А что потом? Ведь рано или поздно их надо было бы вывести на солнечный свет. И они увидели бы смерть в ее многоликих проявлениях. Это был бы такой удар по психике, что, можете не сомневаться, те из них, кто не сошел бы с ума, тысячу раз прокляли бы своих воспитателей. А затем, наверное, состарились бы и умерли. И еще неизвестно – не скорее ли, чем обычные люди. Я и так не представляю себе, что ждет нашего подопытного... Или нам надо было бы держать и плодить их в этом склепе в надежде на то, что их потомство не будет отравлено? И сколько лет понадобилось бы для подтверждения этого предположения? Что ждало бы первое поколение? Они бы так и провели всю жизнь там? И в любом случае их дети уже не были бы людьми. Их не связывало бы с человечеством ничего: ни само понимание мира, ни культура, ни история, ни – что самое главное – срок жизни. А для чего все это нам?

Катру говорил с такой горечью, что я вдруг понял: эти мысли терзают его уже много лет. Он бередил сейчас передо мной свои старые раны. Мне стало жаль его. И все же кое-что он еще должен был мне объяснить. Слишком много они на себя берут...

– Но почему вы молчите об этом? О таких результатах надо кричать на каждом углу! Почему вы решили, что вправе решать за все человечество? Как вы можете быть уверены в том, что, если вы не смогли воспользоваться своим открытием, никому это не под силу? Если лучшие умы станут работать над проблемой, тогда, может быть, если не у нас, то у детей наших детей появится шанс вырваться из этого заколдованного круга? Люди должны знать правду. Почему...

И тут Катру коротко исподлобья глянул на меня. В этом взгляде было что-то такое, что я сразу замолчал.

– Кричать, – сказал он вполголоса. – Конечно, кричать. Эй, люди! Слушайте нас! Вы можете жить гораздо дольше! Несравнимо дольше! Долгие-долгие годы. А может, даже вечно. Только знаете, что? Хоть вы это и можете, вы все равно умрете. Вам не удастся использовать эту возможность. Что бы вы ни делали, как бы вы ни старались, вы состаритесь и умрете! И дети ваши состарятся и умрут! И будет человек читать газету, наткнётся на эту статью, сначала отмахнется, потом через день вспомнит о ней, потом подумает над этим сообщением, потом хорошо осознает его. И знаете, что он вам скажет после этого? Зачем? Зачем вы сказали мне эту правду?! А если я вовсе не хотел ее знать? На что она мне? Мне без нее было хорошо, а с ней плохо. Да пропадите вы пропадом с вашей правдой! Вы мне ее рассказали, а теперь я не знаю, как жить дальше.

На мгновение он умолк, плотно сжав губы.

– Вы знаете, что один из наших генетиков покончил с собой? Молодой мужчина, сорок лет... Три пачки снотворного и записка: «Теперь все равно когда». Полиция, конечно, нашла мотив, но мы-то четко знаем, что он имел в виду. После этого случая Тесье перетряс все правила и засекретил все, что можно. Теперь даже новые исследователи не знают, сколько в действительности лет подопытному. Они думают, что ему около тридцати.

– Если так, – тихо спросил я, – то зачем вы рассказали мне?

– Потому что из всех актеров, которых я повидал на своем веку, вы больше всех стремились узнать правду. Вы были просто одержимы ею.. Для того чтобы ее узнать, вы рисковали всеми обещанными деньгами. И после этого было бы несправедливо не открыть вам ее. Мне кажется, что вы достаточно стойкий человек. И сможете к ней привыкнуть. Привыкли же мы все.

Он невесело улыбнулся.

– Конечно, для доктора Тесье эти соображения несущественны. Я мог бы уговаривать его до бесконечности, используя такие аргументы. Но у него были свои причины согласиться на эту встречу. Он, видите ли, был очень озабочен тем, что вы составили себе абсолютно неверное, представление о том, чего мы добились и почему молчим о своих достижениях.

– По-моему, я не первый актер, которому рассказали правду, – осторожно заметил я.

Катру кивнул.

– Да. Пьер. Ему я тоже рассказал. Но он – необыкновенный человек. За его психику опасаться не приходилось, а нам нужен был его совет. И совет этот был бы гораздо более ценен, если бы он знал все как есть. Было еще несколько людей... Раньше, до запрета. Что стало с ними, я не знаю.

С этими словами он встал. Я тоже поднялся.

– Надеюсь, я смог ответить на все заданные и незадаанные вопросы. Передавайте привет Мари. Она замечательная девушка. И постарайтесь поменьше думать о том, что я вам рассказал.

– Подождите, – попросил я. Катру замер на пороге. – Вы же меня знаете... Еще один вопрос.

– Конечно, – ответил он без малейшей иронии. – Спрашивайте.

– Зачем вы продолжаете эксперимент? Если все так плохо, зачем здесь вы?

И неожиданно он улыбнулся.

– Это два разных вопроса. Исследование продолжается по ряду причин. Лет пять назад в воздухе витали подобные настояния. «Закончить и забыть... тупик эволюции...» Но тогда всем пессимистам дали понять, что эксперимент будет продолжаться. С ними или без них. Даже если бы все руководство считало, что пришла пора прикрыть лавочку, никто не дал бы им это сделать. Вы же понимаете, что деньги на все это, – он повел рукой, – не идут из карманов психологов и генетиков. А те, кто заказывал музыку, захотели прослушать всю оперу. И по крайней мере, слушать ее пока могут. Нам сказали: «Ищите и обрящете. Не будьте так самоуверенны. Копайте в глубь вашего сверхчеловека. Пытайтесь понять, что вызывает старение обычных людей. Короче, занимайтесь делом и предоставьте нам решать, когда заканчивать эксперимент». В финансировании замешаны люди, фонды, какие-то фамильные завещания и еще черт знает что. Так что эксперименту суждена долгая жизнь. А кроме того, многие в руководстве вовсе не стремились прекратить все исследования. Тот же доктор Тесье, к примеру. Он – уникальный сплав ученого и администратора. Для него все это – дело его жизни. И ему гораздо интереснее руководить единственным в мире инкубатором бессмертия, чем кафедрой. А я... Работа мне нравится. Зарплата здесь превосходная. Я здесь сам себе хозяин. Мне тоже гораздо интереснее быть тут, чем преподавать в университете или практиковать. Надо же чем-то занять остаток жизни. Желаю вам хорошо распорядиться своим. Он коротко кивнул мне

и вышел.

Я сидел и, сплетя пальцы, бессмысленно смотрел перед собой остановившимся взглядом. Час назад закрылась дверь за Катру. После его ухода я вынул некоторые вещи из чемоданов, перелистал пахнущую типографской краской газету. Включил телевизор и с удовольствием посмотрел новости, хотя порой не понимал, о чем и о ком идет речь. Встал, перешагивая через раскиданные вещи, прошелся по комнате. Подошел к столу, с любопытством взял плотный лист с заголовком «Рекомендуемые действия». Держа его в руке, вернулся на кровать и не без интереса стал читать, что именно мне рекомендуется делать для скорейшего приведения себя в норму. Но за всеми этими осмысленными действиями стояла глухая тоска. И в какой-то момент, когда белозубый диктор особенно широко улыбнулся с экрана, она обрушилась на меня всей своей тяжестью. Все обиды и разочарования, которые я успел испытать в жизни, потускнели и съежились. Не было больше ни радости от предстоящей встречи, ни огорчения от изгнания. Все чувства отступили, выцвели перед этой странной уродливой правдой.

Всплыли простые и страшные слова Катру: «Никто не должен стареть и умирать». Всплыли и принесли с собой дикую тоскливую безысходность. Теперь я понял. Я не должен стареть. Я не должен умирать. Я могу жить долго, очень долго, много дольше, чем какие-нибудь девяносто лет. Я не хочу умирать!!! Во мне, в Мари, во всех моих знакомых, в любом человеке заложено бессмертие. Мы приносим его с собой, появляясь на свет. И мы не можем им воспользоваться!

Я стиснул голову и ощутил, как под рукой на виске бьется пульс. «Это не кровь проходит через вену, – подумал я. – Это тикают мои часы. Нет, даже не часы, таймер». Давным-давно, когда я был ребенком, его взвели, и теперь ничто и никто не в силах его остановить. А вокруг люди подходят друг к другу и заводят, заводят таймеры, даже не осознавая, что они делают. День за днем они склоняются над детскими кроватками и, с нежностью глядя на своих детей, ласково запускают безжалостный механизм, который столетие спустя превратит ребенка в прах. Но я не хочу умирать! Наверное, нечто подобное чувствует человек, умирающий от болезни в молодом возрасте. Еще много лет он мог бы ходить по земле, что-то делать, чувствовать, жить. Но теперь остались считанные

дни, и конец отсрочить невозможно. Вот что имел в виду тот несчастный, о котором говорил Катру. Какая разница – через день или через сорок лет, если впереди могли быть бесчисленные столетия.

Силясь отогнать от себя эту мысль, я неожиданно вспомнил тот давний вечер, когда пытался представить свою смерть. Тогда были страх, и бессилие, и такое чувство, будто кто-то подталкивает меня к обрыву и, несмотря на все свое сопротивление, я неуклонно приближаюсь к пропасти мелкими шагами. Все это было неприятно, и мерзко, и даже страшно, и все же эти чувства не шли ни в какое сравнение с тем, что я испытывал сейчас. Оказалось, что, сетуя на неведомую силу, к обрыву я подталкиваю себя сам. Подталкивал всю жизнь и теперь уже не могу остановиться. И не остановлюсь до тех пор, пока не сделаю последний шаг и навстречу мне не рванется земля. Тот пронизывающий, тягучий страх, который я тогда испытал... это не следствие неизбежности смерти. Это – ее причина. Я знаю, что я умру. Я боюсь того, что я умру. И умру я только из-за того, что я знаю и боюсь! Но даже это еще не самое страшное.

Настанет момент, когда моя дочка поймет, что я смертен. Он неизбежен, рано или поздно через него проходит любой ребенок. Он настанет и послужит еще одним шагом в этом жутком процессе осознания. А вслед за этим моментом будет другой, когда она придет ко мне и спросит: «Папа, а правда, что я когда-нибудь умру?» И что я ей скажу? Что я ей скажу?! «Да, девочка моя, ты когда-нибудь умрешь, но это случится еще не скоро. У тебя впереди еще вся жизнь, и я надеюсь, что ты проживешь ее счастливо и достойно». Это и будет мой ответ? Конечно, почему бы мне так не сказать, ведь это – правда... Но нет, правдой это было два часа назад. А отныне это не правда, а лишь ее вырванная из контекста часть. Крошечная, безвредная часть. А полный ответ должен звучать так: «Да, доченька, через какое-то время ты состаришься и умрешь. Хотя твой организм может обойтись и без этого. Но так уж заведено». «Ни за что не скажу ей правду, – со злостью подумал я. – Ни ей, ни Мари».

Если бы я глубоко верил, если бы я искренне считал, что там. – другая жизнь... Но я не считаю так, несмотря на то что провел полтора года в обществе Адама и Евы. Грехопадение произошло, и мою Еву уже изгнали из Эдема, а теперь за ней следую я, неся на себе груз знания... Мелькнула странная мысль: что, если это и было то знание, которое пришло к Адаму и Еве? Они жили счастливо в раю,

не подозревая о существовании смерти. И было им запрещено прикасаться к плодам Древа под страхом смерти, но они не знали, что есть смерть, и не могли понять, насколько сурова эта кара. И они нарушили запрет, и яблоко познания открыло им эту тайну. К ним пришло Знание. Они узнали, что должны умереть, и познали сущность смерти и старости. И это Знание заставило их стареть. Оно и стало самой карой, самой Смертью. И были они изгнаны из рая за то, что внесли в мир старение и смерть.

Зачем вы сказали мне эту правду? Вы мне ее рассказали, а теперь я не знаю, как жить дальше...

Был день, и была ночь, была операция, и были дела, были уроки и разговоры, были наставления и вопросы... Были и прошли. А тягостное знание осталось. Оно уходило на время, скрывалось за суетой, забывалось на минуту, даже на час, на два – и все для того, чтобы к вечеру вернуться и с новой сил ей громко и отчетливо заявить о себе.

На какой-то момент мне показалось, что я смогу полностью отмести от себя эти мысли. Это было утром, вскоре после того как ничуть не изменившийся доктор Фольен быстро и благополучно избавил меня от имплантата. С белой повязкой вокруг головы, словно раненый солдат, я вышел из операционной и вспомнил первое из «рекомендуемых действий». «Совершайте прогулки на свежем воздухе. Смотрите по сторонам. Вспоминайте. Вам необходима полная адаптация к привычным внешним условиям...»

Внутренний дворик был необычайно уютен. Несомненно, над ним усердно поработали профессиональные садовники. Аккуратно подстриженные кусты, необычайно сочные оттенки зеленого цвета, яркие цветы, растущие на первый взгляд беспорядочно, а на самом деле – в соответствии с тщательно продуманным планом.

В воздухе носились какие-то волнующие полузабытые ароматы; перелетая с одного цветка на другой, деловито гудел шмель, неподалеку по газону беззаботно прыгала серая пичужка. Как и следовало ожидать, со всех сторон это прелестное место было окружено высокой стеной. Впрочем, месторасположение института абсолютно не волновало меня. Пора безудержного любопытства прошла, и, кажется, безвозвратно.

Вдыхая полной грудью сладкие летние запахи, я шагал по каменной дорожке и чувствовал, как недавние тревоги растворяются в этом хороводе жизни. «Значит, так и будет, – думал я. – Смерть так смерть. Большая часть жизни еще впереди, и она несет еще так много радости. Мари, ребенок, независимость, которую мне дадут институтские деньги, возможность беспрепятственно заниматься любимым делом...» О чем еще можно мечтать? Человек смертен. Так было и так будет. Людям не дано изменить свою природу. Меня ждет еще по меньшей мере полвека полноценной жизни, и это такой долгий срок. И свинцовая обреченность постепенно отступала и бледнела.

«Лет так через пятьдесят, – благодушно рассуждал я, похлопывая прутиком по ноге, – заведу себе такой же сад, буду ходить по нему с ножницами и подстригать кусты. А в гости ко мне будут приезжать внуки. Недалеко, на веранде дома с красной черепицей, будет сидеть в качалке Мари и рассказывать внучке о том, как они с дедушкой переписывались через библиотеку. А вокруг меня будут благоухать цветы и шелестеть листья. Точно так же, как сейчас. Так же, как сейчас... А еще лет через десять меня не станет, а вся эта живность будет по-прежнему зеленеть, щебетать и распускаться. И следующее лето уже не придет. И я больше не увижу Мари. Потому что не станет и ее. И все это ждет нас только из-за того, что мы верим в свою обреченность». Я со злостью отшвырнул прут: Никуда мое знание Не ушло! Никуда и не уйдет. И никогда. До последней минуты. Которая могла бы и не быть последней.

Тесье по-прежнему занимал комнату номер 36. За полтора года номер, конечно, стерся из памяти, но коридор был тот же самый. Когда я, озираясь по сторонам, подошел к кабинету, массивная дверь была приоткрыта. Еще за несколько метров до нее до меня стал доноситься знакомый голос. Подойдя еще ближе, я понял, что Тесье говорит с кем-то по телефону. Для монолога это было слишком странно (да и не склонен он был к монологам), а ответов собеседника не было слышно. Сначала я хотел показаться ему на глаза, но потом рассудил, что особо торопиться некуда, и, прислонившись к стене, стал ждать. Вот они – последние минуты в здании института. Чемоданы собраны, повязка снята, трехдневная адаптация закончена, вид неба уже не приводит в восторженное состояние. Теперь осталось только «пройтись по денежным вопросам», как

выразилась эта безликая личность. Как его, между прочим, зовут? А какая разница? Сейчас я «пройдуся по вопросам» с Тесье, мы обменяемся прощальным рукопожатием, и невзрачный человек без имени повезет меня к Мари. Часам к трём дня, наверное, приедем. Я выйду из машины с тонированными стеклами и никогда больше не встречу ни его, ни Тесье. Кстати, о Тесье: что-то он расшумелся.

Я прислушался. Хозяин эксперимента показывал свою административную сторону и грозно распекал какого-то Этьена. Что натворил этот бедняга, было неясно, но на его голову сыпались громы и молнии.

– Это вам не муниципалитет! – неслось из кабинета. – Здесь бумажками отделаться нельзя! Контракт был подписан, значит, надо платить! Ах, ошибка? Так вот, эта сумма будет вычтена из вашей зарплаты!.. Значительно больше? Тогда из десяти зарплат!

Через минуту мне надоело слушать этот малопонятный поток угроз, и я стал думать о предстоящей встрече. За стеной продолжалась головомойка, Этьену грозили увольнением и непотерпением, но я больше не вслушивался. Мои мысли были далеко. Сегодня я остановлюсь у Мари, а завтра, наверное, надо будет искать квартиру... Сложно представить ее с большим животом... А на следующей неделе мы пойдем к врачу уже вместе... Минут через пять я осознал, что угрозы стихли. И, судя по тону, Тесье говорил уже с кем-то другим. Теперь он был вежлив и приветлив. «Так он никогда не слезет с телефона», – с неудовольствием подумал я и уже хотел было постучать, как вдруг одна из его фраз показалась мне интересной.

– Конечно, – донеслось до меня, – те, кто платит деньги, должны знать, что с экспериментом все в порядке...

Затем последовал довольный смешок.

– Да, подготовьте, пожалуйста, полугодовой отчет. Вы его превосходно составляете. И не забудьте свои коронные формулировки. Особенно эту: «...отсутствие геронтологических изменений в объекте наблюдений...». Спонсоры должны быть спокойны.

Тесье опять усмехнулся. Я замер, прислушиваясь к разговору. Прерывать его уже больше не хотелось.

– Что еще? Истекающие контракты?.. Кто нам нужен? Адад, Седьмой,

Вторая... Хорошо. Двенадцатый? Почему он? Мне казалось, что у него еще много времени.

Он замолчал, слушая ответ невидимого собеседника. Я ничего не понимал. Двенадцатый? Истекающий контракт у Двенадцатого? Какой же у него может быть контракт? Наверное, я ослышался. Однако следующая фраза прозвучала очень отчетливо.

– Да, вы правы, Двенадцатого на порядок сложнее заменять... Да, колорит. Прежнее руководство... Прежнее руководство совершило немало ошибок, но я их не виню. Как бы то ни было, двадцать три года назад они приняли верное решение. Если бы они рассудили иначе, я бы сегодня здесь не сидел. Так что мне грех на них жаловаться.

Нет, это не ошибка. Они действительно хотят его заменить. Но как можно искать замену Двенадцатому? Что за абсурд? И что это за решение они приняли двадцать три года назад? Тесье снова замолчал. Было слышно, как он шелестит бумагами.

– ...Конечно, не можем. Кого-кого, а его переквалифицировать невозможно. ...Вот именно, кое-кто может быть слишком удивлен. А мы ведь должны радовать спонсоров, не так ли?.. Да, как всегда, поговорю лично до начала занятий. Тонкости... В тонкостях вся соль...

Я перестал что-либо понимать. Было очевидно, что они меняли Двенадцатого, причем менять его было сложнее, чем других. Но ведь Двенадцатый – это Зритель! Как можно менять Зрителя?!

– С этим подходом пора заканчивать, – решительно сказал Тесье. – Традиции традициями, но это слишком неэффективно. Есть лучший способ, мы говорили об этом в прошлый раз. Надо решить раз и навсегда. Да хотя бы возьмите нынешнего Двенадцатого. Обсудите с вашими людьми, подключите Фюме... В конце концов, это уже становится смешно.

Эта часть прозвучала уже совсем непонятно, но, пока он говорил об этом «лучшем способе», у меня стала возникать какая-то картина. Странная, расплывчатая картина. Спонсоров нельзя волновать, Двенадцатого, то бишь Зрителя, оказывается, меняют, но при этом переквалифицировать его невозможно, так как спонсоры могут удивиться и взволноваться, а их надо, разумеется, радовать... четверть века назад было принято какое-то решение, и

если бы не оно, Тесье бы тут сегодня не сидел... «Не забудьте коронные формулировки»... Не может быть, чтобы они пошли на такой подлог. Нет, это слишком невероятно. Это слишком... просто. Вот именно. – просто. Просто до скуки, до отвращения. Просто и реально. И гораздо больше похоже на правду.

– Так и сказал? Особое отношение к Двенадцатому? Распустились, голубчики... Ну конечно, особое. Хорошо, сообщите Виктору, пусть начинает набор. И не забудьте об отчете. Мы не можем волновать спонсоров. ... Да, неделя. Что? Как обычно – код «три». Эта информация – только для спонсоров. И так уже в институте ползут слухи... Вот именно, меньше знаешь...

Я все еще не верил своим ушам. В очередной раз все мои представления об эксперименте рушились. Они меняли Зрителя. Они обманывали своих спонсоров! Не было никакой мрачной тайны, все эти разговоры о проклятии рода человеческого были не более чем разговорами. Эксперимент, «смелый, дерзкий и небывалый» эксперимент никогда не удавался! Он тихо и прозаически провалился много лет назад, когда их настоящий Зритель и не подумал останавливаться в своем развитии. Тогда у них, конечно, началась паника. Но пока одни искренне переживали о потере бессмертия, другие жалели о более материальных утратах. И какая-то мудрая голова сообразила, что для получения субсидий вовсе не обязательно иметь настоящего нестареющего человека. Достаточно обладать возможностью продемонстрировать такого человека спонсорам. А под рукой уже был механизм имитации не меняющихся со временем людей, отточенный и отлаженный до великолепия. И вот уже четверть века они кормили спонсоров липовыми отчетами и с гордостью показывали им неизменного Зрителя. А те, в свою очередь, умилялись и исправно делали то, что от них и требовалось – продолжали платить. Можно было только догадываться о том, какую жирную пенку год за годом снимало местное руководство с бесчисленных поступлений на банковские счета эксперимента.

На секунду мне представилась страшная картина, нарисованная Катру. Теперь я еще глубже ощутил всю жестокую безнадежность мира, в котором все люди, неся в себе бессмертие, старели и умирали только потому, что считали, что должны умирать. Только потому, что «так заведено». И даже узнав о заложенном в них бессмертии, они не имели ни малейшей возможности воспользоваться этим даром, потому что в их головы с младенчества намертво впечатали это страшное

заблуждение. И они продолжали стареть и умирать и в промежутке между рождением и смертью успевали рожать детей. И обрекали их на смерть, растя так же, как растили их самих, потому что у них не было, не было ни малейшей возможности избавить детей от этого груза, оставив их при этом людьми.

Какой извращенный ум мог породить это дикую идею? Что за иезуитский, дьявольски продуманный способ заставить меня мучиться до конца своих дней? Но зачем? Зачем? Извращенная месть? Нет, им чужды такие соображения. Не месть это была, а тонкий расчет. Это называется «принимать меры предосторожности». В моих руках случайно оказался крошечный клочок правды, и они не могли отпустить меня, не обезопасив свое положение. Сказать всю правду мне было ни в коем случае нельзя. Совсем ничего не говорить было тоже опасно, так как в этом случае я оставался при своих изначальных выводах об успехе и тайне эксперимента. Надо было придумать какое-то правдоподобное объяснение, которое заставило бы меня отказаться от этих выводов. В то же время надо было сделать так, чтобы никто не поверил моему рассказу, если бы я вздумал болтать. И они с блеском вышли из положения. Что с того, что при этом пришлось кинуть тень на всю мою будущую жизнь?

Как я мог поверить ему, поддаться этому наваждению? Ведь какие-то полтора года назад, после моей операции Катру с точно таким же подъемом беспардонно врал мне в глаза. А Тесье? «Остановятся ли часы? Затормозится ли процесс? Скоро мы узнаем». Они всегда обманывали меня. Всегда и во всем. Мари, провалившая экзамен, возраст Зрителя, Тесье, играющий Двенадцатого – каждый день был наполнен притворством и враньем. И я хорошо отдавал себе в этом отчет. А теперь, когда мне рассказали страшную сказку, я вдруг поверил в нее с доверчивостью ребенка. Ну что ж, давайте играть по вашим правилам. Еще полгода назад я бы зашел в кабинет к этому современному Макиавелли и выложил бы ему все, что думаю о нем и его методах. Но я уже давно изменился. Если вы хотите считать, что я верю в этот кошмар, считайте так. Разочаровывать я вас не стану. Мне достаточно правды. Той правды, которую вы так долго и упорно скрывали.

Тесье еще куда-то звонил, с кем-то говорил, а я все стоял, прислонившись к стене, и с облегчением повторял про себя: «Это была ложь, это была ложь, это была ложь»...

Эпилог

Книжный магазин был из тех, которые по своему размеру не уступают супермаркету, однако покупателей в нем было несравнимо меньше. В этот полуденный час здесь было необычайно пусто. Между полок из солидного темного дерева несколько потерянно бродили двое любителей чтения. Еще один расположился в дальнем углу возле стеллажа, на котором сверкали глянцевые обложки журналов.

Я взглянул на список отделов и направился наискосок, в противоположный конец помещения, туда, где красовалась надпись «Путешествия». Через день мы отправлялись в круиз по греческим островам, и мне надо было купить путеводитель. Мари давно хотела посмотреть на эти средиземноморские жемчужины – с тех пор как ее ближайшая подруга вернулась оттуда в полном восторге. «Этот Санторини – это такая прелесть, – умилялась Кристина, демонстрируя нам яркие фотографии, – мы там поднимались в гору на ослах. Это древний затонувший вулкан. А Родос, а Патмос...» Горные ослы меня не особо интересовали, но я и сам был не против взглянуть на эти красоты. Да и Афины посмотреть было бы интересно. Мы говорили об этой поездке с прошлого лета, но сначала болела Люси, потом была горячая пора с выборами, затем подросла возня с новым домом, а вслед за ней – череда других не менее важных и не менее срочных дел. Я уже готов был решительно объявить, что делам придется подождать, но тут большинство проблем как-то тихо уладилось, и оказалось, что у нас больше нет повода откладывать путешествие. В редакции могли обойтись две недели без меня; с маленькой Люси оставались мои родители. Наконец-то мы могли побыть вдвоем первый раз за три года, прошедшие после рождения дочки.

И несмотря на это, выбирая путеводитель, я с какой-то тоской думал о том, что не увижу свою маленькую девочку целых две недели. Конечно, иногда ее шумная активность становится утомительной, но это чувство длится не дольше минуты. Вчера, когда Люси с визгом носилась по детской площадке, я не мог избавиться от мысли, что с момента ее рождения я никогда не расставался с ней больше чем на день. А потом после обеда она сидела и внимательно слушала, как

Мари читает ей «Кота в сапогах». Перро у нас вообще в большом почете. Особенно «Красная Шапочка». Что в ней находят дети, я так и не понял, но читать мне ее приходится регулярно. И каждый раз следуют вопросы. Вчера, после «Кота», пришлось объяснять, что такое «наследство» – до этого с таким понятием Люси не сталкивалась. Слушала, широко раскрыв свои огромные глазищи, переспрашивала, но, по-моему, забыла об этом уже через минуту. Ладно, успеем еще объяснить.

Я поставил на место аляповатый и слишком восторженный путеводитель и потянулся за соседним. Его солидный корешок обещал более серьезную информацию. Справа раздалось сухое покашливание, и я автоматически повернул голову. Возле соседнего стеллажа вполоборота к нему стоял легко сутулившийся мужчина в добротном плаще. Что-то знакомое почудилось мне в его фигуре. Мужчина еще раз кашлянул, повернулся и протянул руку за книгой. И, словно образ из полузабытого сна, передо мной мелькнуло лицо Катру.

Я резко повернулся к нему спиной, даже не успев подумать, почему так делаю. Говорить мне с ним абсолютно не хотелось. Да и не о чем нам было говорить. Этот сладкоречивый педагог с чертами постаревшего Петрония вызывал у меня большее раздражение, чем Тесье. Тот, по крайней мере, никогда не пытался претендовать на то, что ведет со мной откровенную беседу. А этот только и делал, что имитировал доверительные отношения типа учитель – ученик. И использовал эти отношения в своих далеко не самых благородных целях.

Я попытался сосредоточиться на путеводителе, но воспоминания, вызванные этим призраком из прошлого, настойчиво вторгались в мои мысли. Сначала в памяти пронеслись перемешанные, никак не связанные между собой моменты эксперимента. Ночной скандал, встречи с Мари, глупая попытка вызвать Эмиля на откровенность, другой скандал, после которого Катру с таким сочувствием просил не делать ошибок, игра в буриме, первая встреча с Третьим и Второй, разговор с Катру... Тот тщательно спланированный и подготовленный разговор, который вполне мог сделать мою жизнь мучением. Неизвестно, как бы я мог жить, если бы не подслушанная телефонная беседа. Я вспомнил, как после возвращения, несмотря на хлопоты с обустройством новой жизни, подготовку к свадьбе, заботы о Мари, раз за разом возвращался к мыслям о смерти и той

страшной западне, в которую едва не угодил. Это было осторожное кружение вокруг темного пятна неопределенности, которое лучше всего описывалось расплывчатым вопросом «как жить?» Не «зачем?», не «для чего?», но – «как?» Вопрос этот был неуклюж, коряв, только очень приблизительно описывал это пятно, был слишком всеобъемлющ для какого-либо вразумительного ответа на лучшей формулировке я не находил. Я не мог четко объяснить сам себе, почему он так сильно занимает меня, но мне казалось, что рано или поздно надо обдумать его и прийти к каким-то выводам. К каким – я и сам не знал. Однако это чувство «надо сесть и подумать» возвращалось с завидной регулярностью. И порой я садился, и думал, и вспоминал, и нащупывал какие-то ответы, не имевшие ничего общего с вопросом. Но ясность не приходила. Был просто круговорот слов, штампов, абстрактных понятий. А понимания не было. Я только чувствовал, что ответ таится где-то между моим странным опытом, когда мне чудился бледный всадник, и той ночной беседой с Катру. Он был на полпути между страхом смерти и той фантазмагорией, которая была еще страшнее, чем смерть.

«Нельзя бояться, – думал я. – Нельзя. Но почему – нельзя? И как избавиться от этого страха? Когда я был Пятым, меня учили, что мое бессмертие не должно быть чем-то заслуживающим внимания. Не есть ли это ответ на вопрос? Пятому не было интересно собственное бессмертие, значит, меня не должно волновать то, что я смертен? Смерть – атрибут жизни... Поймите, это не теорема, это – аксиома... Аксиомы не доказывают, их принимают на веру. Их невозможно опровергнуть, и поэтому они неинтересны по определению. И следовательно, над ними не размышляют». Но эти сухие рассуждения оставались не более чем занимательными логическими упражнениями. А понимания все не было.

Я так и не смог прийти к каким-то определенным выводам до тех пор, пока не родилась Люси. Впрочем, нет, это произошло не тогда, когда она родилась, а значительно позже, когда она стала узнавать меня. Глядя на то, как этот еще недавно не существовавший человек расплывается в улыбке при виде меня и радостно трясет погремушкой, я ощутил новое, еще неясное для себя чувство. А несколько дней спустя это чувство расставило все на свои места и помогло понять, каков же ответ на расплывчатый вопрос. Правда, когда я попытался изложить свои новые взгляды деду Мари, этот образованнейший и

интереснейший старик, с которым я часто вступал в споры, усмехнулся и выразил надежду на то, что я сохраню приверженность подобным взглядам в его возрасте. Но его скептицизм ничего не изменил.

Я захлопнул путеводитель и, надеясь остаться незамеченным, двинулся к проходу. К сожалению, попытка не удалась. Услышав мои шаги, Катру поднял голову, кинул на меня беглый взгляд и тут же просиял.

– Здравствуйте, – радостно сказал он, когда я подошел поближе.

– Добрый день, – отозвался я, чувствуя, что мой тон на порядок холоднее его.

– Вы... – он был в явном замешательстве. Было видно, что он не знает, с кем из Пярых имеет дело.

– Андре Рокруа, – все так же холодно сказал я, желая поскорее закончить беседу. – А вы – Луи Катру.

– Да-да, конечно, – обрадовался он. – Теперь я вас узнал.

Он приветливо смотрел на меня, видимо, не придавая значения моему тону. Я отвечал ему равнодушным взглядом. Он немного постарел за эти три с лишним года. Венчик седых волос обрамлял расплзшуюся лысину. Две глубокие складки между бровями стали больше. Но, кроме этих естественных изменений, он был все тот же – еще крепкий, уверенный в себе мужчина.

– Ну, как вы? – спросил Катру наконец. Я пожал плечами.

– Спасибо, ничего.

– Как Мари? – поинтересовался он, обнаруживая завидную память.

– Тоже неплохо.

– Кто у вас родился?

– Девочка.

Сейчас он спросит: «Как назвали?», я отвечу: «Люси», он скажет: «Хорошее имя», я кивну, а затем распрощаюсь и пойду дальше... Но он вдруг замолчал. Может быть, мое нежелание говорить стало слишком заметно. «Вот и хорошо, – подумал я, – ничего не надо объяснять». Но тут он неожиданно посерьезнел, глянул по сторонам и, понизив голос, задал совсем другой вопрос:

– А вы часто вспоминаете наш разговор? Он... не мешает вам?

– Ничуть не мешает, – ответил я, поражаясь этой наглости. – Я вообще о нем не вспоминаю.

Его лицо просветлело.

– Вообще не вспоминаете? Вот это личность!

Этот дешевый спектакль начинал меня раздражать.

– А вы думали, он будет мне мешать? – спросил я. Катру сделал неопределенный жест.

– Не знаю. У меня были некоторые сомнения... Но я считал, что вы должны знать правду. И я рад тому, что не ошибся.

Я промолчал. Сомнения у него, видите ли, были... Конечно, сомнения.

– Разумеется, это было нелегко, – сказал он, неверно истолковывая мое молчание. – Кстати, я забыл тогда сказать вам, но вы, наверное, и сами так решили... Вы ведь не рассказывали об этом Мари? Мне кажется, что...

Это была ошибка. Не стоило ему упоминать ее имя в этом контексте. Ох, не стоило...

– Не волнуйтесь, – сказал я, бесцеремонно прерывая его речь, – Мари, конечно, знает об этом разговоре. Но ее, как и меня, он не смущает.

И, не удержавшись, добавил:

– Как бы вам этого ни хотелось.

– Простите? – с прекрасно разыгранным недоумением спросил он. – Как бы мне этого ни хотелось? Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что нам не стоит продолжать эту беседу, – ответил я, стараясь оставаться в рамках приличия. – До свидания.

– Нет, постойте, – твердо возразил он. – Я не знаю, чем я вас обидел, вспомнив о Мари, но...

– Сделайте одолжение, не вспоминайте о ней, – снова прервал я Катру. – Никогда. Хватит того, что вы чуть не отравили мне жизнь своим враньем.

Он сощурился.

– Враньем?

– Вот и поговорили, – сказал я.

– Враньем... – повторил он с каким-то новым выражением. – А как вы узнали?

– Двери надо закрывать, – буркнул я. – Тогда не все, кто проходит мимо комнаты Тесье, будут знать...

– Знать что?

– То, что вы вешаете лапшу своим спонсорам, меняя Двенадцатого как

перчатки.

– Значит, вы слышали его разговор, – вздохнул Катру. – Теперь понятно. Но почему вы так злы на меня?

– Почему? Неужели вы серьезно задаете такой вопрос?

Он сосредоточенно кивнул и этим еще больше разозлил меня.

– Для того чтобы покрыть свои махинации с провалившимся экспериментом, вы готовы были перечеркнуть всю мою жизнь. Вам было все равно, что я проведу остаток жизни, мучаясь от сознания того, что не должен умирать, что мой ребенок не должен умирать... Этого не произошло только по чистой случайности. Как вы ни старались, я люблю жизнь и не боюсь смерти. Но если бы не этот случай, моя жизнь была бы пыткой из-за вашей чудовищной лжи. И вы еще спрашиваете, почему я зол?

Я замолчал, досадуя на свою несдержанность. Нашел перед кем разглагольствовать... Катру отвел взгляд. Затем бесцельно открыл и закрыл книгу, которую держал в руке. И тихо сказал:

– Простите.

Мне вдруг стало жаль его. Но только на мгновение.

– Прощайте, – сказал я. – Надеюсь, что я был единственным, кого вы пытались обмануть.

И, повернувшись, вышел из прохода. Сквозь умытые дождем витрины в лицо мне блеснуло солнце.

– И ты ему ничего не сказал?

– Нет.

– Любопытно... любопытно.

Грузный мужчина с аккуратной седеющей бородой откинулся в черном кожаном кресле и, постукивая пальцами по столу, спросил: – И как он дошел до этого?

Его собеседник, лысоватый человек с аристократическим профилем, пожал плечами.

– Он упомянул какой-то телефонный разговор. Похоже, что он случайно услышал твою беседу. Рекомендовал закрывать двери.

Бородатый хмыкнул.

– Горбатого могила исправит. Но почему он решил, что его обманули? Что бы он ни подслушивал, я такое сказать не мог.

– Насколько я понял, – грустно сказал аристократ, морщась от скрипа своего кресла, – он считает, что опыт ставится над Двенадцатым.

Бородатый вскинул брови.

– Над Двенадцатым?

Аристократ кивнул. Человек за столом гулко расхохотался.

– И еще мы его меняем... Хорош сыщик! Это надо же – парню рассказали всю правду, а этот чудак все равно в нее не поверил. Придумал такую ерунду.

– Кому она нужна – наша правда... – вздохнул лысый. – Не знаю, что он услышал у тебя под дверью, но на его месте любой человек сделал бы те же выводы. Он просто искал повод не верить. И нашел.

– Что да, то да, – отсмеявшись, согласился бородатый. – Кстати, любопытная идея насчет замены, – тут он улыбнулся. – Если когда-нибудь Десятый неожиданно начнет стареть, можем ею воспользоваться. И не надо будет совать в каждую группу по подсадной утке.

– С чего ему вдруг стареть? – невесело спросил лысый. – Двадцать пять лет не стареет...

– Опять завидуешь? – спросил бородач. – Нечего ему завидовать.

Аристократ отмахнулся.

– Ему – нет. А вот этому грубияну – возможно.

– Ты в порядке? – озабоченно спросил человек за столом. – Сто раз вроде обсуждали. Ты ведь никогда не жалел о том, что знаешь. Что он тебе такого сказал?

– Ничего особенного, – ответил сидящий в кресле. – Ничего особенного... Так, одна фраза. Мне бы тоже так хотелось... Как он... Любить жизнь и не бояться смерти.